

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. Х.М. БЕРБЕКОВА»**

На правах рукописи

Шугушева Джулета Хабасовна

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА
КАК ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(на материале произведений А.П. Кешокова)**

10.02.02 – языки народов Российской Федерации
(кавказские языки)

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор **Бижева З.Х.**

Нальчик 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ	10
1.1. Трактовка фразеологизма в современной лингвистике	10
1.2. Кабардинская фразеология: становление и развитие	32
1.3. Художественный концепт в коммуникативной стилистике	43
Выводы	47
ГЛАВА 2. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ	
ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ	
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ А.П. КЕШОКОВА	51
2.1. Концепт <i>ЗЭМАН</i> (время)	51
2.2. Концепт <i>ПСЭ</i> (душа)	57
2.3. Концепт <i>ГУ</i> (сердце)	66
2.4. Концепт <i>УНЭ</i> (дом)	93
Выводы	104
ГЛАВА 3. ВЗАИМОДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ СЕМАНТИКИ	
ФЕ И КОНТЕКСТА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ	
ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.П. КЕШОКОВА	107
3.1. Семантика ФЕ и ее репрезентация в контексте художественной прозы А.П. Кешокова	107
3.2. Индивидуально-авторское преобразование ФЕ в произведениях А.П. Кешокова	115
3.3. Комбинированные приемы авторского изменения ФЕ	133
Выводы	139
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	142
БИБЛИОГРАФИЯ	148

ВВЕДЕНИЕ

В контексте антропоцентрической парадигмы современного гуманитарного знания репрезентация фразеологической концептуализации в языковой картине мира (ЯКМ) представляется релевантной для адекватного исследования взаимодействующих языка, культуры и художественного текста. Данные феномены, как нам представляется, в наибольшей мере эксплицируют этнокультурные особенности менталитета соответствующего языкового сообщества, его когнитивные интенции, а также индивидуально-авторские интерпретации культурного кода родного языка.

Экзистенциальные фразеологические константы кабардино-черкесского языка, функционирующие в такой сложной этноментальной системе, как художественный текст, не были предметом специального монографического исследования с целью выявления комплекса лингвистических средств, репрезентирующих особенности фразеологического пространства данной ЯКМ.

Анализ кабардино-черкесских фразеологизмов концептосфер *гу* (сердце), *псэ* (душа), *зэман* (время), *унэ* (дом) из художественных произведений А.П. Кешокова подтвердил мнение В.Н. Телия о том, что «...система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [Телия, 1996: 215].

Данная проблематика приобретает все большую актуальность в эпоху глобальной межкультурной коммуникации еще и в связи с тем, что нарастает противопоставление феноменов универсальности и самобытности этнических культур.

В указанном контексте актуализируется роль исследования адыгского лингвокультурного сознания, эксплицированного в ЯКМ и в том числе во фразеологическом метакоде.

Взаимосвязь языка и культуры, к которой заметно повысился научный интерес в последние десятилетия, очевидна из их конститутивных свойств. Именно в данном контексте наиболее адекватно эксплицирована междисциплинарность как знаковая характеристика современного гуманитарного знания [Бижева, 2017: 8].

Теоретические основы лингвокультурологических исследований трактуются в литературе разноречиво. Концепции, посвященные языку и культуре, преобладают над исследованием языкового материала. Основные методологические требования антропологической лингвистики сводятся к следующему:

- 1) познание человека невозможно без исследования языка;
- 2) изучить природу языка можно, лишь исходя из понимания человека.

В контексте диссертационной проблематики нас в большей мере интересует второй тезис, так как мы исходили из того, что данная парадигма лингвистики – это когнитивное направление, в рамках которого реализуются системные свойства, актуализирующие поведение человека. познание же вербализуется в ЯКМ, концептуализирующих его этноспецифичным способом. К причинам различия этнических ЯКМ, помимо многих иных, относится неоднозначность связи между реалиями и средствами языка, обозначающими их, поэтому данная проблема не может быть решена только лингвистикой [Бижева, 2017: 9].

Самоидентичность адыгов – одна из актуальных проблем данного языкового сообщества. В ее реконструкции важнейшую роль играет системное исследование адыгского языкового менталитета, выраженного и в художественном дискурсе.

Концептуальное пространство адыгской ЯКМ многоаспектно. В настоящее время в концептосфере адыгских языков в основном исследуются лексические языковые значения, т.е. ее ментальный лексикон. Другими словами, для современной адыгской лингвокультурологии характерен такой аспект исследования взаимодействованности языка и культуры, как семиологический анализ базовых концептов ЯКМ – доминирующий аспект, соотносящийся с когнитивной лингвистикой (концепты эксплицируются в ре-

зультате процесса означивания познания этноса). Роль данного аспекта актуализируется исследованием фразеологической концептуализации в художественных текстах.

Как известно, междисциплинарность гуманитарных исследований обуславливает и актуальность изучения ценностных парадигм различных дискурсов. Концептуализация фразеологизмов как важнейшего средства отражения аксиологического аспекта адыгской ЯКМ становится одним из основных факторов при исследовании адыгского языкового менталитета.

Всем сказанным предопределена **актуальность** настоящего диссертационного исследования.

Объект исследования – фразеологизмы кабардино-черкесского языка из художественных произведений А.П. Кешокова, составляющие экзистенциальную основу концептосфер таких адыгских констант, как *зу* (сердце), *псэ* (душа), *унэ* (дом), *зэман* (время).

Предметом исследования являются функционирование и этнокультурное своеобразие фразеологических единиц (ФЕ) в произведениях А.П. Кешокова на основе анализа их семантики, коннотации, лингвокультурологических, когнитивнокультурологических и аксиологических характеристик.

Материалом исследования послужили данные выборки ФЕ концептосфер *зу* (сердце), *псэ* (душа), *унэ* (дом), *зэман* (время) из следующих произведений А.П. Кешокова:

Романы: «Хьуэпсэгьуэ нур» («Чудесное мгновение»), «Эмирым и сэшхуэ» («Сабля для эмира»), «Мазэ ныкьуэ щхьуантIэ» («Зеленый полумесяц»), «Щынэхужьыкьуэ» («Долина белых ягнят»), «Нал кьута» («Сломанная подкова»), «Кхьужьыфэ» («Грушевый цвет»), «Льапсэ» («Корни»).

Новеллы: «Анка» («Анка»), «Аргьуей» («Комар»), «Бабыщыкьуэ адакьэпщ» («Петух – сын утки»), «ВитI» («Два вола»), «ГущIэгьу» («Милосердие»), «Лэчымэ» («Запах краски»), «МелыIыч» («Ангел»), «ХьэщIэ льапIэ» («Дорогой гость»), «Зи льэрыгьыпс тIыгьа» («Чье стремя мы держа-

ли», «Кхьэлэгъунэ» («Мечеть»), «Лыгъэ» («Пламя»), «Хьэсэпэхъумэ» («Сторож»), «Къалэн» («Долг»), «Кхъухь пхэнж» («Неправильный корабль»).

Рассказ «КIапсэ кIапэ» («Кусок веревки»).

Повесть «Нэгъуху» («Слепота»).

Пьесы: «Альхъо» («Альхо»), «Гъуэгуанэ» («Путь»), «Тепщэч къэзыльэ-тыхь» («Летающая тарелка»).

Эмпирический материал составил около 300 единиц, собранных методом сплошной выборки.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении специфики и аргументации фразеологической репрезентации базовых констант адыгской ЯКМ в художественном тексте как этнокультурного феномена.

Данная цель диссертационной работы предполагает решение следующих исследовательских **задач**:

1) рассмотреть состояние исследования фразеологической системы кабардино-черкесского языка с учетом современных достижений лингвокультурологии;

2) выявить корпус ФЕ из произведений А.П. Кешокова, составляющих концептосферу *гу* (сердце), *псэ* (душа), *унэ* (дом), *зэман* (время);

3) проанализировать этнокультурную специфику ФЕ кабардино-черкесского языка в художественных текстах А.П. Кешокова;

4) систематизировать приемы индивидуально-авторского использования ФЕ в текстах писателя.

Рабочая гипотеза диссертационного исследования состоит в том, что ФЕ кабардино-черкесского языка, содержащие этнокультурный компонент (в данной работе – константы *гу* (сердце), *псэ* (душа), *унэ* (дом), *зэман* (время)), приобретают индивидуально-авторскую специфику при репрезентации в художественном тексте.

ФЕ, в семантическую структуру которых входит этнокультурный компонент, являются специфическим средством формирования фразеологической картины мира соответствующего языкового сообщества.

Методы исследования предопределены спецификой его цели и задач: семантико-когнитивный анализ, лингвокультурологический и концептуальный анализ. В процессе исследования были использованы такие приемы, как выборка, анализ, описание, обобщение, интерпретация.

Научная новизна исследования. Диссертационная работа представляет собой первое монографическое исследование творческого использования этнического фразеологического пласта адыгской ЯКМ в контексте индивидуально-авторской языковой личности А.П. Кешокова. С этой целью в диссертации впервые рассматривается контекстуальная реализация семантики и коннотаций ФЕ, выявляется системность их реализации в произведениях писателя, что позволило квалифицировать основные черты его идиостиля. Семантико-когнитивный и лингвокультурологический анализ ФЕ, репрезентирующих концепты *гу* (сердце), *псэ* (душа), *унэ* (дом), *зэман* (время), способствовал адекватной классификации специфики авторского использования ФЕ в художественном тексте.

Теоретическая значимость диссертации предопределена определенным вкладом в дальнейшее исследование ЯКМ в контексте этнокультурной обусловленности ее экспликации во фразеологическом пространстве языка. Анализ фразеологической концептуализации в художественном дискурсе позволяет выявить специфику этнического языкового сознания, способствует углублению понимания ЯКМ, что предопределяет более эффективное развитие как лингвистики в целом, так и лингвокультурологии. Исследование ФЕ в авторской речи А.П. Кешокова важно для коммуникативной стилистики, семасиологии и синтаксиса кабардино-черкесского языка.

Практическая значимость диссертационного исследования связана как с общим повышением лингвокультурологического образования в школе и ВУЗе, так и с использованием его материалов и выводов в учебном процессе (спецкурсы по кабардино-черкесской фразеологии, адыгской лингвокультурологии и т.п.), а также в лексикографической практике.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. ФЕ кабардино-черкесского языка, репрезентирующие в произведениях А.П. Кешокова концептосферу таких лингвокультурем, как *зу* (сердце), *псэ* (душа), *унэ* (дом), *зэман* (время), составляют основу системы экзистенциальных адыгских констант, актуализирующих аксиологический и когнитивный аспекты ЯКМ этноса.

2. Фразеологическая концептуализация, являясь этнокультурным феноменом, формирует экзистенциальную картину мира соответствующего языкового сообщества. ФЕ кабардино-черкесского языка, маркируя своей семантикой этническую специфику адыгской лингвокультурной традиции, транслируют ее ментальные доминанты, что и отражается в художественных текстах А.П. Кешокова.

3. Этнокультурная специфика функционирования концептов *зу* (сердце), *псэ* (душа), *унэ* (дом), *зэман* (время) эксплицируется в художественных произведениях А.П. Кешокова в разном качественном наполнении. Внутренняя форма исследованных ФЕ, являясь образным представлением фрагментов ЯКМ, придает текстам писателя национальный колорит.

4. Концепты *зу* (сердце), *псэ* (душа), *унэ* (дом), *зэман* (время), являясь наиболее продуктивными лингвокультурными кодами, участвующими в формировании адыгского фразеологического метакода, приобретают авторскую интерпретацию в контексте его идиостиля и специфики художественного мировоззрения.

Апробация работы. Основные положения исследования были представлены в докладах и сообщениях, сделанных на международных научно-практических конференциях: VII международная научно-практическая конференция «Научные итоги 2017 года: достижения, проекты, гипотезы» – Центр развития научного сотрудничества, Новосибирск (2017); VIII международная научно-практическая конференция «Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы» – Казанский ГУ

(2017); XIII международная научно-практическая конференция «Научный форум: филология, искусствоведение и культурология» – Москва (2018).

Результаты исследования обсуждались на заседании кафедры русского языка и общего языкознания института истории, филологии и средств массовой информации ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

По теме исследования опубликовано 10 научных статей, в том числе 3 – в реферируемых ВАК журналах.

Структура диссертационного исследования: работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии, списка использованных словарей.

Во **введении** обосновываются актуальность и научная новизна работы, формулируются рабочая гипотеза, предмет и объект диссертационного исследования, определяются его цель и задачи, аргументируются методы исследования, его теоретическая и практическая значимость.

В **первой главе** излагаются теоретические основы диссертационного исследования: трактовка ФЕ в современной лингвистике, становление и развитие кабардинской фразеологической науки, функционирование художественного концепта в коммуникативной стилистике.

Вторая глава посвящена фразеологической репрезентации таких экзистенциальных концептов в произведениях А.П. Кешокова, как *гу* (сердце), *псэ* (душа), *унэ* (дом), *зэман* (время).

В **третьей главе** рассматривается взаимодействующая семантика фразеологизмов и контекста на материале художественных текстов А.П. Кешокова.

В заключении подведены основные итоги диссертационного исследования. Библиография диссертации включает в себя 230 работ.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Трактовка фразеологизма в современной лингвистике

Систематическое изучение фразеологии в отечественной науке связано с работами В.В. Виноградова [Виноградов, 1977], развившего идеи Шарля Балли и создавшего теоретическую базу исследования устойчивых словесных комплексов. Созданная ученым классификация фразеологических единиц с точки зрения семантической слитности оказалась основополагающей для большинства последовавших работ и является до сих пор актуальной.

Интенсивное развитие фразеологии, тем не менее, выявило множество противоречивых подходов, как к определению основной единицы фразеологии, так и к перечню основных признаков этой единицы. В рамках лингвистического направления можно даже назвать различные наименования фразеологических единиц – фразеологизм, устойчивые фразы (В.Л. Архангельский), фразема (В.Л. Архангельский, Н.Ф. Алефиренко), устойчивые словесные комплексы (И.И. Чернышева), устойчивое словосочетание (Б.А. Ларин, В.М. Мокиенко) и др.

Вторая половина двадцатого века характеризуется исследованием ФЕ с точки зрения структуры, системной организации, семантики, функционирования, сопоставления (Ю.Ю. Авалиани, Н.Н. Амосова, В.Л. Архангельский, А.М. Бабкин, С.Г. Гаврин, Ю.А. Гвоздарев, В.П. Жуков, М.М. Копыленко, А.В. Кунин, В.Н. Мокиенко, А.И. Молотков, Р.Н. Попов, З.Д. Попова, М.Т. Тагиев, А.И. Фёдоров, И.И. Чернышева, Н.М. Шанский).

Попытка объединения различных точек зрения на объект лингвистического направления привела к различению узкого (отнесение к фразеологии исключительно идиом – устойчивых сочетаний, значения которых не определяются значениями слов-компонентов) и широкого (включения, кроме устойчивых словосочетаний-идиом, пословиц и поговорок) понимания фразеологии. Термины широкого и узкого понимания фразеологии ввел С.И. Ожегов, он предложил различать фразеологию в узком смысле слова – ФЕ, являющие-

ся «наряду с отдельными словами, средствами построения предложений или элементами предложений», и фразеологию в широком смысле, куда, кроме идиом, входят пословицы, поговорки, крылатые слова – «любые отрезки контекста с законченным смыслом, употребляющиеся в речи как цитаты, афоризмы» [Ожегов, 1957: 30].

Согласно Н.М. Шанскому, придерживавшегося широкого понимания фразеологии, фразеологизмы имеют следующие дифференциальные признаки: 1) готовые образования, извлекающиеся из памяти целиком; 2) постоянство в составе, структуре и семантике; 3) звуковые комплексы, компоненты которого имеют два или больше основных ударения; 4) членимые образования, компоненты которых осознаются говорящими как слово [Шанский, 1969]. Известный исследователь фразеологии В.Л. Архангельский, включавший в круг фразеологических единиц пословицы и поговорки, пишет: «Под устойчивыми фразами понимаются известные в русском языке и воспроизводимые в речи устойчивые образования, эквивалентные по грамматической форме свободным предложениям и способные функционировать в речи как самостоятельные предложения или как части сложных предложений» [Архангельский, 1964: 57].

Очевидно, что вопрос об объеме фразеологии может решаться на разных основаниях. В.Н. Телия выделяет следующие типы «Фразеологий»: «Фразеология-1 – это раздел лингвистики, исследующий идиоматичность сочетаний слов и их знаковые функции; Фразеология-2 – раздел лингвистики, изучающий категорию связанности значения (в ее лексических и семантических, а также лексико-грамматических аспектах) и знаковые функции связанного значения слова; Фразеология-3 – раздел лингвистики, изучающий клишированность речи (скорее всего во взаимодействии с теорией речевых актов и культурой речи); Фразеология-4 – раздел лингвостилистики, исследующий характерные для того или иного направления, стиля или отдельного автора способы номинации; Фразеология-5 – раздел паремиологии; Фразеология-6 – скорее всего прикладная область лингвистики, коллекционирующая афоризмы, сентенции или слова, воспринимаемые как «цитации», с целью создания

энциклопедических словарей крылатых слов и выражений». К «собственно лингвистическим» разделам автор относит *Фразеологию-1 – Фразеологию-4*, отмечая при этом взаимодействие разных сфер, единицы которых обладают воспроизводимостью [Телия, 1996: 75].

О многообразии типов ФЕ в структурном и семантическом отношении пишет В.Н. Телия, которая выделяет «по крайней мере, шесть классов фразеологизмов, каждый из которых включает в себя либо только «ядро» фразеологического состава – идиомы (1), либо фразеологизмы с аналитическим типом значения – фразеологические сочетания, которые непосредственно взаимодействуют по своей структуре с единицами лексико-семантической системы языка (2), либо паремии (пословицы и поговорки), обладающие одновременно и «прямым» и иносказательным значением (3). Некоторые авторы включают в объем фразеологии только два класса – идиомы и фразеологические сочетания (1, 2), другие – еще пословицы и поговорки (1, 2, 3), к этому добавляют еще речевые штампы (4), и различного рода клише (5), а также крылатые выражения (6)» [Телия, 1996: 58].

С учетом стоящих перед нами задач мы придерживаемся широкого понимания фразеологии и вполне разделяем точку зрения таких авторов, как А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский, которые в работе «Аспекты теории фразеологии» выделяют пять типов фразеологизмов: «идиомы (*шишка на ровном месте*); коллокации (*зло берет*); пословицы (*цыплят по осени считают*); грамматические фразеологизмы (*во что бы то ни стало*); синтаксические фразеологизмы (*Х он и в Африке Х*)» [Баранов, Добровольский, 2008: 69].

Дифференциальными признаками ФЕ в работах разных исследователей отмечаются такие признаки ФЕ, как сверхсловность, устойчивость, целостность значения, воспроизводимость. Данные параметры отделяют ФЕ от единиц других уровней языка, однако и они являются предметом дискуссии.

Сверхсловность, наряду с раздельнооформленностью, означает способность состоять как минимум из двух слов. Как известно, от так называемых свободных словосочетаний фразеологические единицы отличаются тем, что

свободные словосочетания, компоненты которых сохраняют свое значение, создаются в процессе речи. ФЕ, в отличие от них, несвободные сочетания, компоненты которых не имеют самостоятельного значения, а представляют собой семантически целостную устойчивую единицу, «словосочетание, становясь фразеологизмом, утрачивает признаки словосочетания, переходит в особую единицу с иными, чем у словосочетания, признаками» [Молотков, 1977: 15–16].

Устойчивость ФЕ представляется на первый взгляд очевидной. Так, В.П. Жуков отмечал: «Устойчивость – это мера степени семантической слитности и неразложимости компонентов. В этом смысле устойчивость неразрывно связана с идиоматичностью. Чем выше мера семантического расхождения между словами свободного употребления и соответствующими компонентами фразеологизма, тем выше устойчивость, тем идиоматичнее такой оборот. Справедлива и обратная зависимость» [Жуков, 1986: 6]. Однако в науке существует различное понимание устойчивости. Большинство исследователей соотносят устойчивость с воспроизводимостью ФЕ в готовом виде (В.В. Виноградов, С.Г. Гаврин, Л.И. Ройзензон, Н.М. Шанский и др.). С.Г. Гаврин пишет: «Необходимо принять воспроизводимость как основное свойство именно потому, что она является единственным общим и отличительным признаком, выделяющим УС из массы свободных сочетаний слов» [Гаврин, 1974: 262]. В работах последних лет, тем не менее, отмечается, что воспроизводимость свойственна не только ФЕ, в определенном смысле воспроизводимы все элементы языковой системы – слова, словосочетания, предложения и пр. Так, совершенно справедливо В.П. Жуков отмечает, что «все языковые единицы, обладающие устойчивостью, воспроизводимы, но не все воспроизводимые «сверхсловные» образования наделены устойчивостью» [Жуков, 2006: 8]. Как замечает исследователь, устойчивость предполагает семантическую неразложимость компонентов и тем самым характеризует подлинную «осложненность семантической структуры» однородных языковых единиц, фразеологизмов» [Жуков, 1978: 9].

И.А. Мельчук понимает устойчивость как меру ограничения сочетаемости [Мельчук, 1960: 79], отграничивая ее от идиоматичности как меры семантической неделимости.

Именно в рамках устойчивости, по мнению А.В. Кунина, реализуются такие признаки, как устойчивость употребления, отдельнооформленность, семантическая осложненность [Кунин, 2005: 56].

Целостность значения (идиоматичность) считают одним из главных признаков ФЕ многие исследователи. В результате такого семантического преобразования, как полная или частичная потеря компонентами лексического значения, складывается внутреннее смысловое единство конструкции, обладающей как индивидуальными, так и категориальными значениями, что позволяет соотносить группы ФЕ с частями речи. Как отмечают исследователи, «Тип семантики, или тип категориального значения, у одного класса фразеологизмов и у слов одной части речи одинаков» [Павлова, 1991: 16].

Идиоматичность понимается исследователями как «смысловая неразложимость фразеологизма вообще» [Жуков, 2006: 6]. По поводу идиоматичности А.Н. Баранов писал, что «все определения идиоматичности сводятся к трем базовым идеям – переинтерпретации (наличию переносного значения, частичной или полной деактуализацией компонентов фразеологизма), непрозрачности (отсутствия правил, позволяющих выявить значение; отсутствие одного или нескольких компонентов выражения в словаре) и усложнению способа указания на денотат (существование в языке выражения наряду с более простым и стандартным наименованием)» [Баранов, Добровольский 2008: 30–31]. В своих дальнейших работах по фразеологии А.Н. Баранов, вместе с Д.О. Добровольским, расширили и уточнили свое понимание идиоматичности, посвятив этому главу в своей работе, в которой рассмотрели категорию идиоматичности в ее соотношении с устойчивостью, регулярностью [Баранов, Добровольский 2008: 27-65]. На наш взгляд, признак идиоматичности в таком понимании может служить основным дифференциальным признаком ФЕ (при узком понимании фразеологии).

Выделяются и другие признаки фразеологических единиц, которые не представляются нам глобальными (метафоричность, эмоциональность, экспрессивность, соотнесенность с определенной частью речи, способность выражать культурно-исторический смысл и т.д.), однако являются довольно актуальными для решения задач исследования. Поскольку анализируются ФЕ из контекстов художественных произведений определенного автора, тексты которого наполнены фразеологическими единицами разнообразных структурно-семантических типов, априори можно сказать, что использованные для достижения того или иного эффекта конструкции в авторской речи и речи персонажей отличаются метафоричностью, эмоциональностью. Выборка ФЕ из произведений А.П. Кешокова показала, что большинство значений фразеологизмов образовано на основе языковой метафоры и, кроме номинативной функции, выполняют изобразительно-оценочную. Как отмечает А. Эмирова, «сложные понятия, выражаемые фразеологическими единицами, формируются преимущественно на основе эмоционального выражения образа-представления. Скрытый смысл, продуцируемый переносным употреблением словосочетания в целом или его отдельного компонента, эмоциональные и оценочные элементы в значении фразеологизмов, образы-ассоциации, вызываемые ими, «улавливаются» как на сознательном, так и на бессознательном уровнях человеческого мышления, формируя особое психическое состояние слушателя (читателя) и обеспечивая тем самым достижение говорящим (пишущим) нужного эффекта» [Эмирова 1990: 81].

Приведенный общий обзор позволяет судить о том, что определение дифференциальных признаков ФЕ и отграничение их от других языковых конструкций достаточно сложный вопрос, и решается он по-разному. Выделение ФЕ из контекста произведений А.П. Кешокова проводилось с учетом того, что совокупность описанных признаков позволяет выделить фразеологизмы, отграничивая их от свободных словосочетаний и предложений. Т.е. под ФЕ в данном исследовании понимается *сверхсловная* конструкция, обла-

дающая основным набором дифференциальных признаков: *устойчивость, идиоматичность, воспроизводимость*.

Когнитивная лингвистика определяется как «лингвистическое направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации» [Демьянков, Кубрякова 1996: 53].

Как известно, истоки когнитивных исследований берут начало в трудах В. фон Гумбольдта и И. Гердера, охарактеризовавших язык как вместилище национального духа и народа культуры. Категория знания, наряду со способами его языкового представления, является главной в когнитивной лингвистике, так как оно именно в языке прежде всего фиксируется, хранится и передается.

Вопросам взаимосвязи и взаимозависимости языка и национального сознания народа посвящали свои труды такие исследователи, как Ш. Балли, Э. Бенвенист, Э. Сепир, Б. Уорф, и др., а также отечественные языковеды Ф.И. Буславев, А.А. Потебня, Ф.Ф. Фортунатов. Их исследования были продолжены в работах Н.Д. Арутюновой, Н.Ф. Алефиренко, А.П. Бабушкина, Н.Н. Болдырева, Г.И. Берестнева, Г.А. Волохиной, Е.С. Кубряковой, В.А. Масловой, С.А. Песиной, З.Д. Поповой, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина, В.Н. Телия и др.

В области фразеологии наиболее четко проявляется положение когнитивной лингвистики о том, что языки отражают различные способы членения и интерпретации человеком объективного мира. В настоящее время когнитивный подход является одним из перспективных направлений современной фразеологии; как выдвинули в качестве гипотезы, а затем уверенно ее подтвердили А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский, «фразеологизмы являются не только чисто языковым, но и когнитивным феноменом в том смысле, что образная составляющая фразеологизма, даже если она не влияет непосредственно на актуальное значение, является частью плана содержания» [Баранов, Добровольский 2008: 221]. ФЕ передают потомкам культурно специфичные

особенности картины мира носителей языка и могут влиять на жизнедеятельность человека, восприятие им окружающего мира.

Вопросам когнитивного моделирования актуального значения идиом посвящена глава в монографии А.Н. Баранова и Д.О.Добровольского «Аспекты теории фразеологии» (2008), ученые отмечают при этом, что «носитель языка, употребляя идиому, не может абстрагироваться от порождаемого им образа» [Баранов, Добровольский 2008: 221]. В основе порождения актуального значения идиомы лежит, по мнению авторов, синтагматика когнитивных операций, т.е. данный процесс они описывают как результат взаимодействия различных фреймов. Описывая набор основных когнитивных операций, исследователи, таким образом, отображают, «как актуальное значение идиом формируется на основе знаний о мире, фиксированных в когнитивной системе в виде фреймов» [Баранов, Добровольский 2008:240]. Описание данного процесса формирования актуального значения «с использованием структур знаний на предложенном метаязыке» и называют авторы когнитивным моделированием.

Инструменты оперирования данной области лингвистики – фреймы, т.е. стереотипные ситуации, концепты, т.е. совокупность всех смыслов, схваченных словом, гештальты, т.е. целостные допонятийные образы фрагментов мира и пр. Когнитивная лингвистика направлена на моделирование картины мира и устройства языкового сознания.

Одним из центральных в когнитивной лингвистике является термин *концепт*, который определяется в «Кратком словаре когнитивных терминов» под ред. Е.С. Кубряковой как «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека; оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1997: 90]. З.Д. Попова и И.А. Стернин предлагают следующую формулировку концепта: «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно

упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отраженном предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношением общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попов, Стернин 2001: 34].

Инструментарий, основанный на теории фреймов и концептуальных метафор, применяется в рамках когнитивного подхода при анализе метафорически и метонимически мотивированных идиом.

Наряду с идеями А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского для нашего исследования оказались актуальными исследования в области когнитивной лингвистики З.Д. Поповой и И.А. Стернина [Попов, Стернин 2010].

Авторы выделяют основные этапы семантико-когнитивного исследования, которым в определенной степени следовали и мы:

1. Построение номинативного поля концепта.
2. Анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта.
3. Когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств – выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу.
4. Верификация полученного когнитивного описания у носителей языка.

Данный этап факультативен, но желателен, поскольку в любом описании концепта велика роль субъективизма исследователя в выделении и формулировании когнитивных признаков, а носители языка в специальном эксперименте могут подтвердить или опровергнуть правильность выделения исследователем того или иного когнитивного признака. Появляется также возможность при обработке результатов, полученных от испытуемых, вычислить яркость каждого признака в структуре концепта, что позволяет ранжировать когнитивные признаки в концепте по яркости, выделить ядро и периферию.

Если у исследователя отсутствуют возможности проведения верификации, ему приходится полагаться на собственную языковую интуицию, собственный опыт носителя языка.

5. Описание содержания концепта в виде перечня когнитивных признаков.

Следующие шаги будут зависеть от того, ставит ли исследователь своей задачей двигаться дальше в сферу когнитивно-семасиологических либо лингвоконцептологических исследований (то есть, ставит ли он задачу описать семантику тех или иных языковых единиц с использованием когнитивных данных или моделировать концепт как единицу сознания).

В первом случае полученные когнитивные данные просто используются для объяснения семантического развития исследуемых языковых единиц. Например, понятия когнитивного признака, классификатора используются для объяснения появления тех или иных сем или семем, их группировок, изменений в семантике слова, перестроек семантемы слова.

Во втором случае необходим этап моделирования концепта, который позволит описать концепт как целостную ментальную единицу и предполагает несколько последовательных шагов:

1) описание макроструктуры концепта (атрибуция выявленных когнитивных признаков образному, информационному компонентам и интерпретационному полю и установление их соотношения в структуре концепта);

2) описание категориальной структуры концепта (выявление иерархии когнитивных классификационных признаков, концептуализирующих соответствующий предмет или явление, и описание концепта как иерархии когнитивных классификационных признаков);

3) описание полевой организации выявленных когнитивных признаков (выявление признаков, составляющих ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию концепта, и представление содержания концепта в виде полевой структуры).

Результаты когнитивной интерпретации и верификации позволяют представить модель содержания исследуемого концепта.

Итогом моделирования концепта в рамках лингвоконцептологического исследования является словесное или графическое представление содержания концепта в виде полевой структуры [Попова, Стернин 2010].

Вопросы когнитивной лингвистики решались и с использованием материала кабардинского языка. Наряду с другими задачами, в работе С.Х. Битоковой «Парадигмальность метафоры как когнитивного механизма (на материале кабардинского, русского и английского языков)» [Битокова 2009] проведен когнитивный анализ ФЕ кабардинского языка, репрезентирующих базовые эмоции, труд, безделье и интеллектуальную сферу.

Когнитивная роль соматизмов в формировании картины мира, эпистемические функции их явились объектом исследования в работе Р.С. Кимова «Когнитивные и эпистемические аспекты представления мира в языке (на материале кабардинского, русского и английского языков)» [Кимов 2010], в качестве языкового материала в ней использован, наряду с лексическим, значительный фразеологический пласт кабардинского языка.

Методы исследования когнитивной лингвистики в комплексе с другими явились основой многих лингвистических исследований кабардино-черкесского языка вкупе с языковым материалом других языков – английским, немецким, французским.

Такие ключевые понятия когнитивной лингвистики, как концептуализация, концепт, языковое видение мира, ментальные репрезентации, категоризация, вербализация, ментальность, константы культуры, национальное культурное пространство, картина мира, концептосфера и другие, связанные с когнитивной деятельностью человека, определенным образом соотносятся с аналогичными терминами лингвокультурологии.

Для лингвокультурологии актуальным является исследование и описание взаимодействия языка и культуры в рамках культурно-национального самосознания и его языковой презентации. В лингвокультурологии гум-

больдтовской ориентации язык понимается как живая деятельность человеческого духа, единая энергия народа, подлинная субстанция культуры и универсальное средство ее выражения. Являясь субстратом культуры, средством закрепления национального мировидения, он одновременно есть и инструмент его осмысления.

В центре внимания лингвокультурологии – человек, его культура, видение мира, выражение через язык национального менталитета и др. Установки культуры, которые лежат в основе ценностных ориентиров и жизнедеятельности человека становятся достоянием культурного сообщества благодаря их означиванию. Одним из главных средств означивания установок культуры является естественный язык.

Исследованием ФЕ в лингвокультурологическом аспекте занимаются такие исследователи, как А.Д. Арутюнова, Б.А. Серебренников, Ю.С. Степанов, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова, В.Н. Телия, А.А. Уфимцева, Е.С. Яковлева и другие. Необходимо отметить роль словаря Ю.С. Степанова «Константы: словарь русской культуры» [Степанов 1977] для лингвокультурологии, в котором систематизированы ценности русской культуры, заложенные в концептах, константах культуры («Любовь», «Правда», «Закон», «Душа», «Слово», «Грех», «Наука», «Огонь», «Вода», «Хлеб», «Число», «Время», «Родная земля», «Дом», «Язык», «Письменность», и др.).

О том, что фразеология представляет собой в аспекте выражения национальной самобытности народа наиболее благодатный материал, свидетельствует множество научных изысканий на материале различных языков. Выдвинутая В.Н. Телией гипотеза о том, что «система образов, закрепленных в фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурной данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [Телия 1996: 215], была блестяще доказана как ею самой, так и последовавшими многочисленными работами в русле лингвокультурологии. В.Н. Телия отмечает, что «фразеологический со-

став языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия 1999: 6]. Для лингвокультурологического анализа, таким образом, актуальной является задача постижения культурного самосознания через ФЕ, как и через другие единицы языка.

ФЕ являются, как известно, образно мотивированным средством вторичной мотивации и содержат национально-культурные коннотации. В семантике ФЕ совмещаются номинативные, эмоционально-оценочные, этнокультурные элементы, что позволяет их для передачи не только содержания мысли, но и образного представления, эмоционального отношения к обозначаемому. Исследователи отмечают высокий образный, экспрессивно-оценочный потенциал ФЕ, исследование их «в контексте культуры» может служить основой для выявления и описания языковых средств, воплощающих в ФЕ культурно значимые смыслы, придавая функцию знаков «языка» культуры.

А.П. Кешоков, произведения которого исследуются в данной работе, классик кабардинской литературы, отразивший в своем мировоззрении философские, религиозные, нравственные представления своих соотечественников. Обращение к изучению языковой картины мира писателя представляется важным и в силу того, что она является одной из форм отражения самосознания носителей кабардино-черкесского языка.

В контексте данного исследования определенный интерес представляют идеи, высказанные А.Н. Барановым и Д.О. Добровольским в работе «Аспекты теории фразеологии» [Баранов, Добровольский 2008], в которой выделяются два принципиально различных понимания национальной специфики, первый – сопоставительный, второй – интроспективный. Вторым подходом основан «на представлении о наличии «имманентных» национально-культурных характеристик безотносительно к специфике других языков и культур» [Баранов, Добровольский 2008: 259]. По мнению авторов, подобные исследования «апеллируют скорее к психолингвистическим методам» [там же], в частности, опросам информантов и тестированию. Хотя ниже [Баранов, Добровольский 2008: 275] все же допускается, что определение «множе-

ства фразеологизмов, которые интуитивно ощущаются носителями языка как национальные, и анализ их отличительных черт представляется вполне осмысленной исследовательской задачей», в качестве примера авторами приводятся работы М.Л. Ковшовой [Ковшова 1996; 2004].

В.Н. Телия выделяет основные постулаты, в явной или неявной форме присутствующие в исследовании культурно-национальной составляющей ФЕ:

1) большинство единиц фразеологического состава обладает культурно-национальным своеобразием;

2) в коллективной подсознательной памяти носителей языка сохраняется интертекстуальная связь фразеологизмов с тем или иным кодом культуры, что проявляется в способности носителей языка к культурной референции, которая оставляет свой след в культурной коннотации, играющей роль «звена», обеспечивающего диалогическое взаимодействие разных семиотических систем – языка и культуры;

3) воспроизводимость фразеологических знаков способствует межпоколенной трансляции культурно значимых установок и тем самым – формированию в процессах овладения и употребления языка культурного самосознания, как отдельной личности, так и культурно-национальной идентичности народа – носителя языка [Телия 1999: 14].

В современной лингвокультурологии язык понимается как форма культуры и универсальное средство самовыражения этноса [Тарланов 1993: 222]. О важности исследования особенностей национального характера путем поиска этноспецифических черт языка пишет А. Вежбицкая: «С одной стороны, почти всеобщим результатом семантических исследований культуры и сознания было выявление значительных различий между культурными группами в отношении способов лексикализации, в особенности ключевых слов и ключевых понятий. С другой стороны, получается, что наряду с огромной массой понятий, специфичных для данной культуры, существуют также некоторые фундаментальные понятия, подлежащие лексикализации во всех языках мира; так что культурные различия между группами людей основываются на том, как эти понятия ис-

пользуются, а не на наличии некоторых базовых понятий у одной культурной группы и их отсутствии у другой» [Вежицкая 1999: 320].

Рассматривая языковую личность и отмечая, что она включает в себя, наряду с речевой и коммуникативной, этносемантическую личность, трактуемую как «закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип, носителя определенного языка, своего рода «семантический фоторобот», составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов, поведенческих реакций, отраженных в словаре» [Воркачев 2001: 66], исследователь отмечает, что этнокультурная специфика является главным признаком концепта, специфика которого вытекает «из тех семантических характеристик этого ментального образования, которые объясняют его национально-культурную специфику, а через неё – менталитет этноса» [Воркачев 2002: 89].

С точки зрения культуролога рассматривал концепт и Ю.С. Степанов: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 2004: 43]. По Ю.С. Степанову, у концепта сложная структура, в которую входит все, «что принадлежит строению понятия», а также «все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания истории; современные ассоциации; оценки и т.д.» [Степанов 2004: 43].

Выделяют и другие направления исследования фразеологии в контексте культуры. Если одни из них решают задачи выявления собственно культурологических аспектов формирования и функционирования фразеологизмов, выдвигая на первый план проблему взаимодействия фразеологического состава языка и культуры, то контрастивное направление оперирует более широким контекстом – избирательностью образного мировидения того или иного народа, которая проявляется и в различиях отбора образных оснований

фразеологизмов, что и рассматривается как косвенное подтверждение их связи с окультуренным мировосприятием.

Писатель как коммуникативная личность представляет собой несомненный интерес как предмет лингвистического исследования, поскольку является носителем культурных ценностей, лежащих в основе оценки окружающего мира. В своем анализе мы будем опираться и на мнение В.И. Карасика, который, исследуя ценностную картину мира, писал о необходимости учитывать следующее:

1) ценностная картина мира в языке включает общечеловеческую и специфическую части, при этом специфическая часть этой картины сводится к различной номинативной плотности объектов, различной оценочной квалификации объектов, различной комбинаторике ценностей;

2) ценностная картина мира в языке реконструируется в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными и известными литературными сюжетами;

3) между оценочными суждениями наблюдаются отношения включения и ассоциативного пересечения, в результате чего можно установить ценностные парадигмы соответствующей культуры (например, из определенного типа отношения к старшим и младшим можно вывести тип отношения к собственности, к состязанию, к приватности и т.д.);

4) в ценностной картине мира существуют наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [Карасик 2002: 205].

Первой значительной работой в лингвокультурологическом плане на материале кабардино-черкесского языка явилась докторская диссертация З.Х. Бижевой «Культурные концепты в адыгской языковой картине мира» [Бижева 1999]. Для нашего исследования ценным является и то, что в ней использован богатый фразеологический материал. В этой работе исследуется

адыгская ЯКМ, выраженная в фундаментальных культурных концептах, выявлены культурные концепты, связанные с духовным способом освоения мира, определяющие язык, мышление и культуру адыгов. Автором проанализированы такие важнейшие адыгские культурные концепты, как *зу* «сердце», *щхьэ* «голова», *псэ* «душа», *пэж* «правда», *дахэ* «красота», *цIыху* «человек», *напэ* «совесть», *гьащIэ* «судьба», *хьэжь* «долг», эмоциональные и цветовые концепты и др. Данное исследование позволило автору сделать выводы о наличии частично универсальных способов концептуализации окружающего мира в адыгских языках и этнокультурных концептах, имеющих лишь в ЯКМ адыгов.

В лингвокультурологическом аспекте исследован значительный пласт кабардинских идиом в работе Н.У. Вороковой «Национальная культура в идиоматике» [Ворокова 2003]. Автор исследует соотношение внутренней формы ФЕ и этнологической культурной информации. Рассматривая вопрос об отражении национальной культуры во внутренних формах ФЕ, Н.У. Ворокова приходит к выводу о том, что в ФЕ русского и кабардино-черкесского языков используется материал одних и тех же пластов лексики: «соматическая лексика, названия диких и домашних животных, названия объектов живой и неживой природы, названия предметов сельского быта, глаголы с определенной семантикой» [Ворокова 2003:4]. Для данного исследования важным является замечание автора о том, что «аксиологический (оценочный) компонент семантики ФЕ играет решающую, доминирующую роль во всей семантической структуре ФЕ» [Ворокова 2003:5].

Для современной фразеологии характерно многоаспектное исследование ФЕ, так как их анализ с различных точек зрения дает наиболее полное представление о фразеологизмах. Коммуникативно-прагматическое направление во фразеологии, направленное на исследование коммуникативной предназначенности и прагматических свойств ФЕ, использует, наряду с лингвопрагматическим, лингвокультурологический, стилистический, дидактический анализ. Коммуникативно-прагматической ситуации функционирования ФЕ посвящены работы Н.Ф. Алефиренко, Д.О. Добровольского, Е.А. Доб-

рыдневой, В.И. Карасика, А.М. Эмировой и других. Речевой акт, в составе которого функционирует ФЕ, рассматривается исследователями в единстве с ситуацией общения, с учетом замысла, пресуппозиции, интерпретации и т.д. Акцент подобных исследований делается на структурирования ситуации общения, которая порождает фразеологическое варьирование.

В аспекте исследования языковой картины мира писателя, чьи произведения наполнены героями с весьма различными характерами и мировидением, важными для исследователя, на наш взгляд, являются замечания А.М. Эмировой о том, что речь говорящего через используемые ФЕ характеризует его интенции, отношение к собеседнику и т.д. [Эмирова 1988: 14]. Данную мысль подтверждает и В.И. Карасик, выделяющий различные типы языковой личности от прагматической установки по отношению к ФЕ: социоцентрический тип использует фразеологизмы для опознания членов своей социальной группы, а эгоцентрический для самопрезентации и украшения речи [Карасик 1999: 6].

В коммуникативно-прагматическом плане исследуются ФЕ в работе Е.А. Добрыдневой «Современная русская фразеология: категориальные признаки и коммуникативные свойства» [Добрыднева 1998]. В ней, как и в других своих трудах, она рассматривает фразеологическую семантику в коммуникативно-прагматической парадигме, обращая внимание на роль ФЕ в реализации коммуникативных установок субъекта речи. Для нас представляют интерес исследования ФЕ в свете теории речевых актов. Фразеологические единицы, наряду с другими функциями (информационной, экспрессивной, оценочной, эмоциональной и др.), выполняют и прагматическую функцию, которая, по мнению исследователя, заключается в «предназначенности ФЕ оказывать определенное воздействие на получателя информации. Таким образом, фразеологическая единица может изучаться как в аспекте соотношения ее семантики и прагматики, так и в аспекте установления особенности ее прагматических функций в процессе коммуникации» [Добрыднева 2000: 29].

Для нас представляют интерес замечания о сочетаемости, ассоциативных связях, обусловленных знаниями языковой синтагматики фразеологиче-

ских единиц, построением коммуникативно-прагматической ситуации, которая порождает фразеологическое варьирование [Алефиренко 2011: 4].

Фразеологические средства языка, как известно, находят применение в различных функциональных стилях и имеют ту или иную стилистическую окраску, что исследуется в работах по стилистике ФЕ. Среди них следует отметить работу И.А. Федосова «Функционально-стилистическая дифференциация русской фразеологии» [Федосов 1977], в которой, наряду с другими задачами, автор выявляет и анализирует основные стилистические пласты ФЕ: книжный, нейтральный, разговорный, просторечный; исследуя лексический состав, структурно-синтаксические признаки, морфологические, словообразовательные, фонетические особенности ФЕ, семантических критерий. Область применения различных пластов ФЕ, степень употребительности в зависимости от стилистической окраски фразеологизма, актуальность их использования различными авторами является одним из направлений исследования ФЕ.

В работе М.П. Ковшовой «Лингвокультурологический метод во фразеологии» коды культуры «в лингвокультурологическом аспекте исследуются в основном русские фразеологизмы, а в качестве фонового анализа привлекаются ФЕ французского, китайского, вьетнамского и других языков. ФЕ рассматриваются автором как языковые знаки, транслирующие аксиологическую картину мира того или иного этнического языка.

В монографии М.П. Ковшовой разработан так называемый лингвокультурологический метод фразеологии, который позволяет адекватно выявить уникальную специфику ФЕ в концептуализации действительности. Посредством экспериментального исследования автор убедительно аргументирует их трактовку как знаков соответствующей этнической культуры. При этом довольно четко дифференцируются такие феномены, как мифологемы, символы, стереотипы, эталоны. Примечательным представляется исследование в семантике ФЕ такого важного компонента, как символичный.

На материале указанных языковых картин мира М.П. Ковшова анализирует фразеологизмы как коды соответствующих лингвокультур. Автор

представляет свою точку зрения на дифференцию следующих фразеологических оппозиций: символ и квазисимвол, стереотип и квазистереотип, эталон и квазиэталон. Новым во фразеологической науке представляется и разграничение автором фразеологизмов-табу и фразеологизмов-эвфемизмов.

В контексте понимания фразеологии как культурного кода познания и духовного наследия ФЕ трактуются Л.Ю. Буяновой, которая многие свои работы посвятила «изучению фразеологии как когнитивно-семантического «слоя» русской лингвокультуры, в единицах которого органично сопряжены разнофакторные знания о жизни народа и его духовном наследии» [Буянова 2017: 285]. Анализируя функционально-семантическую и когнитивную уникальность русских ФЕ как «культурно-конфессиональных маркеров и операциональных единиц», формирующих фразеологическую картину мира, автор впервые рассматривает фразеологизмы в рамках разрабатываемого ею нового направления лингвокультурологии – лингвоконфессиологии. В таком контексте фразеологизмы трактуются как культурно-конфессиональный знак, а именно: фразеоконфессионим. По утверждению Л.Ю. Буяновой, фразеологизмы «представляют собой этнокультурно и конфессионально маркированную знаковую структуру как результат членения и категоризации мира носителями различных национальных языков» [Там же: 288].

Как и указанные тезисы Л.Ю. Буяновой, для данного диссертационного исследования принципиально важными и исходными являются следующие.

Квалификация фразеологии как ментально-аксиологической системы, а также духовного наследия предопределена ее онтологическими свойствами, влияющими на формирование семантической структуры ФЕ и закрепление ее смысла [Там же: 286].

Во фразеологической картине мира, представляющей собой эволюционирующую систему, механизмы когниции и способы фразеологической концептуализации действительности обусловлены духовной, ментальной, нравственной, социально-исторической, конфессиональной и этнокультурной

спецификой этноса на определенном этапе общего процесса развития цивилизации. Основное резюме автора сводится к следующему: результаты фразеологической концептуализации в языковой форме отражают комплексную систему ценностей [Там же: 287].

В другой работе Л.Ю. Буяновой в соавторстве с Е.Г. Коваленко при рассмотрении ФЕ как языкового знака и феномена культуры констатируется ее уникальность как репрезентативной единицы кода экспрессивно-образной номинации с когнитивной организацией, в которой специфически коррелируются такие аспекты, как гносеологический, семантико-смысловой, ассоциативно образный, этический, этнический, конфессиональный, прагматический [Буянова, Коваленко 2012: 46].

К последователям Л.Ю. Буяновой в исследовании фразеологизма как этнокультурного феномена, но в другом аспекте (лингвострановедческом) относится Чжоу Хань Жуй. Автор впервые комплексно рассматривает ФЕ во фразеологическом пространстве китайского и русского языков, синтезируя лингвокультуроведческий и лингвострановедческий подходы к их анализу. Научная новизна кандидатской диссертации состоит в том, что выявляются и анализируются фразеологические этнокультурные доминанты и этнокультурные константы. Чжоу Хань Жуй ввела в научный оборот понятие «этнокультурная картина мира» и убедительно аргументировала правомерность употребления данного термина. При этом выявлены ключевые сегменты этнокультурной картины мира, которые вербализуются посредством фразеологизмов как специфических этнокультурем [Хань Жуй 2014: 7].

Для нашей диссертационной работы определяющим является основной вывод Чжоу Хань Жуй: «в центре каждой этнокультурной картины мира находится ЧЕЛОВЕК как объект фразеологической концептуализации и как субъект ее (ЭКМ) формирования, семиотизации и трансформации» [Хань Жуй 2014: 19].

Констатируя аксиоматичность факта о том, что трактовка этнокультурно маркированных ФЕ представляется сложной с точки зрения когнитивно-

прагматической обусловленности, А.А. Серебряков и С.В. Серебрякова отмечают перспективность исследования «проблем когнитивной фразеологии, обретающей в последние десятилетия самостоятельный междисциплинарный статус» [Серебряков, Серебрякова 2017: 236]. При этом авторы ссылаются на тезис Н.Ф. Алефиренко о «когнитивно-синергетической сущности фраземы, гармонично фокусирующей в себе энергию лингвокреативного мышления, формирующего языковое сознание» [Алефиренко 2008: 14].

Квалифицируя ФЕ как сложный комплекс, содержащий в своей семантике не только предметно-логические, но и коннотативные компоненты (образный, стилистический, национально окрашенный, эмоциональный), автор уточняет, что «фразеологические значения представляют элементы этнокультурного сознания, но одновременно входят и в систему языкового сознания, являются частью индивидуального сознания человека», а смысл ФЕ определяется как «мотивированное отношение человека к обозначаемому» [Там же: 18-19].

Данная интерпретация ФЕ как этнокультурного феномена является одной из основополагающих для нашего исследования. В теоретико-методологическую основу настоящей диссертационной работы входит и следующее резюме: ФЕ отличаются эксплицитно выраженной асимметрией соотношения формы и содержания, означающего и означаемого, особой спецификой в синтагматике, и все это предопределяет сложность адекватной трактовки фразеологизмов.

Приведенные тезисы о сущности ФЕ являются для нас исходными при рассмотрении лингвокультурологического и когнитивно-прагматического аспектов исследования фразеологизмов кабардино-черкесского языка в художественном дискурсе.

К лингвокультурологическому исследованию ФЕ в адыговедении мы обратимся в специальном параграфе данной главы, а также более детально во второй главе, посвященной анализу фразеологических концептов в художественных произведениях А.П. Кешокова.

1.2. Кабардинская фразеология: становление и развитие

Первые материалы с публикациями устойчивых сочетаний кабардинского языка появились в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа» (1899). Это были пословицы и поговорки. Последующие публикации языкового материала также были посвящены в основном паремиям.

Исследования фразеологии кабардино-черкесского языка были связаны с научной деятельностью Б.М. Карданова, который начинал как фразеограф. В 1963 году вышел краткий «Кабардинско-русский фразеологический словарь» [Карданов 1963], «Кабардинско-русский фразеологический словарь» [Карданов 1968], в котором было проанализировано около 200 тысяч единиц. Эти словари, отразившие уровень развития фразеологии 60-х годов, характеризуются разнообразным материалом, относимым к области фразеологии в широком смысле слова: собственно, фразеологизмы, устойчивые образные сравнения, отдельные терминологические сочетания, крылатые слова и некоторое количество пословиц и поговорок. Фразеологизмы расположены в словаре с учетом выделения ведущих слов, являющихся константами: разные значения полисемантических фразеологизмов обозначены арабскими цифрами; в необходимых случаях указывается вид перевода на русский язык – эквивалент, аналог, калькирование, буквальный перевод.

Основной работой, в которой фразеологическая концепция Б.М. Карданова получила практически и теоретически аргументированное обоснование, является монографическое исследование «Фразеология кабардинского языка» [Карданов 1973]. На основе богатейшего языкового материала, собранного в словарях, впервые в истории изучения кабардинского языка проанализированы ФЕ в структурно-грамматическом, семантическом, тематическом аспектах. В данной работе рассмотрены явления синонимии, вариантности и полисемии в области кабардинской фразеологии. Автором определен объем и границы фразеологии кабардинского языка, рассмотрены дифференциальные признаки фразеологизмов.

Исследования Б.М. Карданова в области фразеологии преимущественно связаны с российской традицией фразеологических исследований. Исследователь понимал фразеологию «широко», аргументируя это важностью тех задач, которые ставит перед собой исследователь [Карданов 1973:9]. В качестве дифференциальных признаков исследователь выдвигал, прежде всего, устойчивость. При этом он отмечал, что устойчивость свойственна не только собственно фразеологизмам, но и конструкциям, которые «лишь примыкают к фразеологии» (например, пословицам). Признак устойчивости исследователь «непосредственно связывал с понятием *семантической цельности* значения», замечая, что этот признак характерен, прежде всего, для фразеологических сращений (выделено нами). Другие приведенные в монографии признаки ФЕ считались присущими большинству фразеологических единиц. Это такие признаки, как метафоричность, эквивалентность слову. Наличие последнего признака ученый объяснял тем, что фразеологический состав имеет много общего со словарным составом языка. При этом отмечалось, что слову эквивалентны фразеологические единицы некоммуникативного характера.

Предложенная ученым структурно-семантическая классификация ФЕ кабардино-черкесского языка имеет свои специфические особенности, которые, по мнению Б.М. Карданова, обусловлены его строем. Считая, что предложенная В.В. Виноградовым классификация для фразеологии кабардинского языка нуждается в более детальном рассмотрении, он, выделяя фразеологические сращения, единства и сочетания, останавливается на еще одной семантической группе, которую называет *устойчивые выражения нефразеологического характера*, представляющую собой промежуточную категорию устойчивых словосочетаний, еще не ставших подлинными фразеологизмами. Б.М. Карданов считал степень семантической спаянности слов-компонентов главным признаком, по которому следует производить семантическую классификацию фразеологических единиц кабардинского языка: «Она позволяет выделить основные семантические группы (классы фразеологизмов); учет степени семантического сдвига (вторичное явление в изменении смысловой структуры фразеологизма) фразеологических единиц и использование вспо-

могательных признаков делают возможной более дробную классификацию внутри каждого из семантических классов, например, с опорой на указанные признаки более детально анализируются компаративные фразеологизмы и фразеологические единицы сочиненного типа» [Карданов 1973: 98]. Но исследователь учитывал и другие признаки, присущие фразеологизмам (модально-экспрессивную окрашенность, переносно-метафорическое значение ФЕ, фразеологическую связанность значения компонента, а также некоторые структурно-грамматические особенности фразеологических единиц).

Фразеологическими сращениями он считал ФЕ, отличающиеся абсолютной неразложимостью, немотивированностью своего значения. В этой группе выделено 13 подгрупп, отличающихся своими специфическими особенностями по степени экспрессивности, по формальной связи компонентов, по структурной организации и т.д. Автор отмечает, что фразеологические сращения, будучи эквивалентны слову, чаще всего являются носителями номинации (*быранду бэзэр* – галдеж, базар; *тӀыпх ихьэжын* – забраться в дебри), но могут употребляться и на коммуникативном уровне (*я ныху зэпхащ* – все пополам (букв.: их кишки связаны); *Тэрч кхъуэ исыкӀащ* – свинья переплыла Терек (ответ на нескромный вопрос излишне любопытного)).

Фразеологические единства характеризуются также семантической целостностью. Однако компоненты ФЕ в определенной мере сохраняют свою семантику, образуя при этом неделимую единицу. Для фразеологизмов этой группы характерна мотивированность, большинство их метафоричны. Фразеологические единства – самая значительная группа по количеству ФЕ и по разнообразию структурно-семантической организации: выделено 18 групп фразеологизмов, отличающихся особенностями структуры и семантики. Б.М. Карданов относит к фразеологическим единствам не только ФЕ со структурой словосочетания (*пӀастэ мыгъуэ* – горький хлеб, *дамэм телъу (къэхьын)* – на плечах, *зы фальэ йошхыкӀ* – едят из одной миски), но и значительное количество предикативно-коммуникативных единиц (*щыгугъи щыс* – сиди и жди; *фӀыкӀэ ушх* – на здоровье; *дунейр шэрхьыци мэкӀэрахъуэ* – вселенная вращается, подобно колесу).

Фразеологические сочетания не имеют переносно-метафорического значения, образности, они эквивалентны слову; семантическая самостоятельность компонентов создает полную мотивированность значения фразеологического сочетания как особой фразеологической единицы. Выделены две группы фразеологических сочетаний: аналитические конструкции глагольного и именного типа (*лЫ хъун* – возмужать; *сыхъэт мыгъуэ* – несчастье), а также фразеологизмы, одни из компонентов которых имеет фразеологически связанное значение (*жьэрымэ гъэун* – печь на масле; *фыз къэшэн* – жениться).

Кроме фразеологических сращений, единств и сочетаний, Б.М. Карданов выделяет еще одну семантическую группу – устойчивые выражения нефразеологического характера, представляющую собой промежуточную категорию устойчивых словосочетаний, еще не ставших подлинными фразеологизмами. По его мнению, от ФЕ их отличает отсутствие семантических сдвигов, переосмысления. Вместе с тем они употребляются в готовом виде: *бухъар нылэ* – бухарская шапка; *щлы хъурей* – земной шар. Автор анализирует также подгруппы, имеющие свои специфические особенности по степени экспрессивности, формальной связи компонентов, по структурной организации, компонентному составу и т.д.

Б.М. Карданов анализирует и важную для настоящего исследования группу устойчивых конструкций, которая в кабардино-черкесском языке носит название «*псалъэжъхэр*» (старые слова, старые речения). Их условно можно перевести на русский язык как пословицы и поговорки. Важность исследованности данных конструкций определяется частотой их употребления А.П. Кешоковым в прозаических произведениях и высокой степенью их субъективной важности в контексте. Поскольку «*псалъэжъхэр*» представляют собой довольно разнородную по смысловой структуре и структурно-грамматическим особенностям группу, они определены как подлинные фразеологизмы, входящие в разные структурно-семантические группы в зависимости от характера их семантической структуры.

Тематический анализ фразеологизмов позволил выявить наиболее многочисленные общие тематические группы: соматические фразеологизмы

(свыше 1050), фразеологизмы-профессионализмы. Так, например, ФЕ с лексемой *гу* (сердце), отличающихся особой экспрессивностью, насчитывается 218 единиц, с лексемой *ицхъэ* (голова) – 130 единиц, с лексемой *нэ* (глаз) – 111 единиц. Всего же выделяется и рассматривается по мере продуктивности ФЕ с опорными словами-существительными, обозначающими какую-либо часть человеческого тела, 42 подгруппы, причем «все фразеологические единицы этого пласта, как правило, отличаются метафоричностью, образностью, экспрессивностью; они могут быть носителями номинации и коммуникации» [Карданов 1973: 101]. Фразеологизмы-профессионализмы отражают сферу трудовой деятельности кабардинцев в области земледелия, животноводства, ремесел, военного дела, торговли и пр. Выделяются также общие тематические группы ФЕ (всего 31), в которых нашли отражение здоровье людей, семейные отношения, быт, религиозные представления и т. д.

Фразеологизмы являются не только семантическими, но и грамматическими единицами. В связи с этим вызывает интерес структурно-грамматическая классификация фразеологизмов кабардинского языка, предложенная Б.М. Кардановым. Характеризуя основные структурно-грамматические типы фразеологизмов (глагольных, именных, наречно-обстоятельственного характера, компаративных, предикативно-коммуникативного типа), автор приходит к четким выводам о компонентном составе различных структурно-грамматических типов, синтаксических отношениях между компонентами фразеологических единиц.

Проанализировав различные подходы к вопросам о синонимии, вариантности и полисемии в области фразеологии, исследователь предпринял попытку рассмотреть данные явления на кабардинском языковом материале. Детальный анализ синонимических явлений в области фразеологии позволил выяснить целый ряд важнейших вопросов, связанных с возникновением и развитием разных фразеологических пластов. Ученый отмечает, что синонимические отношения между ФЕ отличаются большей сложностью по сравнению с такими же отношениями между синонимами-словами. Имея общее понятийное содержание, фразеологизмы-синонимы, особенно обладающие об-

разностью, сохраняют свою индивидуальность, отличаясь оттенками семантики, эмоциональностью, экспрессивностью, стилистическими особенностями. Определяющим признаком синонимичности исследователь считает «наличие семантических оттенков у синонимизирующихся фразеологических единиц при наличии тождественности, общности их семантики» [Карданов 1973: 196]. Автор последовательно рассматривает синонимические отношения между фразеологической единицей и словом, анализируя при этом семантическую структуру слова и фразеологизма, их грамматическую специфику.

Особое внимание обращается на понятия «фразеологические синонимы» и «фразеологические варианты».

Данная проблема способствует решению одного из «существенных вопросов фразеологии: отдельность фразеологии – отдельность фразеологической единицы, что связано, в свою очередь, с практикой составления одноязычных и двуязычных фразеологических словарей» [Карданов 1973: 208]. Анализируя определения и критерии разграничения структурных вариантов и структурных синонимов, предлагаемых разными учеными, отмечая достоинства и недостатки этих критериев, Б.М. Карданов подчеркивает, что при отграничении синонима от варианта необходимо в равной степени опираться и на семантический, и на контекстологический принципы. Все фразеологические синонимы кабардинского языка он делит на два самых общих типа: разноструктурные (разнооформленные) и одноструктурные (или вариантные) синонимы, дифференцируя каждый из этих типов в плане содержания и выражения.

Исследования фразеологии адыгских языков были продолжены работами Н.Р. Иванокова [Иваноков 2015], А.Г. Емузова [Емузов 1986].

Известный исследователь кабардинской фразеологии А.Г. Емузов, проявивший себя как фразеограф, является автором «Англо-кабардинско-русского фразеологического словаря» [Емузов 1976]. Его работа «Лексико-семантический и грамматический анализ фразеологии кабардино-черкесского языка» [Емузов 1986] явилась в определенном смысле продолжением исследований кабардинских фразеологических единиц на новом этапе. На материале фразеологии кабардинского языка впервые описаны такие общие во-

просы фразеологии, как номинативная и оценочная семантика, ФЕ негативной формы, слово как компонент фразеологизма. Особый интерес представляют исследования омонимии и антонимии, деривационные особенности, синтагматические отношения фразеологических единиц. Исследования в области синтагматических отношений представляют интерес для данного исследования, так как анализ функционирования ФЕ в контексте художественных произведений вряд ли можно считать адекватным.

Основы кабардинской фразеологической стилистики заложены в работе Б.М. Карданова «Семантико-стилистические функции устойчивых выражений в прозе А. Кешокова» [Карданов 1982]. В монографии рассматриваются семантико-стилистические функции ФЕ в произведениях писателя, особое внимание автора привлекают речевые характеристики персонажей, использующих ФЕ в своей речи.

Ряд вопросов кабардинской фразеологии и паремиологии был предметом исследований И.М. Баловой. Проблема переводимости/непереводимости фразеологических единиц решалась на материале кабардино-черкесского и русского языков, исследованием же в логическом, структурно-грамматическом аспекте явилась монография «Очерки по синтаксису пословиц и поговорок кабардинского языка» [Балова 1999], в которой выявляются закономерности, которыми определяется логика, семантика и структура пословиц и поговорок. В работе рассматривается соотношение между моделями паремий и логико-синтаксическими типами семантики в языке пословиц и поговорок.

Среди последовавших трудов по адыгской фразеологии следует отметить и работу М.О. Мижаевой «Фразеологические единицы с анималистическим компонентом в кабардино-черкесском языке» [Мижаева 2003], в которой на материале свыше 3000 фразеологических единиц анализируются семантические, структурно-грамматические, этимологические, формообразовательные особенности анималистической фразеологии, выявляются источники и модели возникновения фразеологических единиц.

Итогом работы над «Учебным фразеологическим словарем кабардино-черкесского языка» [Бербеков, Бижоев, Утижев 2001] стала часть исследования «Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка» Б.Ч. Бижоева [Бижоев 2006]. Словарь включает более 2300 ФЕ.

В последние годы ФЕ кабардинского языка стали объектом исследования в основном в лингвокультурологическом, когнитивном аспектах. В кандидатской диссертации М.М. Кумыковой «Фразеологические единицы кабардинского языка со значением количества и времени» [Кумыкова 2006], представлен как структурно-грамматический анализ ФЕ кабардинского языка со значением количества и времени, так и семантический, и культурологический. Исследованию лингвокультурной специфики концептов «правда» и «ложь» в русской и кабардинской паремиологических картинах мира посвящена работа Ж.Ш. Апековой [Апекова 2009].

Кабардино-черкесские ФЕ стали предметом исследования с точки зрения лингвокультурологического аспекта в 2-х томном труде «Кабардино-черкесский язык» (2006). В данном контексте автор параграфа З.Х. Бижева [Каб.-черк.яз. т. II: 216–221] исходит из классической трактовки идиом «как ассоциативно-образного комплекса, организующего в языке содержание» [Каб.-черк.яз. т. II: 216]. Критерием для выбора ФЕ для анализа послужила представленность «образа» человека в адыгской ЯКМ теми ФЕ, в которых наиболее ярко проявляется самобытность адыгского менталитета. При этом дифференцированно анализируются фразеологические символы и квазисимволы кабардино-черкесского языка.

В данном труде, являющемся последним изданием грамматики кабардино-черкесского языка, представлен и структурно-семантический аспект этнической фразеологии с приложением фразеологического словаря (автор Б.Ч. Бижоев).

Значительный фразеологический материал исследован в докторских диссертациях С.Х. Битоковой, Ф.Н. Гукетловой, Р.С. Кимова, М.Ч. Кремшюкаловой. Следует отметить также работы З.Р. Цримовой, Л.Х. Дзасежевой, Л.М. Дзугановой, И.А. Масаевой, Л.Т. Алчагировой.

Научный интерес к фразеологии не утерян, смещен ракурс исследований. Системное учение, начатое основоположниками кабардино-черкесской фразеологии, продолжается в виде конкретных исследований семантических и грамматических свойств ФЕ, их функционирования в различных дискурсах. В современных исследованиях кабардино-черкесской фразеологии ФЕ рассматриваются в лингвокультурологическом, когнитивном и прагматическом сопоставительном аспектах.

К числу редких работ в адыгovedении, исследующих лингвокультурную традицию в контексте ЯКМ, относится диссертация Л.К. Бобрышевой «Фразеологизмы как национально-культурная экзистенциальная картина мира (на материале русского и адыгейского языков)» (2009). Актуальность данного исследования связана прежде всего с тем, что «феномен сознания как ментальной реальности человека, проблема структурирования его содержания, а также специфика репрезентации этноментального мира народа в процессе речепорождения не получили всестороннего освещения в отечественной лингвистике» [Бобрышева 2009: 3].

Все сказанное в полной мере относится и к адыгскому языкознанию, в связи с чем представляется целесообразным более детально остановиться на наблюдениях и выводах автора, имеющих для нашего исследования существенное значение не только с точки зрения его теоретико-методологической основы, но и для лингвокультурологического анализа фразеологем в художественном дискурсе. Примечательно и то, что данная работа инициирует некоторые перспективы исследования фразеологизмов кабардино-черкесского языка.

Фундаментальность методологической основы исследования говорит сама за себя в авторской формулировке его концепции: «Язык обеспечивает человеку переход на уровень оперирования такими формами мыслей, которые эксплицируются в семантике фразеологических вербальных форм, позволяющих интерпретировать национально-культурную экзистенциальную картину мира» [Бобрышева 2009: 4].

Концептуальное содержание данного тезиса, на наш взгляд, более выразительно иллюстрируется именно в художественном дискурсе, что мы и наблюдаем при анализе идиостиля А.П. Кешокова. Экзистенциональное восприятие ФЕ этнической ЯКМ многомернее и глубже в произведениях художественной литературы (естественно, высокого уровня). Иначе говоря, этнокультурная экзистенциональность, по нашему представлению, в наиболее полной и адекватной мере репрезентирована в фольклорных и художественных текстах.

Вслед за Л.К. Бобрышевой, мы учитываем в своем исследовании «статус фразеологизма как одного из важнейших ментально-когнитивных оперативных средств языковой концептуализации действительности» [Бобрышева 2009: 8].

Научно-методологическим «подспорьем» для нашего исследования является диссертационная работа И.А. Масаевой «Специфика репрезентации этнического миропонимания во фразеологии (на материале кабардино-черкесского, русского, английского языков)» (2013). Автором введен новый термин «фразеологический метакод» как «механизм, отражающий соотношение между ментальным содержанием знаний, полученных в процессе когнитивной деятельности людей, и средствами его вербализации во фразеологии» [Масаева: 8]. В контексте всей концепции работы фразеологический метакод определяется как системообразующее ментальное ядро репрезентации этнического миропонимания.

И.А. Масаева убедительно аргументировала, что фразеологический метакод является основным способом репрезентации лингвокультурной информации во фразеологизмах. При этом автором осуществлен комплексный подход к выявлению механизма репрезентации этнического миропонимания во фразеологемах. Мы учитывали и раскрытые И.А. Масаевой особенности кодирования «этнокультурнозначимой информации» во ФЕ.

Выявляя сущность феномена фразеологического метакода как системообразующего звена процесса фразеологической репрезентации, автор рассматривает его как «ментальное ядро, в котором интегрируются объект репрезентации – этническое миропонимание – и субъект – носитель языка» [Масаева 2013: 7].

К теоретическим основам нашего исследования правомерно отнести и следующие положения, защищенные И.А. Масаевой: репрезентация специфики этнического миропонимания осуществляется кодированием знаний, полученных при когнициии действительности, которые вербализуются при символизации не только доминантных компонентов ФЕ, но и в целом фразеологических микротекстов, изучение особенностей символизации в контексте определенного лингвокультурного кода позволяет адекватно выявить специфику миропонимания этноса, а также механизмы соотнесения содержания фразеологизмов с ценностными доминантами и культурными феноменами, актуальными для данного этноса [Там же].

Мы полностью принимаем и научную гипотезу, предложенную И.А. Масаевой: процесс репрезентации этнического миропонимания во ФЕ – это сложная, многоуровневая иерархическая система представления знаний, полученных при когнициии этнического сообщества.

В контексте исследования синонимического ряда и его стилистических ресурсов в адыгейском языке фразеологизмы анализируются в работах Г.Т. Тугуз. Рассматривая ФЕ как один из элементов стилистической системы языка, обогащающих синонимический ряд, автор отмечает: «Фразеологизмы наравне с тем, что увеличивают количество слов в синонимическом ряду, украшают и обогащают его своей выразительностью, меткостью, неповторимым своеобразием, образностью. Они могут выражать различные отношения (положительное или отрицательное), чувства и эмоции говорящего к высказыванию» [Тугуз 2008: 294].

Для нашей диссертационной работы особенно важны наблюдения и выводы Г.Т. Тугуз в результате исследования ФЕ в произведениях Т.М. Керашева [Тугуз 2017], а также в нартском эпосе [Тугуз 2016].

«Словарь языка Алима Кешокова» охватывает все творчество писателя на родном языке и основан на 600 000 единицах картотеки. Данный словарь отражает лексико-фразеологический потенциал современного кабардино-черкесского языка. Словарь полностью документирован, все статьи опирают-

ся на конкретные письменные источники. Как отмечает автор и руководитель проекта словаря Б.Ч. Бижоев, в нем «значения значительного числа слов и фразеологизмов сформулированы более точно», данный труд является первым национальным (толковым) словарем кабардино-черкесского языка, созданным по всем требованиям современной лингвистики и «по целому ряду критериев является новаторским не только для адыгской, но и для отечественной и зарубежной лексикографии».

1.3. Художественный концепт в коммуникативной стилистике

Исследователи ЯКМ различают непосредственную и опосредованную картину мира. Последняя понимается как «результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, которые материализуют, овнешняют существующую в сознании непосредственную когнитивную картину мира» [Попова, Стернин 2007: 53].

Художественная картина мира относится к опосредованным картинам мира, понимается как «вторичная, опосредованная картина мира, причем она опосредована дважды – языком и индивидуально-авторской концептуальной картиной мира» [Попова, Стернин 2007: 57]. С одной стороны, это картина мира, возникающая в сознании адресата, с другой стороны – репрезентация картины мира автора. В работах по концептуальному анализу отмечаются термины «когнитивная картина мира», «художественная картина мира» [Попова, Стернин 2007], «концептуальная картина мира» (В.И. Постовалова [97], Н.С. Болотнова [35]), «поэтическая картина мира» [Болотнова 2009].

Для настоящего исследования важными явились работы Н.С. Болотновой, которая понимает поэтическую картину мира как «эстетическое отражение в текстовой деятельности концептосферы автора, систему художественных концептов, вербализованных в тексте и творчестве писателя в целом» [Болотнова 2009: 157]. По мнению исследователя, поэтическая картина мира – опосредованная, имеющая креативный характер и культурологическую сущность, и представляет собой концептуализацию и категоризацию мироощу-

щений автора, осуществляемую по законам искусства [Болотнова 2009: 199]. Н.С. Болотнова выделяет и единицу поэтической картины мира – художественный концепт, который «имеет эстетическую сущность и образные средства выражения, обусловленные авторским замыслом» [Болотнова 2009: 199-200]. Многие суждения автора оказались важными при разработке коммуникативной теории идиостиля: языковые единицы и приемы речевой выразительности понимаются как средства текстовой деятельности, они рассматриваются с явлениями, имеющими текстовый статус: с ассоциативно-смысловыми полями ключевых слов, коммуникативными стратегиями и т.д. Идиостиль понимается как «многоаспектное и многоуровневое отражение языковой личности творца, «стоящей» за текстом, с учетом ее многообразных проявлений в процессе текстовой деятельности, включая ориентацию на адресата» [Болотнова, Бабенко, Васильева 2001:74]. В работе «Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль» [Болотнова, Бабенко, Васильева 2001] авторы исходят из того, что сознание писателя или поэта в качестве основного содержания включает идеи, установки, нормы, которые имеют статус общественного сознания, следовательно, стилистическое сознание индивидуума может исследоваться как образуемое идеями, концептами, установками, нормами, которые присущи социальному стилистическому сознанию. Исследование используемых писателями или поэтом социально осознанных средств и способов текстовой деятельности, их индивидуальных модификаций привели к созданию модели изучения идиостиля, предполагающей установление состава лексических средств произведения, ключевых слов, их ассоциативно-смысловых полей и пр.

Художественные концепты выделял С.А. Аскольдов, который считал, что смысл их «больше данного в них содержания и находится за их пределами. И именно ассоциативная запредельность придает им художественную ценность» [Аскольдов 1997: 275]. Автор отмечал, что художественные концепты как ментальные образования отличаются психологической сложностью, возможностью интерпретаций, способностью сочетать в себе различные свойства и понятия.

Художественный концепт является составной частью культурного концепта, различаются культурный и художественный концепт по следующим характеристикам:

- 1) «связь с формами речевого/внеречевого художественного мышления;
- 2) ориентация относительно концептосферы литературы как подсистемы культуры/ориентация относительно всего ментального пространства культуры;
- 3) перераспределение ядерных и периферийных признаков в содержании концепта у разных поэтов/устойчивое соотношение ядра и периферии концепта в сознании среднестатистического носителя языка;
- 4) декодирование содержания концепта на основе художественной/культурной пресуппозиции» [Беспалова 2002: 6].

Художественный концепт определяется и как «единица индивидуального сознания, авторской концептосферы, вербализованная в едином тексте творчества писателя (что не исключает возможности эволюции концептуального содержания от одного периода творчества к другому)» [Тарасова 2004: 164], и как «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способной выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [Миллер 2000: 41–42]. Существует и типология художественных концептов. Так, Е.В. Сергеева выделяет общехудожественный концепт («ментальный конструкт, содержание и экспликативы (в том числе образные) которого в основном совпадают во многих художественных текстах различных авторов»), индивидуально-авторский (информационная целостность, содержание и вербализация которого присущи творчеству только одного автора), собственно-авторский художественный концепт [Сергеева 2006: 98]. По мнению исследователя, если номинанты общехудожественного и индивидуально-авторского концепта совпадают в определенной мере с номинантом концепта-универсалии в языковой картине мира, то содержание собственно-авторского художественного концепта сугубо индивидуально. В коммуникативной стилистике художественного текста существует и другая типология художественного концепта, изложенная

Н.С. Болотновой; по ее мнению, они различаются по эстетической роли в системе художественного текста – концепты-локативы и идейно-значимые, ключевые концепты; по средствам выражения – словные, сверхсловные и текстовые концепты; по степени оригинальности – узуальные и индивидуально-авторские); по структуре – художественные концепты, концептуальные пары – оппозиции; как иерархия концептуальных структур – концептуальные структуры и гиперконцепты [Болотнова 2009: 302]. Исследователь рассматривает текстовые и межтекстовые ассоциативно-смысловые поля концептов и выделяет в их структуре ядро (к нему обычно относится ключевое слово-номинал концепта, его синонимы) и периферию, которая состоит из различных репрезентантов, которые «выражают закодированный в тексте концепт, являясь формой его материализации», и актуализаторов концепта, которые «служат дополнительными маркерами концептов, усиливая их текстовую репрезентацию» [Болотнова 2009: 75]. Репрезентанты и актуализаторы, по Н.С. Болотновой, с точки зрения ассоциативного развертывания текста «являются стимулами – элементами лексической структуры текста, рождающими ассоциаты», ассоциат же рассматривается ею как «элемент лексической структуры текста, соотносимый в сознании воспринимающего текст субъекта с реалиями *текстового мира*, коррелирующего с *миром реальности; сознания*, а также с другими словами» [Болотнова 2009: 9]. Объединенные в рамках одного направления ассоциирования, отражающего какую-либо сторону концепта, текстовые ассоциаты образуют ассоциативный ряд [Болотнова 2009: 75]. Н.С. Болотнова справедливо считает, что ассоциативный слой позволяет актуализировать в сознании реципиента все остальные слои концепта, так как различные типы ассоциаций отражают разные стороны художественного концепта: «референтные ассоциации – предметный «слой», когнитивные – понятийный, языковые и культурологические – образный, символический и эмоциональный «слои». Когнитивные и культурологические ассоциации обобщающе-синтезирующего типа формируют идейный (ценностный) «слой» художественного концепта» [Болотнова 2009: 202].

Выводы

1. Интенсивное развитие отечественной фразеологии характеризовалось исследованием ФЕ с точки зрения структуры, системной организации, семантики, функционирования и выявило множество противоречивых подходов как к определению основной единицы фразеологии, так и к перечню признаков этой единицы.

Под ФЕ в данном исследовании понимается *сверхсловная* конструкция, обладающая основным набором дифференциальных признаков: *устойчивость, идиоматичность, воспроизводимость*.

Выявление ФЕ из контекста произведений А.П. Кешокова проводилось с учетом широкого понимания фразеологии и того, что совокупность признаков устойчивости, идиоматичности, воспроизводимости является основополагающей.

2. Для современной фразеологии характерно многоаспектное исследование ФЕ, так как именно их многостороннее исследование дает наиболее полное представление о фразеологизмах.

В области фразеологии наиболее четко выявляется положение когнитивной лингвистики о том, что языки отражают различные способы членения и интерпретации человеком объективного мира. В настоящее время когнитивный подход является одним из перспективных направлений современной фразеологии.

Такие понятия, как концептуализация, концепт, языковое видение мира, ментальные репрезентации, категоризация, вербализация, ментальность, константы культуры, этнокультурное пространство, картина мира, концептосфера и др. соотносятся с лингвокультурологией.

В центре внимания лингвокультурологии – человек, его культура, видение мира, выражение через язык национального менталитета и др. Установки культуры, которые лежат в основе ценностных ориентиров и жизнедеятельности человека, становятся достоянием культурного сообщества бла-

годаря их означиванию. Одним из самых главных средств означивания установок культуры является естественный язык.

Для лингвокультурологии актуальным является исследование взаимодействия языка и культуры в рамках этнокультурного самосознания и его языковой презентации, постижения культурного самосознания через ФЕ, как и через другие единицы языка.

ФЕ, являясь образно мотивированным средством вторичной мотивации, содержат этнокультурные коннотации. В их семантике совмещаются номинативные, эмоционально-оценочные и этнокультурные элементы, что позволяет проводить исследование в контексте культуры, которое может служить основой для выявления и описания языковых средств, воплощающих в ФЕ культурно значимые смыслы.

Писатель как коммуникативная личность представляет собой несомненный интерес для лингвистического исследования, поскольку является носителем культурных ценностей, лежащих в основе оценки окружающего мира. Обращение к изучению ЯКМ писателя представляется важным также в силу того, что она является одной из форм отражения самосознания носителя кабардинского языка – А.П. Кешокова, глубоко национального писателя, отразившего в своем мировоззрении философские, религиозные, нравственные представления своих соотечественников.

ФЕ, наряду с другими функциями (информационной, экспрессивной, оценочной, эмоциональной и др.), выполняет и прагматическую функцию, которая заключается в предназначенности ФЕ оказывать воздействие на получателя информации. Коммуникативно-прагматическое направление во фразеологии направлено на исследование коммуникативной предназначенности и прагматических свойств ФЕ, изучая их как в аспекте соотношения семантики и прагматики, так и в аспекте установления особенности прагматических функций в процессе коммуникации.

Коммуникативно-прагматическое направление во фразеологии использует, наряду с лингвопрагматическим, лингвокультурологический, стилистический, дидактический анализ. При этом речевой акт, в составе которого функционирует ФЕ, рассматривается в единстве с ситуацией общения, с учетом замысла, пресуппозиции, интерпретации и т.д. Акцент подобных исследований делается на структурировании ситуации общения, которая порождает фразеологическое варьирование, на исследование роли ФЕ в реализации коммуникативных установок субъекта речи.

Поскольку ФЕ являются важным языковым средством создания образности, они становятся предметом исследования значительного количества работ, в центре внимания которых стилистические свойства и выразительные возможности ФЕ, их преобразование в контекстах художественной и публицистической речи.

3. Первые труды в области кабардинской фразеологии (определение объема и границ фразеологии кабардинского языка, дифференциальных признаков ФЕ, их анализ в структурно-грамматическом, семантическом, тематическом аспектах, исследование явлений синонимии, вариантности и полисемии – Б.М. Карданов) связаны с российской традицией фразеологических исследований. Предложенная ученым структурно-семантическая классификация ФЕ кабардинского языка имеет свои специфические особенности, которые обусловлены его строем: выделена семантическая группа – устойчивые выражения нефразеологического характера, представляющие собой промежуточную категорию устойчивых словосочетаний, еще не ставших подлинными фразеологизмами. От ФЕ их отличает отсутствие семантических сдвигов, переосмысления, вместе с тем они употребляются в готовом виде. Представлен анализ «*псалъэжъхэр*» (старые слова, старые речения- пословицы и поговорки), они определены как подлинные фразеологизмы, входящие в разные структурно-семантические группы в зависимости от характера их семантической структуры.

Исследования фразеологии кабардинского языка были продолжены работами в сопоставительном, структурно-грамматическом, функционально-стилистическом аспектах. В настоящее время смещен ракурс исследований: системное учение, начатое основоположниками кабардинской фразеологии, продолжается в виде конкретных исследований семантических, грамматических свойств ФЕ, их функционирования в дискурсах, в современных исследованиях кабардинской фразеологии в сопоставительном, лингвокультурологическом, этнокультурном, когнитивном и прагматическом аспектах.

4. Когнитивные и культурологические ассоциации обобщающе-синтезирующего типа формируют ценностную составляющую художественного концепта.

Художественный концепт как ментальное образование, которое отличается психологической сложностью, возможностью интерпретаций, способностью сочетать в себе различные свойства и понятия, понимается в данном исследовании как культурный концепт. Мы солидарны с его определением как единицы индивидуального сознания, авторской концептосферы, вербализованной в едином тексте творчества писателя. В исследовании нас интересует индивидуально-авторский художественный концепт как информационная целостность, содержание и вербализация которого присущи творчеству А.П. Кешокова.

ГЛАВА 2. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЭКЗИСТЕНЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ А.П. КЕШОКОВА

Каждый писатель, пользуясь богатством этнического языкового фонда, эксплицирует свое видение и восприятие ключевых концептов культуры. В прозе А.П. Кешокова одними из ключевых концептов, презентующих индивидуально-авторскую ЯКМ писателя, являются, на наш взгляд, концепты *зэман* (время), *унэ* (дом), *псэ* (душа), *зу* (сердце), занимающие центральное место во всем его творчестве. Мировидение автора, отображая его ценностные установки, дает возможность делать выводы об особенностях индивидуально-авторской картины мира.

В работе мы опираемся на понятие фразеологического концепта, определяемое нами как составляющая художественного произведения, вторичная моделирующая система, репрезентируемая в художественном тексте посредством ФЕ. Под репрезентацией фразеологического концепта понимается иерархизованная совокупность смыслов, воплощённая в художественном тексте и отражающая авторское представление.

Интерес к проблеме самоидентификации этносов актуализирует обращение к исследованию творчества писателей, языковое мастерство которых является неким аккумулятирующим отражением этнокультурного видения. Именно таким является Алим Пшемахович Кешоков, отразивший в своих стихах и прозе пласты смыслов, позволяющих увидеть систему ценностей адыгов.

2.1. Концепт *ЗЭМАН* (время)

В данной работе мы пытались исследовать концепт *зэман* (время) как выражение состояния духовной жизни писателя. При этом особый интерес представляет для нас фразеологическое представление концепта. ФЕ из произведений писателя представляют собой целостную систему, отражающую картину мира А.П. Кешокова, его философию жизни, и служат репрезентантами системы ценностей.

Значительным этапом в осмыслении проблемы времени в творчестве А.П. Кешокова стала работа А.М. Боровой, посвященная литературоведческому аспекту времени в диалогии А.П. Кешокова «Вершины не спят» [Борова 2006: 159]. Анализируя категорию времени в творчестве А.П. Кешокова, .Р. Борова рассмотрела проблему соотношения времени в реальном мире и литературе. Нас же интересует вопрос об авторском восприятии категории времени и репрезентации ее фразеологическими средствами.

Как известно, в кабардино-черкесском языке имеется система средств выражения времени, позволяющая отразить как стереотипы обыденного восприятия времени, так и результаты философского, естественнонаучного осмысления феномена времени. Это и морфологическая глагольная категория времени, позволяющая объективировать восприятие временных отношений в действительности, и наречия, имена существительные, служебные части речи, а также ФЕ (фразеологические единицы), имеющие специфические структурные, семантические, когнитивные, лингвокультурологические признаки. По словам В.Н. Телии, «образы, лежащие в основе фразеологизмов-идиом и связанных значений слова, в основной массе прозрачны для данной лингво-культурной общности, т.к. отражают характерное для нее мировидение и миропонимание, что и позволяет говорить о культурно-национальной специфике фразеологического состава языка, проявляющейся более ярко, чем в его словарном запасе [Телия 1996: 83].

В ФЕ со значением времени грамматическая и лексическая аспекты значения, сливаясь в единое целое, выражают в сжатой форме временные отношения действительности и таким образом формулируют в концентрированном виде свод человеческих знаний о времени.

Для исследованных текстов характерно частое использование писателем ФЕ для обозначения **астрономического времени**, как объективного (обозначающего время, не зависимое от субъективных факторов), так и субъективного (по субъективной оценке).

ФЕ со значением объективного астрономического времени содержат в своем составе лексемы, именующие время года или суток: *пицэдджыжь нэмэз* – букв: утренний намаз (рано утром, на рассвете), *махуэ шэджагъуэ* – букв.: дневной обед (обеденное время) и т.д.

Хэту пIэрэ пицэдджыжь нэмэзым Нурхэлий деж къэкIуар, жиIэу егупсысырт Астемир, унэм къыщIэкIауэ [Кешоков т.2: 166]. / Кто это так рано утром, на рассвете к Нургалий пришел, думал Астемир, выходя из дома.

Махуэ шэджагъуэ хьууэ дыгъэр къатепсэмэ, хьэцхьэтеуэр жыгым зыкIэрагъэцэцырт, заутхыпцIырти, ерагъуу къаIэтыжырт гугъу ехьа къудамэхэр [Кешоков т.2: 214]. / В обеденное время, когда солнце согревало деревья, они избавлялись от инея отряхиваясь и приподнимали свои уставшие от тяжелой ноши ветви.

Компоненты использованных писателем ФЕ связаны с циклом смены светлого и темного времени: *пицэдджыжь* – утро, *махуэ* – день, *ильэс* – год; данные фразеологические единицы определяют время по объективным астрономическим мерам.

Важным мериллом времени является герой писателя, который рассматривает время в контексте своих действий, переживаний. Выделяется группа ФЕ со значением неопределенности времени.

Неопределенность времени отражают ФЕ со значением неопределенного срока (неизвестно когда): *зэ мыхъуми зэ* – когда-нибудь, *гува – щIэхами* – рано или поздно; *зэман – зэманкIэрэ* – время от времени.

ФЕ *зэ мыхъуми зэ* – когда-нибудь – обозначает время возможности осуществления или неосуществления при определенных условиях:

Зэ мыхъуми зэ зэрыкIуэжын хуейр Саримэ щIэрти, ар игу къэкIыжмэ, и цхьэфэцым зиIэтырт [Кешоков т.2: 83]. / Сарима знала, что когда-нибудь придет ей вернуться, и от этой мысли у нее волосы становились дыбом.

ФЕ могут обозначать и приблизительное, неточное время: *зы ильэс хуэ-диз* – около года, *зыкъом лъандэрэ* – уже давно, с некоторых пор, *зыкъом*

щлауэ – давно, *Иэджэ щлауэ* – давно, давным-давно, *а зэманым* – в это время, в то время, *дунейр кьутэжыху* – пока стоит мир.

Лу кьызэралхурэ зы илгэс хуэдиэ дэКри, Инус хьэжыр щлымахуэ уаеи игьэдыкьауэ Шыхьуэфэпс кьыцагьуэтыжащ. [Кешоков т. 2: 88] – Около года спустя после рождения Лю нашли замерзшего от мороза эфенди Инуса в Шыхьуэфэпс.

Зыкьом льяндэрэ Думэсарэ «бэлиэвыч» жаІэм «Астемыр» жаІэ хуэдэу кьригьэкьырти и гур кьылгэту кьэгузэващ [Кешоков т.2: 170]. / Уже давно Думасаре слово «большевик» казалось «Астемиром», и она забеспокоилась.

Унафэр кьызэрысри зыкьом щІати, иджы зэ едэІуэжмэ, езы Нахьуэ дежкІи сэбэпт [Кешоков т.3: 446]. / Прошло довольно много времени, как пришел указ, поэтому еще раз послушать его для Нахо будет полезно.

(Хьэсэнджэрий) Дэ Иэджэ щлауэ дызэроцьыху. Абы и деж сыщыхьэщлауэ щытащ [Кешоков т.3: 218]. / (Хасангирей) Мы давно знаем друг друга. Я гостил у него.

Нэхь зызыгьэІуцхэр блэгьу иплгэрт, а зэманым блэгьуапльэр мащІэтэкьым [Кешоков т. 2: 11]. / Считавшие себя более мудрыми читали по лопатке, а в то время читавших по лопатке было немало.

(Думэсарэ) Кьамэмрэ кьалэмырэ дунейр кьутэжыху зы хьунукьым [Кешоков т. 4: 438]. / (Думасара) До скончания веков перо не заменит кинжала.

Значение скорости времени номинируется в большой группе ФЕ, которые обозначают как короткий промежуток времени (*куэд дэмыкьыу* – в скором времени, букв.: много не прошло, *кьыхьлгьхь имьщІу* – не мешкая, букв.: не растягивая надолго, *фІэкІ хэмылгьу* – моментально, *пІалгэ имьІэу* – немедленно; *пІалгэ кьыхэмыкьыу* – быстро, моментально), так и значительный (*гьэ кьэс* – каждый год, *ноби ныжэби* – постоянно, букв. и сегодня и вчера, *гьэми щлыми* – всегда, *иджыри кьэс* – до сего времени, зимой и летом; *зыкьом дэКІа нэужь* – с течением длительного времени), *япэ щлыкІэ* – на первых порах, сначала.

Куэд дэмыкыу Елдар Луццэц Сарими, гурыцхъуэ иццлауэ цытам шэч кытрихъэжащ [Кешоков т.2: 74]. / В скором времени Эльдар, встретившись с Салимой, начал сомневаться в своих подозрениях.

Кыхьлыхь имыццу Дисэ и Луэхум и ужь ихъащ [Кешоков т. 2: 84] / Немедля Диса приступила к своим делам.

А лъэхъэнэм адыгэмрэ абхазхэмрэ я хабзэт гъэ къэс хъэццэу зэхуэкцэу [Кешоков т.3: 103]. / В то время у кабардинцев и абхазов был обычай ходить каждый год друг к другу в гости.

Унэишэм дыкъэнатэмэ, иджыри къэс дыцысынута, жицэри Сейман пасэцуэ къежъэжауэ кыфцэццэжри ццэгъуэж хуэдэу хъуа цхъэкцэ, шым еуэри зрыригъэчащ, шызакъуэгужъ ццыкцэри дрихуейри мо пырхъыр кыгъэушащ [Кешоков т. 5: 50]. / Если бы мы остались на свадьбе, то до сих пор сидели бы, – сказал Сейман, он вроде как пожалел, что рано уехал, но, спохватившись, ударил по лошади, которая ринулась, подбрасывая телегу, от чего храпевший проснулся.

(Деникин) Ар шым шэсын цхъэкцэ, япэ ццыкцэ и шыцхъэхъумэр хъэлякъуипцэу игъэуэу, езыр абы теуэу итцанэ уанэгум дэццеин хуейуэ арат [Кешоков т. 3: 43]. / Чтобы сесть на коня, сначала он должен был поставить на четвереньки конюха, встать на него, а уже потом заползти на седло.

Критерием для измерения времени в произведениях писателя являются сами персонажи, рассматривающие время в связи с определенными событиями, действиями, переживаниями, а также автор, включающий в свой текст конструкции со значением субъективного времени. Значительную смысловую нагрузку несут в составе ФЕ такие компоненты со значением времени, как *зэман* – время, *чэзу* – пора, во внутренней форме которых передается этнокультурная характеристика. По словам В.А. Масловой, во внутренней форме ФЕ проявляются «следы» культуры – мифы, архетипы, обычаи и традиции, отраженные исторические события и элементы материальной культуры [Маслова 2001: 62].

Важную роль в прозе писателя играют пословицы и поговорки, в частности, о необратимости, цикличности времени. В дилогии «Вершины не спят» такой пословицей названа глава в романе – *Дунейр шэрхьши – мэкIэрахьуэ* – Мир – колесо, и (оно) вертится. В главе рассказывается о событиях, которые полностью изменяют жизнь героев. Они убеждаются в том, что со временем многое меняется. Данная пословица относится к числу любимых писателем, ее часто повторяют персонажи его произведений, да и он сам в авторской речи. Так, в вышеназванной главе она упоминается неоднократно:

«Дунейр шэрхьши – мэкIэрахьуэ», жиIэу Астемир и псалъафэр Думэсарэ и гум къэкIыжащ, ди натIэ ильым дыхуэзэни, жиIащ абы игукIэ [Кешоков т. 2: 95]. / *«Мир – колесо, и (оно) вертится», Думасара вспомнила слова Астемира, что суждено, то и сбудется, сказала она про себя.*

(Бэлацэ) Хьэуэ, Къазджэрий, дунейр шэрхьши мэкIэрахьуэ, ар къыпхуэзгъэувыIэну Iэмал зимыIэщ [Кешоков т. 3: 648]. / *(Баляцо) Нет, Казгирей, мир колесо, и оно вертится, и нет таких сил, чтобы его остановить.*

Здесь важно, кто именно из героев романа говорит эти слова: Астемир, Думасара, Баляцо – наиболее близкие писателю, как нам представляется, любимые ему положительные герои.

В уста умудренного жизнью старого человека вкладывается сентенция о переменчивости времени: *Мис ар тэмэмщ. Зым и дунейр лъанэдэгъэзеигъуэщ, адрейм – лъанэегъэзыхыгъуэщ* [Кешоков т. 6: 125]. / *Вот это правильно. У кого-то тяжелый период в жизни, у кого-то – истощение жизненных сил.*

Другая конструкция – о цикличности времени, рассматривающая время философски, – также репрезентирована пожилым персонажем: – *Ди щауэм щхьэкIэ хьуэхьу жытIэну и чэзу мыхьуауэ пIэрэ? – къопсалъэ Къуэширокъуэр, абы езым зыгуэр жиIэну и мурадауэ къыщIэкIынт, ауэ Цыхьумэ и хьэлтэкъым хабзэр икьутэу: дэтхэнэми чэзу иIэщ – арат тхьэмадэр Iуэхум зэрелъар* [Кешоков т. 4: 502]. / *Разве не пришло время сказать тост про нашего жениха? – сказал Кашироко, наверное, сам хотел что-то сказать, но Цихумо придерживался хабзэ: всему свой черёд – так тамада смотрел на дело.*

Жизнь и время, как это представляется в адыгском мировоззрении, представляются движущимися по кругу; идеи бесконечности смены, череды жизни проявляются именно в словах героев, которые являются значимыми для писателя [Шугушева 2017: 24–27].

Таким образом, проанализированный языковой материал произведений А.П. Кешокова отражает художественный образ времени, представленный как временем объективным, так и субъективным. Философскую категорию времени отражают идиомы о бесконечном движении, изменении и повторяемости событий.

2.2. Концепт *ПСЭ* (душа)

В центре творчества А.П. Кешокова – человек во всей сложности своей физической и духовной деятельности. ЯКМ писателя, являясь результатом непрерывной духовной языкотворческой деятельности, представлена концептосферой, в которой одно из ключевых мест занимает *псэ* (обычно переводится на русский язык как *душа* [Словарь каб.-черк. яз. 1999: 567]). Семантическая структура лексемы *псэ* гораздо сложнее, в толковых словарях ее определяют и как саму жизнь, одушевленность, внутренний психический мир человека, его сознание, мышление [Бижева 2000: 47].

Исследование концепта *псэ* в творчестве А.П. Кешокова в связи с изучением особенностей художественного мировоззрения писателя, выражения авторского осмысления сущности концепта представляется актуальным особенно на фразеологическом материале, в котором наиболее ярко проявляется «дух народа».

Под концептом мы понимаем «глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного знания. Концепты – это идеальные сущности, которые формируются в сознании человека» [Попова З.Д., Стернин И.А. 2001: 37].

Как известно, в современной лингвистике много внимания уделяется исследованию многоаспектного и многофункционального образа человека, в частности, его духовной составляющей. В связи с этим нельзя не назвать из-

вестных ученых: Ю.Д. Апресяна (1957), Н.Д. Арутюнову (1999), А. Ежбицкую (1999) В.И. Карасика (2002), Е.С. Кубрякову (2012) и др. В кабардино-черкесском языкознании следует отметить работы З.Х. Бижевой (2000), Л.М. Дзугановой (2008), в адыгейском – Л.К. Бобрышевой (2009).

В связи с реализацией поставленной задачи были рассмотрены ФЕ с компонентом *псэ* (душа) в речи персонажей и в авторской речи романа – дилогии «Вершины не спят» писателя.

Понятие *псэ* писатель репрезентирует как саму жизнь; он использует ФЕ, в составе которых *псэ* фигурирует с глаголами *пытын*, *хэтын*, *хэкIын*, *IукIын*, *къыхыхъэжын*: *псэр пытын* – быть живым, пока душа в теле держится; *псэр хэтын* – быть живым (букв.: душа есть в теле); *псэр хэкIын* – умереть (букв.: душа уходит); *псэр IукIын* – испугаться (букв.: душа ушла); *псэр къыхыхъэжын* – прийти в себя, ожить (букв.: душа вернулась):

Сэр ицхъэкIэ фымыгузавэ. Зыкъезгъэубыдынкъым си псэр пыту [Кешоков т. 2: 91]. / Обо мне не беспокойтесь. Не дам себя поймать, пока жив.

Хъалидэ зыкъигъазэркъым, псалъи къыжъэдэкIыркъым. Абы псэ хэту пцIэжынкъым [Кешоков т. 3: 153]. / Халида не оборачивается, не говорит ни слова. Как будто ее покинула душа.

Ауэ, сыту цытми, цIыхуц, псэ хэтиц, нэрэ напIэрэ зэхуимыхъу нэху цыху сымаджэм бгъэдэсыфынуц [Кешоков т. 3: 15]. / Как бы то ни было, она живой человек, в котором есть душа, и, не смыкая глаз, она может сидеть с больным до утра.

Алыхъым и шыкуркIэ, цэIуац. И псэр хэкIауэ цытамэ, сым цэIужынт? [Кешоков т. 3: 6] / Слава Аллаху, он простонал. Если бы душа его покинула, разве застонал бы?

Думэсарэ и вакъитIым лыхъуэрт, Лу гъуэгырт. Саримэ, и псэр IукIауэ, зыщIихъумэжащ, Тембот и нитIыр къыхуу ицхъэгъубжэмкIэ плъэрт [Кешоков

т. 2: 72]. / Думасара искала свою обувь, Лу рыдал. Сарима, испугавшись, залезла под одеяло, Тембот с испуганными глазами смотрит в сторону окна.

Бот и кЫшу цытам нсэ кЫыхыхэжат, шэдыбжсыр щеццэрт, сыджыр зурт, гьукИтЫр льяццэрт [Кешоков т. 2: 176]. / Бывшая кузница Бота ожила, кузнечный мех надувался, наковальня звенела, а два кузнеца кузнечили.

Для вопроса о том, жив ли человек, используется ФЕ *нсэ Iут* – «живой, быть живым» (букв.: душа находится в теле):

Астемыр кЫхуэзахэр зэпсалъэрт: – И нсэр Iут? – Псэуц иджыри, – жаIэу [Кешоков т. 2: 61]. / Наткнувшиеся на Астемира говорили между собой: – Ещё жив? – Да, живой ещё, – говорят.

Псэуц – производное от *нсэ*, означает живой, а суффикс *ц* – это утверждение о существовании. Поэтому ФЕ *нсэр тын* – отдать душу – означает «умереть»:

Мэжджыт кIуэцIым дэтым хьэжыр кьящыхыхэм, дуней хьэзабыр диным папцIэ ишэчауэ, диным цхьэкIэ и нсэр итыну а фэр зытригъауэрт [Кешоков т. 2: 15]. / Когда мула подошел к стоящим внутри мечети, он сделал вид, что из-за веры большие муки терпел, что из-за веры готов отдать свою душу.

Уеблэмэ, жаIэрт, ар цIыху цIыкIум я уэчылу, тхьэмыцкIэхэм я насыным папцIэ и нсэр итыну хьэзыру. КIуэаракъэ, революционеру кьялътэ хьуат [Кешоков т. 3: 207]. / Даже говорили, что он являлся защитником простолудинов и за счастье несчастных готов отдать свою душу. В общем его начали считать революционером.

ФЕ *нсэр хэкIын* выступает в контекстах писателя и в значении «умереть», и в значении «испугаться до смерти» (букв.: уйти душе):

– *Сылэху, си нсэр хэкIыху, – жиIэрт Мэтхэным, – зауэр кьябыл сцIынукуьым* [Кешоков т. 2: 229]. / Пока не умру, пока душа меня не покинет, – говорил Матхан, – я не приму войну.

Бэлацэ и псэр хэклаци [Кешоков т. 2: 242]. / Баляца испугался до смерти.

Таким образом, *псэ* олицетворяет жизнь, ее отсутствие – смерть. Именно поэтому слова героев романа воспринимаются как серьезная угроза: *Уи IэмкIэ уи псэр хозмыгъэхыжмэ, уэ сыпхуэдэц сэри* [Кешоков т. 2: 32]. / Если я не заставлю тебя собственными руками лишиться себя жизни, то я такой же, как и ты.

Я псэр си IэклIэ хэсхынуц. Мис мы си IитIымкIэ! Фляггурэ мыр?
Арац, яжефIэ ар псоми! [Кешоков т. 2: 32] / Я лишу их жизни собственными руками. Вот этими руками! Видите их? Так-то, скажите это всем!

О ценности *псэ* как самой жизни говорит идиома *псэр IэфIиц* (букв.: душа сладка): *АтIэ, хъарзынэкъэ, ди адэ, алыхъ талэм къурмэн ухуацIын нэхъ дахэ сьт цыIэ? Ауэ си Iэмрэ си лъакъуэмрэ фIыуэ пхы, псэр IэфIиц, хэт ицIэрэ, сольэкъуауэмэ, зозгъэуIэжынкIэ хъуниц* [Кешоков т. 2: 246]. / Так это же хорошо, отец, принести тебя в жертву Аллаху, что может быть лучше этого. Но свяжи крепче мои ноги и руки, жизнь сладка, кто знает, если начну брыкаться, ненароком поранишься.

Псэ зыIут выступает часто в значении «кто-либо, человек, личность» (букв.: в котором есть душа):

– *Псэ зыIутым укъигъэувыIэнукъым!* – *трегъэчэныхъ Гиви.* – *Зы цIыху IэпэкIэ зэIусэ мыхъун ухъуауэ арац* [Кешоков т. 3: 36]. / Ни одна живая душа не остановит тебя! – настаивает Гиви. – Ты стал недоступным ни для кого, ни один человек не может тебя коснуться даже пальцем.

На наш взгляд, в данном случае актуализируется такое значение *псэ* (душа), как *человек*, являющееся семантическим развитием понятия *живой, имеющий душу*.

В контекстах А.П. Кешокова *псэ* является и вместилищем самых теплых, нежных чувств: *псэм* и *цIасэ* – по душе, душевный (букв.: любимый душе); *псэм фIэфI* – приятно душе, прийтись по душе; *псэр зы чысэм илъын* – душа в душу (букв.: их души находятся в одном кисете).

*Пиынауэм езым фЫгуэ илѡагъу къафэм щеуэнур зыпыль щІалэр къэкІуа нэужьт. ЩІалэ къэкІуахэр заниІэу увьрти Іэгу еуэрт, хьыджэбзхэм яхэ-плээрт, хэту нІэрэ си **псэм и щІасэр**, жалэу [Кешоков т. 2: 29]. / Гармонистка играла свою любимую мелодию только тогда, когда приходил её молодой человек. Все парни сразу начинали хлопать под мелодию, приглядывались к девушкам в надежде найти ту, которая им по душе.*

*Рахым темыгушхуащэми, Іуэхур и **псэм фІэфІт**, сыхуейкъым жыпІэмэ, улыгъэншэу къафІэщІыниц, жиІэри Рахым Дисэ жиІэм еувэлІэныр нэхъ тригъэкІуащ [Кешоков т. 2: 47]. / Хотя Рахим и не решался, дело было ему по душе, скажешь «не хочу», воспримут как трусость, и Рахим решил принять то, что говорит Диса.*

*Деникиным дыщезауэм Гикалэ дэрэ **ди псэр зы чысэм илѡащ**. Ди гугъуехьы ди гуфІэгъуи зэдэдгуэшу щытащ [Кешоков т.3: 388]. / Когда Гикало и мы воевали с Деникиным, то мы жили душа в душу. Мы делили между собой и горе и радость.*

*Псэ – это не только жизнь, но и нечто свойственное только человеку, некая субстанция, без которой его не существует. ФЕ *псэ хэлъхъэн* означает «вложить душу», использование ФЕ с отрицанием является средством характеристики персонажа, понимающего *псэ* как «душу», нечто нематериальное, данное Богом:*

*По сурэт зэрыпщІынур? Сурэт зыщІам къемэт махуэм къедэуэжынуц: **псэ щхъэ къысхыумылъхарэ, жиІэнурэ. Сурэт пщІы хъурэ?** [Кешоков т. 2: 233]. / Зачем нам фото? С тем, кто сделал фото, в судный день будут спорить: почему не вложил душу, не оживил. Разве можно делать фото?*

*Такое же понимание в ФЕ *и псэр хъэршым хыхъэжащ* – «его душа ушла в поднебесье, испугаться сильно»: *Мэсхъуд къигъэзэжауэ цІыхухэр зэхуишэсырт, Чачэ и **псэр хъэршым кІуэжауэ** кІэзызу щытт [Кешоков т. 2: 79]. / Масхуд, вернувшись, собирал людей, Чача стоит дрожа, сильно испугавшись.**

*Лексема *хъэрш* означает «небо, поднебесье», куда душа возносится после смерти, в приведенной же конструкции ФЕ характеризует психофизическое состояние персонажа, крайне испуганного происходящими событиями.*

Душа может предчувствовать, знать: – *Сыуэркъыц жыпIа? Фэуэ птетц. Уи шымкIи, уи фащэмкIи. ЗаницIэу си псэм ищIат узэрыуэркъыр. УэркъытI зэгурымылуэныр емыкIукъэ? Уи цIэр хэтиц жыпIа?* [Кешоков т. 3: 71] / Уорк, говоришь? Видно. По твоему коню и оружию. Сразу почувствовал, что ты уорк. Разве не стыдно, когда два уорка не могут понять друг друга? Как, говоришь, тебя зовут?

Довольно часто в речи персонажей, особенно пожилого возраста (в дилогии «Вершины не спят» – Диса, Данизет, Рагим, Нана), фигурируют обращения, компонентом которых является *псэ*: *си псэ* – моя душа; *си псэ тIэкIу* – милый мой (букв.: моя душечка, моя маленькая душа); *си псэм хуэдэ* – душа моя (букв.: как моя душа); *си псэ тIэкIур зышхын* – дорогой мой (букв.: тот, который съест мою маленькую душу):

– *АтIэ, си псэ. Астемыр мыбы деж кышувывIэнт?* [Кешоков т. 2: 223] / Да, душа моя. Разве Астемир здесь остановился бы?

Псы жиIэу укъэзыгъэкIуар зыхуейр ницIэркъэ? Махъсымэщ. Къеблэгъэну щыхуэмейкIэ, мэ, си псэ тIэкIу, махъсымэ шынакъри хуэхъ [Кешоков т. 3: 520]. / Разве не знаешь, что хочет тот, кто тебя прислал за водой? Бузу. Раз не хочет к нам пожаловать, на, милый мой, отнеси ему миску бузы.

– *Унэидзыхъэ дыкIуэуи? – Ахъайуи, си псэм хуэдэ* [Кешоков т. 2: 47]. / Едем умыкнуть (красть невесту)? – Конечно, душа моя.

– *А тIу, а си псэ тIэкIур зышхын, тхъэ кыдженIэн – си щIалэ цIыкIу мыгъуэм ухуэмызауэ нIэрэ?* [Кешоков т. 2: 131] / Эй, дорогой мой, скажи ради Аллаха – не встречал ли ты моего мальчика?

Апеллятивы с компонентом *псэ* выражают наивысшую степень чувства любви и нежности адресанта; если он – мужчина, то подобное обращение относится к младшим: (*Рагим*) *Мэ, мыри здэхъ, си псэ тIэкIу, ягъэ кIынкъым* [Кешоков т. 2: 41]. / (*Рагим*) На, отнеси это тоже, душа моя, не обессудь.

Такое обращение применяется, когда адресат особо нуждается в заботе; так, проведывающая больного героя романа Диса обращается к нему: *Чачэ*

къызэрысу нэмэзыбзэм хуэдэу зыгуэр къибжу щидзащ. – А си псэ тIэкIу мыгъуэр зышхын. Сыту узыфэ Iей мыгъуэ къофыкIыр [Кешоков т. 2: 11]. / Как только Чача пришла, сразу начала бормотать что-то как молитву. – О, душа моя. Что за ужасная болезнь тебя охватила.

Во всех случаях употребления данных обращений герои писателя испытывают сильные чувства, в том числе и тревогу: – *Саният, умыгъ, куэдщ. Уэра атIэ гъын хуейр? УгуфIэн хуейщ. Щыгъэт, си псэ тIэкIу, – жиIэу* [Кешоков т. 3: 584]. / Саният, не плачь, хватит. Разве ты должна плакать? Ты должна радоваться. Успокойся, душа моя.

Особая близость, верность свойственна тем, о ком говорят герои пословицы: – *Ар щIэбгъэщIэгъуэн щыIэкъым, – жиIэрт Астемыр, – а тIум я псэр зы вакъапхъэм къыхахащ. Шэрихъэт шущ* [Кешоков т. 2: 134]. / Незачем удивляться этому, – говорил Астемир, – их души сделаны из одной материи. Всадники шариата они.

А зэгъунэгъуитIыр къэзылгагъур къехъуапсэрт, я псэр зы чысэм илъ хуэдэщ, жаIэрти [Кешоков т. 2: 218]. / Все, кто видели этих соседей, завидовали им, говоря, что живут душа в душу.

Семантику приведенной пословицы автор использует и для создания иронии:

Дунейм цIыхуу тетыр тIууэ гуэшащ: иныкъуэр къулейуэ, иныкъуэр къулейсызу. Къулейсызу щыIэр къулей хъуну хущIокъу. Аращ бэлыхъу щыIэр къызэрыкIыр. АтIэ «сыз» жыхуиIэ тIэкIур псалъэм пыудатэмэ, псори хъарзынэу зэдэпсэунут, я псэр зы чысэм илъу. Пэжкъэ? Ы? Пэжкъэ? Хъэ-хъэ-хъэ! Хуэзгъэза тэмэму? Хъэ-хъэ-хъэ. Ы? [Кешоков т. 2: 108] / Все люди, которые живут на земле, делятся надвое: половина богатые, половина бедные. Все бедные стремятся быть богатыми. От этого и все беды. Так если бы часть «сыз» отсекли бы от слова, все были бы довольны, жили бы душа в душу. Не так ли? А? Не правда? Ха-ха-ха! Я правильно сказал? Ха-ха-ха. А?

О соотношении концептов *душа* и *сердце* в лингвистике имеются работы на материале различных языков, в том числе и на материале кабардино-черкесского языка. Так, З.Х. Бижева, рассматривая ФЕ *гурэ псэкIэ* – «от чистого сердца», букв. «сердцем и душой», отмечает близость *гу* и *псэ* в определенных контекстах [Бижева 200: 47]. Фигурируя в речи героев, а также в авторской речи, данная фразеологическая единица выступает показателем крайней степени выражения чувства, действия, сосредоточенности:

Март мазэр къихъэри, цIыхум гукIи псэкIи къагурыIуащ Деникиным и дээр къызэрыкъутэр [Кешоков т. 2: 127]. / Наступил месяц март, люди душой и сердцем поняли, что войско Деникина терпит поражение.

Шэшэн народ хахуэмрэ Грузиемрэ зэныбжъэгъу, зэгъунэгъу зэрыхъум гукIи псэкIи сыщогуфIыкI [Кешоков т. 3: 210]. / Я душой и сердцем радуюсь тому, что героический чеченский народ и Грузия подружились.

ГукIи псэкIи фIэмыфIу, езы Дисэ щыхъыджэбзым Зырамыку мыгъуэм къратат [Кешоков т. 2: 155]. / Не принимая ни душой, ни сердцем, Дису, девчонкой, отдали за Зрамука.

Мэтхъэныр гукIи псэкIи еувэлIащ а тхылъым [Кешоков т. 2: 227]. / Матхан душой и сердцем взялся за эту книгу.

Как и во многих других языках, концепт *псэ* (душа) соотносится и с концептом *нэ* (глаза), который также является экспонентом души в кабардино-черкесском языке. В приводимых контекстах ФЕ лексемы *псэ* и *нэ* выступают в синонимичном значении, усиливая и дополняя друг друга:

Данизэт жиIэр Дисэ и нэт, и псэти и тхъэкIумэ пIащIитIыр тегъэхуауэ едаIуэрт. Данизэт и щхъэ мыгъуагъэ хуихъу иригъэкIуэкIырт [Кешоков т. 2: 111]. / Что говорит Данизат, Диса воспринимала сердцем и душой (букв.: становились ее глазами, ее душой) и слушала её в оба уха. Данизат всё время корила себя.

Астемыр зи ужь итыр и нэт, и псэти дихъэхауэ елэжъырт [Кешоков т. 2: 193]. / Астемиру нравилось душой и сердцем (букв.: становился его глазами, его душой) то, чем он занимался, и работал с усердием.

О равной степени важности *псэ* и *нэ* говорится в пословице, подводя итог пламенного монолога одного из главных героев романа – Инала, которого она и характеризует: – *Ди джатэ кыитхар зэритлхъэжу, ди пцэм кыдэтлысхъэнуц пцыжъ-уэркыжъхэр. Ар цхъэ умыццIэрэ? Уи нэ кьeIэм и псэ eIэж, жи* [Кешоков т. 2: 229]. / Как только мы уберем наши кинжалы в ножны, пщы-уорки сядут нам на шею. Почему ты этого не знаешь? Как говорится, око за око, зуб за зуб (букв.: если тебя хватят за глаза, то и ты душу хватай).

ФЕ с компонентом *псэ* (душа) в романе обозначают и состояние человека, степень крайнего напряжения, как физического, так и духовного:

Льырэ псэIэ кьэтхъа властым цIэгъэкъуэн хуэхъуну зымыдэр лъэныкъуэ едгъэзынц. Къазджэрий сэбэн сыхъуниц жиIэри кьэкIуэжащ жыпIакъэ? Хьарзынэщ [Кешоков т. 3: 502]. / Тех, кто не хочет оказать сильную помощь власти, которую мы принесли с трудом и кровью, уберём. Говоришь, Казгирей вернулся, чтобы помочь нам? Хорошо.

– *Я псэм емыблэжу сьт жыпIа цIэзэуар? – жиIэри сэлэт комитетым щыщыр цIэупцIащ, Астемыр дежкIэ кьакIуэу* [Кешоков т. 2: 63]. / Так зачем, говоришь, они воюют, не щадя себя? – спросил один из членов солдатского комитета, идя к Астемиру.

Абдул, жылэр зэрызехъэу кьажэ кьыфIэцIати, и псэр и лъэдакъэм нэсауэ хадапхэмкIэ здэжэм, абыкIэ псыIэрышэ кьызэпрыжыр имыццIэу, жэщыр кIыфIти, имылгагъуу псым хэхуащ [Кешоков т. 2: 48]. – Показавшись Абдуле что все село с гневом бежит к нему, у него душа ушла в пятки, ночь была темной и не видя, куда бежит, он упал в воду.

Все ФЕ – репрезентанты *псэ* в романе эмоционально и экспрессивно окрашены. ФЕ с компонентом *псэ* имеют различную семантику, среди которых превалирует значение *псэ* как «жизнь, живое», а также как нечто нематериальное, данное Богом. Писатель использует конструкции, в которых *псэ* соотносится с сердцем, глазами, является средоточием самых тонких чувств, ярко характеризуюя героев и их поступки [Шугушева 2017: 167–170].

2.3. Концепт *ГУ* (сердце)

Концепт *сердце* неоднократно становился объектом исследования в различных языках: А. Вежбицкая, С.Г. Тер-Минасова, Е.В. Урысон, А.Д. Шмелев и др. В адыгском языкознании известны работы З.Х. Бижевой, З.Р. Цримовой, З.М. Хамизовой, Л.К. Бобрышевой в которых исследуется концепт *гу* на материале кабардино-черкесского языка. В работе Б.А. Чич [Чич 2010] рассмотрены способы экспликации концепта *сердце – гу* в русской и адыгейской ЯКМ, проведен семантический, аксиологический и контекстуальный анализ лексем *сердце* и *гу*, их дериватов, а также метафор и фразеологизмов, репрезентирующих концепт.

В связи с изучением особенностей художественного мировоззрения писателя исследование концептов в творчестве А.П. Кешокова представляется особенно актуальным на фразеологическом языковом материале, в котором наиболее ярко проявляется «дух народа».

Одним из самых распространенных компонентов ФЕ в кабардино-черкесском языке является *гу* (сердце). По данным Б.М. Карданова, 218 фразеологических единиц имеют данный компонент в качестве стержневого и занимают первую строку в своеобразном «рейтинге» в конструкциях с компонентами, обозначающими части человеческого тела [Карданов 1973]. Данные фразеологизмы и образуют ядро концепта *гу* (сердце), репрезентирующего в современных языках центр духовной жизни человека, вместилище чувств.

Исследуемый языковой материал показал, что *гу* – один из ключевых концептов в творчестве А.П. Кешокова, и представляется важным рассмотреть, как отражается сущность человеческого бытия в сознании писателя посредством эмоций.

В языке писателя, в системе образов и символов репрезентировано его миропонимание, которое осознается в контексте культурных традиций народа. При этом важнейшую роль играют ФЕ, в образном содержании которых воплощается этнокультурная составляющая.

Проведенный анализ позволил нам выделить в ЯКМ писателя следующие группы ФЕ: со значением различных чувств, эмоций, состояний; со значением «память», «мышление»; характеристика духовной составляющей человеческой личности; этическая характеристика; физическая характеристика состояния человека и т.д.

В ЯКМ писателя выделяются две большие абстрактные группы *эмоций* (чувств), обозначенных исследуемыми ФЕ.

1) ФЕ с позитивным значением (гармония, дружелюбие, доброта, спокойствие и т.д.)

В кабардино-черкесском языке *гу* (сердце) как компонент слова входит в структуры многих лексем со значением *симпатии*: *гурьщIэ* – влечение, страсть; *гухэль* – желание, любовь, *гуаклуэ* – привлекательность, *гуапэ* – приятное, и ФЕ.

Например, **гум ирихьын** – полюбить, понравиться, прийтись по душе (букв.: нести сердцем):

Къазджэрий зыри жимыIэу гупсысэрт. Пыжьым жиIэр и гум ирихьу щымытми, апхуэдэу къыщIэкIынт къэхъуа-къэщIар цIыхум къазэрыгурьIуэр [Кешоков т. 2: 475]. / Казгирей молча думал. Хотя ему и не нравилось то, что говорит старец, наверное так люди понимают происходящее.

Астемыр япэ урокыр Тинэ и джанэр къыздикIам тримыхуэу хъуакъым. Абы псори къедэIуащ яфIэгъэщIэгъуэну, уеблэмэ урокыр Къазджэрий и гум ирихьащ [Кешоков т. 2: 426]. / Астемир вынужден был посвятить первый урок тому, откуда рубашка Тины. Все его слушали с удивлением, урок понравился даже Казгирею.

– *Фызыр гурэ псэкIэ къыхах, – жиIэрт Мэтхъэным, – цIыхубзыр уи гум ирихьрэ, уи псэм къыщтэрэ – къаишэ. Урысуи, сонэуи, журтуи щрет, удихьэхамэ – аращ* [Кешоков т. 3: 462]. / Жену выбирают душой и сердцем, – говорит Матхан, – женщина тебе по душе, принимаеть душой – женись. Пусть она будет русской, сванкой, еврейкой, завлекает – это главное.

Гу хуэщIын – мечтать о ком-либо; полюбить; нацелиться на кого-либо (чтобы жениться) (букв.: сделать кому-то сердце):

Куант *Лэм пасэу гу хуушц* *Лам* *тхэным. Институтым щышц* *Лэсым лит-кружокым жыджэру хэтат, пиыхьэщхьэхэр шрагьэк* *Луэк* *К* *Лэ, абыхэм езым и усэхэм кьыщеджэрт...* [Кешоков т. 4: 601] / Куантов очень рано полюбил писать. Когда он еще учился в институте, он с энтузиазмом участвовал в лит-кружке, в литературных вечерах, там он читал свои стихи.

Гур ф *Лы хьуащ* – стало приятно, хорошо (букв.: сердцу сделалось хорошо):

Бахьуэм ар и жагьуэ дьдэу зэрыщымытыр псоми яшц *Лэрт. Зы бжьси бжьсит* *Лу ефа иужь, зызыгьэгусэну зи гугьахэми я гур ф* *Лы кьэхьуащ* [Кешоков т. 4: 102]. / Все знали, что Бахо жаловал этого. После выпивки одной-двух стопок тем, которые собирались обидеться, стало хорошо.

Гурыхь щыхьун – понравится, прийтись по душе, быть приятным (букв.: созреть в сердце нраву):

(Жырасльэн) И жыным йо *Лэбэри дышцэ сыхьэтыр кьрех: ирырелъагьу Григорий сыкьулейрэ сыкьулейсызрэ. Хьалидэ и тыгьэр хуабжьбу гурыхь щыхьуащ Седых* [Кешоков т. 3: 167]. / (Жираслан) Достает из кармана золотые часы: пусть видит Григорий, беден я или богат. Подарок Халиды пришелся по душе Седых.

Гум кьещтэ – по сердцу, приятно (букв.: сердце берет); **нэм ильагьу гум кьещтэ** (посл.) – что глазам нравится, то и сердце одобряет (букв.: глаза видят, сердце берет):

Нэм ильагьу гум кьещтэ жа *Лами, ди нэм ильэгьуар ди гум кьишц-тэркьым: тырку пащтыхьым зы абджыпс люстрэк* *Лэ урыс пащтыхьым дришар пэж жыф* *Лэмэ, пэжшц, ди нэк* *Лэ тльэгьуащ люстрэр, дыгьэм хуэдэу зэщ* *Лолыдэ* [Кешоков т. 5: 221]. / Хотя и говорят, что по нраву глазам, то и по сердцу, но то, что наши глаза видят, нам не по сердцу: если и говорить правду, то турецкий хан продал нас русскому царю за одну хрустальную люстру, это правда, своими глазами видели люстру, сверкает, как солнце.

Сердце является общепринятым символом любви в различных лингвокультурах. Писатель использует конструкции из довольно обширной группы ФЕ со значением «любовь».

В кабардино-черкесском языке концепт *чувство* содержит в себе компонент *сердце*: *гурыщIэ* – чувство; любовь, *гухэль* – сокровенное чувство, мечта; любовь.

Внутренняя форма приведенных слов указывает на месторасположение чувства внутри сердца:

гум къэкIын – соскучиться о ком-, чем-либо; почувствовать что-либо букв.: растет в сердце):

Буруныпс щынэблэгъам (Елдар) ищэкIэ пльащ, Саримэ сымэ и гум къэкIати [Кешоков т. 3: 684]. / Приблизившись к Буруныпс, (Эльдар) посмотрел вверх, он соскучился по Сариме и другим.

Гум хыхьэн – задеть глубину сердца, брать за душу (букв.: войти в сердце):

Псоми жаIэрт: – Тхьэм жиIэ! – Тхьэм къабыл ищI! – Сыту гум хыхьэу жыпIа! – Жьыщхьэ махуэ ухьу! [Кешоков т.4: 352] / Все говорили: – Пусть Аллах так и скажет! – Пусть дойдет до Аллаха! – Как хорошо сказал, аж за душу берет! – Да обретешь счастливую старость!

Ахьмэд и мэжджытышхуэм бгьэдэт минаретым къытеувауэ азэн джэм и макъыр псоми я гум хыхьауэ, хьэжыщI зэрыкIуэри я гурыфIыгьуэшхуэу Дэфэрэдж сымэ къалэм къыдэкIри къуэкIыпIэмкIэ яунэтIащ [Кешоков т. 5: 269]. / Голос читавшего азан с минарета, стоявшего рядом у большой мечети Ахмеда, задевал глубину сердца, а также, воодушевляясь и тем, что они идут в хадж, Дэфэрэдж и все вышли из города и направились на восток.

Гум щыщIэн – переживать в душе (букв.: делать в сердце):

И щхьэр ехьэхауэ, нэпсыр ирикIуту щыст KIураци. Дотийрэ Апчарэрэ фIыуэ къагурыIуэрт а цIыхубзым и гум щыщIэр [Кешоков т. 4: 512]. / Кураца сидела с опущенной головой и рыдала. Дотий и Апчара хорошо понимали, что она переживает в душе.

Гур къэгъэщытэн – смягчить чье-либо сердце, привлечь кого-либо лаской (букв.: отмокнуть сердце):

Верэ Павловнэ ищIэрт тIуанэ утрацIауэ а цIыхубзым екIужыгъуафIэу уекIужа зэрымыхъунур, арицхъэкIэ дахэрэ бэльторэкIэ фызым игу къигъэщытэн и хысэнт [Кешоков т.3: 686]. / Вера Павловна знала, что став второй женой мужа этой женщины, помириться с ней будет нелегко, но она надеялась, что ласка и пальто смягчит ее сердце.

Гу щыхуэн – получить удовлетворение, насладиться (букв.: тереть сердцем):

Лейуэ гугъу ехъащ (цIыхубзыр), и дахагъэри хильхъащ, къильхум гу щыхуэнри и фIэщ мыхъужу къэнащ [Кешоков т. 5: 365]. / Слишком пострадала (женщина), свою красоту вложила, уже не верит, что насладится своим ребенком.

Гум къыщIетхъ – за душу хватает, жалеть все душой, очень тяжело, скрепя сердцем (букв.: вырывает из-под сердца):

Адэм дежкIэ IэфIкъэ сабийр, Ибрахым и гум къыщIитхъми, дауэ ищIынт, и цхъэр къыфIэхуауэ кIуэрт, щIалэ цIыкIур джэгурт, хъэндырабгъуэ ещэрт, мывэкIэщхъ хуэзэм идзырт, и зэш тригъэуну яшэ хуэдэ, и адэм кIэлъыкIуэу кIуэрт [Кешоков т. 2: 438]. / – Для отца ребенок сладок, хотя и для Ибрагима очень тяжело, что делать, шел, поникнув головой, мальчик играл, ловил бабочек, если встречал щебень, то кидал их, как будто его ведут развлекать, он шел за отцом.

Шыр ящэу щыдаша пщыхъэщхъэм Лу и гум къыщIитхъыу щIэгъар иджы гурыIуэгъуэщ [Кешоков т. 2: 349]. / Теперь было понятно, почему Лю скрепя сердцем рыдал в тот вечер, когда продали и увели коня.

– *Пэжкъэ, Саримэ? УдэкIуэмэ, дэри къыддэIэпыкъу, – Елдар, гушыIэ цхъэкIэ, и гум къыщIитхъырт Саримэ зэрыдэкIуэр* [Кешоков т. 2: 78]. / Правда же, Сарима? Когда выйдешь замуж, помоги и нам тоже, – Эльдар, хотя и шутил, очень тяжело воспринимал замужество Саримы.

Нани, шыр зэрыдашыр и гум кыицИитхырти, щымытыфу, Іэ лъэныкьуэкІэ бжэблыпкыыр иыггыу, Іэ лъэныкьуэмкІэ и нэпсыр илъэцІырт [Кешоков т. 2: 337]. / Нану за душу хватило то, что уводят коня, не могла стоять, одной рукой придерживалась о косяк двери, а другой вытирала слезы.

Гур кыызэфІэнэн – заволноваться; разволноваться, расчувствоваться, растрогаться (букв.: сердце зацепилось):

Къазджэрий и гур кыызэфІэнащ. – *Сэри тхъэ пхузоІуэ, ди адэ, узмыгъэукІытэну,* – *жиІэри Къазджэрий бгырыпхыр кыИихащ* [Кешоков т. 2: 392]. / Казгирей расчувствовался. – Я тоже клянусь, отец, не осрамлю тебя, – сказав, Казгирей взял пояс.

Гур щыун – стать равнодушным, охладеть (букв.: сердце отвыкло):

(Жыраслъэн) – *Уэ лЫкІуэ уащІынуми ялъагъурт. ЦЦыхум я гур зэ-щыбгъэуащ, Инал. Адыги, къуащхы, урыси – кыыпхуэмыарэзыр куэдщ* [Кешоков т. 3: 658]. / (Жираслан) – Если бы они захотели тебя сделать гонцом, они видели тебя. Люди стали равнодушными к тебе, Инал. Адыги, балкарцы, русские – недовольных тобой много.

Гу как компонент лексем со значением *ликование*: *гуфІэ* – восторг, *гуфІэн* – радоваться, *гурыфІ* – веселье, *гурыфІыгъуэ* – удовольствие и т.д.:

гур кыигуфІыкІын – внутренне радоваться, радоваться кому-то, чему-то (букв.: сердце радуется):

ХъэщІэм и нэр кыыпылэлу, и гур кыигуфІыкІыу щытищ [Кешоков т. 5: 90]. / Гость стоял, повесив нос, но внутренне радуясь.

Уэнжакъ дыдэм кърехулІэри, Нартшу лэнейкІэр къегъэувыІэ. «Тхъэм уигъэпсэуи, Дотий! Сыту и чэзу дыдэу укърихъэлІа!» – *Апчарэ и гур кьогуфІыкІ* [Кешоков т.4: 618]. / Прямо у дымохода Нартшу останавливает линейку (экипаж). «Дай Аллах жизни тебе, Дотий! Как вовремя ты приехал!» – Апчара радуется этому.

Гур кыильэтын – восхищаться, радоваться (букв.: сердце вылетает):

Сарими и гур кыильэтырт, *къуажэм кыызэрыдыхъэжар и гуапэу* [Кешоков т. 2: 383]. / Сарима радовалась, довольная тем, что уже заехала в село.

Гур кыызэщлэплээн – прийти в азарт, радоваться (букв.: сердце разгореться):

Шыгыуэм уанэ телъу къашауэ щильагъум, Шамхун и гур кыызэщлэплэащ, щаклуэм хьэкIэхъуэкIэ кыильагъум зэрыхъум хуэдэу [Кешоков т. 2: 104]. / Когда Шамхун увидел, что привели оседланного рыжего коня, его захватило чувство азарта, как охотника, увидевшего добычу.

Гу как компонент лексем со значением *наслаждение*: *гукъыдэж* – бодрое настроение; воодушевление, *гухэхуэ* – восторженность, наслаждение, и т.д.:

гур къабзэ хъун – просветлеть сердцем (букв.: сердце очистилось):

Пщэдей и фызышэщ, луэху мащIэ щIэн хуейкъым иджыри. И анэм и кхэм къаклуэу зэрыбгъэдэсам и гур къабзэ ищIауэ, Елдар къэтэджыжри и щыгъыным есэбэуэжащ [Кешоков т.2: 288]. / Завтра его свадьба, еще много дел осталось доделать. Из-за того, что он посидел около могилы матери, сердце нашло какое-то просветление, Эльдар встал и отряхнулся.

Гур хэхуээн – испытывать душевный подъем; одухотворение (букв.: сердце растет):

Дунейр дахэт, Лу имыщIэ къищIэмэ, и гур хэхуээрт, ар и гурыфIыгыуэ [Кешоков т.3: 538]. / Вокруг красиво, когда Лю узнавал что-то новое, чего он не знает, он одухотворялся, это радовало его.

Гур кыильэту – с трепетом, с замиранием сердца (букв.: сердце вылетает):

Саримэ гуфIат Елдар щильэгъуам, и гур кыильэту къеуэрт [Кешоков т. 2: 77]. / Сарима обрадовалась, увидев Эльдара, трепетно забилося ее сердце.

Писатель использует палитру народных выражений, описывая состояние, настроение героев, у которых сердце «вылетает», «растет», «задыхается» и т.д.

Гу как компонент лексем со значением *сочувствие*: *гущIэгъу* – жалость, *гумыгыуэу* – с состраданием и др.:

гур гъэпыIэн – унять, успокоить сердце (букв.: успокоить сердце):

(Бэлацэ) ... Фочауэр сфIэфIу щытащ игъащIэм. Музычрэ фочауэрэ, а тIум хуэдэу си гур зыгъэпыIэ сьт щыIэ, зыри щыIэкъым... Фоч уэ макъыр зэхэсхынкIи хъунищ... [Кешоков т.2: 432] / *(Баляца) ... Я всегда любил звук вы-*

стрела. Музыка и звук выстрела, есть ли кроме них, что может успокоить мое сердце, ничего нету... Может, я и услышу звук выстрела...

Гур пы́эжын – успокоиться, утихомириться (букв.: сердце успокоилось):

Хэ́лһынIэ лъэпкъ зэримыIэр, машинэм кызыэринар хъэкъыу щыпхыкIым, Курацэ, сьт ищIэнт, и гур теныIэжащ [Кешоков т.4: 404]. / Когда Кураца поняла, что она осталась в машине и нету другого выхода, что делать, она утихомирилась.

Гур гъэтIысын (псалъэкIэ) – говорить основательно, успокоить словом, удовлетворить, согласиться (букв.: сажать сердце (словом)):

Локотош и псалъэр кызыэрыщIидзари а приказыр аращ. «Команда» смирно» итщ, псори иригъэувыкIри а тхылъым ит псалъэм гупсэхуу, гурьIуэгъуэу къеджащ, зэхэзыхым я гур игъэтIысу [Кешоков т. 4: 269]. / Локотош начал свою речь этим приказом. Там было написано «Команда» смирно», он всех построил и прочитал каждое слово, что было в этой книге, внимательно, доступно, а слушавшие соглашались, успокаивались.

Гур зэгъэн – успокоиться, удовлетвориться (букв.: сердцу перестать баловаться):

Лу и гур зэгъат, арихъэкIэ жей жыхуаIэр ищIэртэкъым, сэри сьздашамэ, сьту фIыт, жиIэрт Лу игукIэ [Кешоков т. 2: 353]. / Лю успокоился, но не мог заснуть, как хорошо было бы, если и меня взяли бы с собой, думал Лю про себя.

Сэри дэхуэха сыхъумэ, жиIэри Апчарэ сумкэм дэIэбэри и комсомол билетыр дэлъу щилъагъум и гур зэгъэжащ [Кешоков т. 4: 132]. / Если и я попаду в беду, подумав, Апчара сунул руку в сумку и успокоился, когда увидел комсомольский билет.

Гум жьы дихужын – вздохнуть свободно, воспрянуть духом; отлегло от сердца (букв.: ветер подул на сердце):

ЩIалэ бзаджэр арыххэти щIэкIыжырт. Апхуэдэу зырыз къэхъуми, Нурхъэлий и гум жьы дихужат ихапIэ кызыэрызэIуихрэ, насыт къеуэлIэнуи и гугъэт, арихъэкIэ уунэхъунумэ, куэдрэ, Нурхъэлий и гугъэххэтэкъым къыщыщIынIауэ [Кешоков т. 2: 141]. / Хитрый парень так и уходил. Хотя та-

кое редко случалось, Нургалий воспрянул духом с тех пор, как открыл заку-
сочную, он думал, что навалится большое счастье, но долго ли до беды, Нур-
галий и не подозревал, что случится такое.

Гур тепщэхэн – насладиться, успокоиться, злорадствовать (букв.:
спустить сердце над чем-то):

*Бекъан ищIэнур ищIэркъым. Чокэ Iуэм къришыжыфатэмэ, Бекъан бэ-
лыху телъыр къытезыгъэхуам я гур тепщэхэнкIи хъунт* [Кешоков т.4: 320].
/ Бекан не знает, что делать. Если бы он смог Чоку вывести из загона, он по-
злорадствовал бы над теми, кто заставил мучаться Бекана.

Гу как компонент лексем со значением *сочувствие*: *гущIэгъу* – жалость,
гумыгъуэу – с состраданием и др.:

гур щIэузын – пожалеть, сострадать всем сердцем (букв.: сердце болит):

*Къуэширокъуэм игу щIэузт цIыхубз щIалэ IэпцIунцIым, фIэгъуэныху зэ-
пильыхьт ар – и бостей лэжьэпар, дыгъэм ижьэжа и цхьэфIэпхыкI
тIэкIур* [Кешоков т. 4: 441]. / Кашироко сострадал всем сердцем хрупкой мо-
лодой девушке, жалея ее, он рассматривал ее – ее совсем изношенное платье,
совсем выцветший от солнца платочек.

Гур щIэгъун – жалеть кого-либо, сострадать (букв.: сердце сохнет):

*Уи гур зэрыгъум дыгъур кърокIуэ, жиIэ цхьэкIэ, Астемыр и гур щIэгъур
езыми къыбжиIэнутэкъым* [Кешоков т. 3: 588]. / Хотя и говорят, что случается
то, чего опасаться, Астемир сам не смог бы объяснить, чему сострадает.

*«А-а, уэра Апчарэ хъужыр, си ныбгъуэхъэшым укъихуакъэ иджы,
Хъэбибэ си гур щIэгъуамэ, уэри си гур пщIэгъун уи гугъэ? Уэ сынхурикъуни
иджы», – жиIэу Iэниуар къэувмэ, дауэ хъуну, жиIэу Апчарэ и гум къэкIати,
къигъэзэж пэтащ, арицхьэкIэ плъэри – бжэм тетхат нэмыцэбзэкIи
урысыбзэкIи «Временный комендант города Нальчика» жиIэу* [Кешоков
т. 4: 304]. / «А-а, ты и есть Апчара, попалась ты мне теперь, если я пожалел
Хабибу, то думаешь, и тебя пожалею? Я тебя проучу сейчас» – как быть, если
скажет так Аниуар, подумав так, Апчара чуть было не вернулась, но увидела

– на дверях было написано на немецком и русском языках «Временный комендант города Нальчика».

Сочувствие дается нелегко: из-за него сердце «сохнет», «болит», ему прибавляется боль тех, кто нуждается в сострадании.

Концепт *гу* (сердце) входит в концептосферы милосердия в кабардино-черкесском языке: *гумацIагъэ* – добросердечность, отзывчивость, *гумацIэу* – добродушно, *гумэцIэн* – растрогаться, *гумацIэ* – чувствительность и т.д.:

гур хуэмыгъуэн – беспокоиться, переживать (букв.: сердце сожалеет):

Къазджэрий и гур хуэмыгъуэ дьдэт а полкым [Кешоков т.3: 277]. / Казгирей сильно переживал за этот полк.

Гур дахэ (фIы) щIын – успокоить, ободрить, утешить; приласкать (букв.: сделать сердце красивым):

«Умыгузавэ, абрэджми къелац Саримэ», – жиIэри Наташэ Елдар и гур дахэ къыхуицIат [Кешоков т.2: 362]. / «Не волнуйся, Сарима уцелела от абреков», – сказав, Наташа успокоила Эльдара.

– *Телъат (лъэмыж). Ауэ телъыжкъым. Къагъауэри якъутащ. Умыгузавэ абы цхъэкIэ. Плъагъуркъэ, мес, иджыпсту псыр цIыкIуц. Ухыхъэу уикI хъунуц, – комиссарым и гур фIы хуеицI Нартшу* [Кешоков т.4: 367]. / Был (мост). Сейчас нету. Взорвали. Не волнуйся за это. Видишь, вон, сейчас река мелкая. Можно пройти, – комиссар ободряет Нартшу.

Как показывает языковой материал текстов, доброта и забота, выраженные с помощью приведенных ФЕ, свойственны положительным героям романов.

Сердце символизирует не только чувства, оно является также источником силы.

Так, в кабардино-черкесском языке функционируют следующие идиомы:

гур къызэрыгъуэтыжын – опомниться от страха; воспрянуть духом (букв.: сердце себя находит):

Я председателыр къыцацIыхужым, къуицхъэ къомым я гур къызэрыгъуэтыжащ [Кешоков т. 2: 471]. / Узнав своего председателя, балкарцы воспрянули духом.

Гур къэжанын – подбодриться, почувствовать прилив сил (букв.: сердце заостряется):

Уасэ Iахыныр цагъэта нэужьы цIыхубзхэр, хэнэцхъеихъа фIэкIа, зэрыгуфIа цIагъуэ цыIэкъым, сым цхъэкIэ жыпIэмэ, цIыхухъухэм я пыIэр уа-фэм драдзейуэ я гур къэжанат: «Уасэ цыIэжкъыми, узыхуейр къашэ», – жаIэу, зэрацIыххэри арат – зылъэкIым я физхэр ирагъэкIыжрэ хъыджэбз къашэу [Кешоков т. 5: 132]. / Хотя и прекратили давать выкуп за невесту, женщин это не обрадовало, по той простой причине, что мужчины, бросая шапки до неба, подбодрились: «Нет больше выкупа, женись, на ком хочешь», – говорили, так они и делали – кто мог разводились и брали в жены более молодых.

Гурэ щхъэрэ зэтельын – быть уверенным в своих силах (букв.: сердце и голова лежат друг на друге):

Жыраслъэн игурэ и щхъэрэ зэтельщ, кIуэаракъэ капитаниц! Унафэ ицIу цIидзаш [Кешоков т. 3: 352]. / Жираслан был уверен в своих силах, ведь он капитан! Начал командовать.

Гур къыхъэжын – опомниться; обрести покой; прийти в себя, взять себя в руки (букв.: сердце возвращается на место):

МащIэ-мащIэурэ псоми я гур къыхъэжащ, пышнауэ макъи къэIури, джэгур яублащ, нэхъыжъхэр Iэнэм бгъэдэтIысхъащ [Кешоков т. 2: 53]. / Мало-помалу все начали приходить в себя, слышался звук гармошки, начали джэгу, старейшины уселись за столом.

Гу кIуэцIылын – быть мужественным, иметь сердце мужчины (букв.: с сердцем внутри):

Федор лы ябгэ гуэру, бзаджафи ириплъа цхъэкIэ, гу кIуэцIылыу къыщIэкIащ. Гузэвэгъуэ зэхещIыкI, гущIэгъу иIэц [Кешоков т. 4: 330]. / Хотя и думал, что Федор грозный и злой, он оказался мужественным. Понимал, что такое горе, имел сострадание.

Гур зэщыун – измучиться, лишиться душевных сил (букв.: сердце отвыкло):

АтІэми, а тІур нобэ гуэрым игъейри и гур зэщыуауэ щхъэлажъэст КІурацэ [Кешоков т. 4: 412]. / Опять она сегодня оплакивала их, измучалась, это не выходило из головы Кураци.

Гур кІуэдын – огорчиться, струсить, падать духом (букв.: сердце пропало):

Лым и гур кІуэдауэ е гужъеяуэ шым гу лъитэмэ, езы шыри мэгужъей [Кешоков т.2: 363]. / Если конь учует, что всадник *струсил* или паникует, то он тоже начинает паниковать.

Гупыж щІын – проявить желание к чему-либо; подарить что-либо (букв.: сделать вытекание из сердца):

– *Сэ сщІэркъэ ар? Колхозми зыкъытщІигъэкъуэнищ. Ауэ, зиунагъуэрэ, гупыж ищІауэ хъэщІэм къыпхуигъэфациэм уельэпауэ хъурэ? ЕмыкІукъэ ар? Адыгэ уигъэсакъэ уэ? КъеІых жысІащи – къеІых* [Кешоков т. 4: 444]. / Я не знаю что ли? И колхоз поможет тебе. Но разве можно обидеть гостя, проявившего желание подарить? Не стыдно? Тебя разве не адыг воспитал? Раз сказал бери, бери.

Гур хыхъэркъым – сердце не лежит, душа не лежит к чему-либо (букв.: сердце не входит):

Зыгуэр сщІэурэ зытезгъэунищ жысІэми, зыми си гур хыхъэркъым [Кешоков т. 5: 394]. / Хотя и думал развеяться, что-то делая, душа не лежит ни к чему.

2) ФЕ с негативным значением (неразумность, злоба, разрушение и т.д.)

В кабардино-черкесском языке *гу* как компонент слова входит в структуры многих лексем. В том числе со значением *беда*: *гузэвэгъуэ* – бедствие, *гукъеуэ* – горечь; *гущІыхъэ* – досада; *гукъутэ* – скорбь и т.д.:

гум ежэлІэн – принять близко к сердцу, огорчиться (букв.: подбежать к сердцу):

Ар лы гуащІэщ, сытри псынищІэу и гум йожалІэ, и жагъуэ хъуар занищІэу зыщыгъутицэжхэм ящыщкъым [Кешоков т. 3: 228]. / Он суров, все принимает близко к сердцу, не из тех, кто быстро забывает обиды.

Гум щІыхьэн – сильно огорчиться, опечалиться, расстроиться (букв. войти в сердце):

Нобэ Сэид уаз итыным и пэклэ Ибрахым бегьымбарым и хьыбар жиІэну мурад ицІат. А хьыбарыр цІыхум я гум щІыхьэрт, игьагьи куэд къахэкІырт [Кешоков т. 2: 4]. / Сегодня Саид вместо того чтобы проповедовать, решил рассказать историю про пророка Ибрагима. Эта история огорчила людей, многие даже плакали.

Псоми я ицхьэр къыфІэхуаиц, хьыбар гуауэр я гум щІыхьаиц [Кешоков т. 3: 412]. / Все поникли головой, печальная весть сильно огорчила их.

Къуажэ къызэхуэсари хьэцІэм нежьаиц. Жылэм ицхьэкІуэ яхуэхьуа хьыбарыр Ботэц Айтэч деж цынэсым, и гум щІыхьаиц емыкІу иныр [Кешоков т. 2: 14]. / Собравшееся село отправилось навстречу гостю. Когда дошла горестная весть, опечалившая всех, до Боташ Астемира, его сильно огорчил этот большой позор.

Гум къыщІитхьын – испытывать глубокую скорбь, печаль, тяжело переживать что-либо (букв.: вырвать под сердцем):

Адэм дежкІэ ІэфІкъэ сабийр, Ибрахым и гум къыщІитхьми, дауэ ицІынт, и ицхьэр къыфІэхуауэ кІуэрт, ицІалэ цІыкІур джэгурт, хьэндырабгьуэ еицэрт, мывэкІэцхь хуэзэм идзырт, и зэи тригьэуну яшэ хуэдэ, и адэм кІэлгыкІуэу кІуэрт [Кешоков т. 2: 438]. / Для отца ребенок сладок, хотя Ибрагим сильно огорчился, что делать, шел, поникнув головой, мальчик же играл, ловил бабочек, если встречал щебень, то кидал, как будто его ведут развлекать, он шел за отцом.

– *Пэжкъэ, Саримэ? УдэкІуэмэ, дэри къыддэІэпыкъу, – Елдар, гушыІэ ицхьэкІэ, и гум къыщІитхьырт Саримэ зэрыдэкІуэр* [Кешоков т. 2: 78]. / Правда же, Сарима? Когда выйдешь замуж, помоги и нам тоже, – Эльдар, хотя и шутил, очень огорчился из-за замужества Саримы.

Гум къыдихун – беспокойство, недовольство (букв.: выдувать из сердца):

ТIэкIу зигъэпсэхури къригъэжъащ дадэм и гум кыдихум: – КъэдаIуэт, Инал. Уи фызышэм сынIащIэ-сытхъытхъыу сызэрынэкIуам хуэдэу, ноби сынIащIэу сыкъэкIуащ [Кешоков т. 3: 632]. / Немного отдохнув, бабушка начал говорить о том, чем он был недоволен: – Слушай сюда, Инал. Точно так же, как я, спеша прибыл на твою свадьбу, так же сегодня и прибыл сюда.

Си хэкукъэ сыздэщыIэр? Си гум кыдихур сыт? Сигу иримыхъ слъагъумэ, ар си цхъэм цхъэ ирикIуэрэ? [Кешоков т. 3: 600] / Разве я у себя не на родине нахожусь? О чем я беспокоюсь? Когда я вижу то, что мне не нравится, почему это ударяет мне в голову.

Гур къутэн – разочароваться, сердце кровью обливается, сердце разрывается, расстроиться (букв.: сердце разбивается, ломается):

– А си псэ тIэкIу, тхъэм жиIар хъуниц. Умыгузавэ. СабшитI уиIэр хъумэ. Уи гур умыкъутэж, тIу [Кешоков т. 2: 209]. / Душа моя, будет так, как суждено Аллахом. Не волнуйся. Оберегай своих двоих детей. Не разрывай свое сердце так, дитя мое.

(Хъалид) – Хъуниц ар мызэкIэ. Уигу скъутэу ерыскъым гущыкI хуозгъэщIынкъым. Уи анэ уигъаишхэ хуэдэу шхэ [Кешоков т. 3: 102]. / – (Халид) – Хватит. Не хочу расстраивать тебя и отбить аппетит. Кушай, как будто бы мать тебя кормит.

Гур къезуэн – рвать, метать (букв.: сердце дерется):

Мысост кызэтричт и бампIэр кыжсиIэну, арицхъэкIэ зыкъомкIи и дзэ шырт: къэзгъэгубжъмэ, гуур кызамытыххэнкIэ хъуниц, жиIэу. ГъумэтIымэну и гур къезауэ пэтми зишыIащ [Кешоков т. 4: 14]. / Мисост жаждал рассказать, о чем он гневается, но во многом не решался: если разозлю, могут вообще не от- дать быка, думал. Хотя и рвался поворчать, но сдержался.

Гум къеуэн – переживать, жалеть (букв.: ударить сердце):

Дисэ абы хуэдизу кыщIыкIэлъыплъри, щыгъын сыт жиIэу гузавэ щIэхъуари, анэр нэхъ гумащIэ кыщIыхуэхъуари, Елдар хуэзэмэ, Дисэ щIыфIэмыфIри, Рахъим и мурадри, Елдар и гум къеуэри, Тембот щIызэгупри иджыри къэс Саримэ кыгурьIуакъым, ноби, а къомым гу лъита цхъэкIэ, и

фIэц хьуртэкъым гурыцхъуэ зэрицIыр нэжу [Кешоков т. 2: 78]. / Почему Диса настолько за ней наблюдает, волнуется о вещах, почему мать стала более чуткой к ней, почему Дисе не нравятся встречи с Эльдаром, что задумал Рахим, о чем переживает Эльдар, о чем возмущается Тембот – все это до сих пор не могла понять Сарима, хотя на все это она сегодня обратила внимание, не хотела верить своим догадкам.

Гур хэщIын – огорчиться, испытать тяжкое горе, быть подавленным горем (букв.: сердце уменьшается):

ЩIалэ цIыкIухэм къуажэ советым щIэль бэракъыр къахъауэ янэ иту яхьырт. Астемир и гур хэщIауэ къару къыхуэнатэкъым [Кешоков т. 2: 434]. / Мальчишки принесли из сельсовета знамя и несли впереди. Астемир настолько был подавлен горем, что не остались силы.

Как видим, в приведенных конструкциях несчастье «разбивает», «ломает», «разрывает», «ударяет» и т.д.

Гу как компонент лексем со значением *боязнь*: *гужъеин* – паниковать, *гужъеигъуэ* – страх, ужас; *гужъей* – испуг, *гуцтэ* – беспокойство и др.:

гур ихын – испугать кого-либо; нагнать страху; с упавшим сердцем – испугавшись, испытывая страх, ужас (букв.: сердце вынуть):

Мэжджытым укIуэмэ, хьыбару жаIэм уи гур ирех. Адыгэри, къуыцхъэри, балъкъэрри Тыркум зыгуышэжу жаIэ, муслъымэнхэр зы ицIыну [Кешоков т. 2: 126]. / Придешь в мечеть, новости, которые там говорят, наводят ужас. Говорят, что адыгов, осетин и балкарцев присоединяет Турция, чтобы объединить всех мусульман.

Гур зэрыгъум дыгъур кърокIуэ – случается то, чего опасаться; где тонко, там и рвется (посл.) (букв.: чем сердце худеет, там вор проходит):

Гузэвэгъуэ Iэджэ и гум къэкIми, къыщыцIыну псор дэнэ щыцIэнт. Гур зэрыгъум дыгъур кърокIуэ, жи. Къэхъунури къэхъуащ, ауэ лIыжьыр гухэ къэхъуакъым [Кешоков т. 2: 470]. / Хотя и в голову приходило много ужасного, откуда он мог знать все то, что с ним случится. Случается то, чего опасаться, говорят. Чему суждено было случиться, случилось, но старец не пал духом.

Гу как компонент лексем со значением *злоба*: *губжь* – злость; *губжьын* – гневаться, сердиться; *гуцІэгьуншэ* – безжалостный, бессердечный, *гудзакъэ-нишагъэ* – бездушие и т.д:

гум кьишхыдыкІын – злиться про себя, гневаться (букв.: ворчать из сердца):

(Нартшу) – *И-и, зы фоч силами!.. Езгъэлгагьунт сэ абы! – и гур кьошхыдыкІри мэкІий щІалэ цІыкІур. Ауэ абы и макъыр зыми зэхахакъым* [Кешоков т. 4: 464]. / (Нартшу) – Эх, был бы у меня ружье!.. Я бы показал им! – гневаётся мальчик. Но его крики никто не слышит.

гум зишхыхьыжын – терзаться, злобствовать по поводу чего-либо (букв.: сердце съедает само себя):

Пэжш, абы и гум зишхыхьыжт: ангыбзэр дунейпсо лъэкъыбзэу къыщальытэкІэ, мы сонэ къомыр езыхэм я бзэкІэ къыцІэвэр сым? [Кешоков т. 3: 76] / Правда, он злобствовал: раз английский язык считают всемирным языком, почему эти грузины на своем языке болтают?

(Дзэшу) – *ЩІэх къэзгъээзэжыну уи гугъэу укъэмыплъэ. Уафэмрэ щІыльэмрэ я кум дэтмэ дыкъэзыгъэпцІар къэзгъуэтыныц. КъыдищІар есцІэжыныц, – жиІэри. Жангулэз и гум зишхыхьыжурэ ІэлъэцІ дахэр дурэ-шым дидзэри ежъэжащ* [Кешоков т. 6: 18]. / (Дзэшу) – Не ждите меня скоро. Если тот, кто нас обманул, между небом и землей, я его найду. Я накажу его, – сказал. Жангулэз, терзаясь, бросила красивый платок в угол и ушла.

Гум темыхуэн – ненавидеть кого, – что-либо; не вытерпеть, не стерпеть, не переносить кого, -что-либо, очень не любить (букв.: не помещается на сердце):

(Къэзмай) *Езыр къыкІэрыхуати, къэсмэ, абы и унафэр тцІыныц, жаІэри икІэ дыдэм яхъащ. Ар къыщщІэм, дадэм и гум тыхуакъым: – Сэ сылІыжъыц, революцэм сыхэтащ, икІэ дыдэм сыфхьыну схуэфациэ, – жиІэри* [Кешоков т. 3: 632]. / (Казмай) Сам он опоздал, придет, потом решим, что с

ним делать, сказав это, его приписали в самом конце списка. Узнав об этом, дед не вытерпел: – Я старик, участник революции, разве я заслуживаю быть в самом конце списка, – сказав.

Гур щыкЫн – ненавидеть, испытывать чувство отвращения (букв.: сердце растет где-то):

МэжалІэр пленым я закъуэкъым. Хъумакулуэхэри мэмэжалІэ, ирагъэшхыр концентратци, я гур щыкІащ [Кешоков т. 4: 313]. / Голодают не только пленные. Постовые тоже голодают, их кормят концентратами, и они испытывают уже чувство отвращения.

Гур мэбампІэ – душно; кошки скребут на сердце; негодование, гнев (букв.: сердце задыхается):

Аращ Дышнинскэр хыйм нэхъри кызышынар, хъэм и губжь кхъуэм щехъэ жыхуиІэу, игу бампІэр трекъутэ лажъэ зимыІэ щІалэм [Кешоков т. 3: 247]. / Это и вывело из себя Дышнинского, как говорят, свой гнев собака обрушивает на свинью, так и он свой гнев обрушивает на ни в чем неповинного парня.

Гу как компонент лексем со значением *досада*: *гукъанэ* – упрек, обида, *гузэрыдзэ* – разочарование в ком-л., досада и др.:

гур ебгъэн – обидеться на кого-либо; попасть в немилость (букв.: сердце накрыть):

Абрэдж игурэ и щхъэрэ зобгъэж, хъэкІэкхъуэкІэм сыкыгурыІуащ, цІыхум сызэхащІыкІакъым... Абы иль ищІэжу хуожъэ [Кешоков т. 3: 405]. / Абрек обижается на себя, звери меня поняли, люди меня не восприняли... Он начинает мстить.

Алыхъым и гур кыдэбгъащ, жаІэри цІыхум я щхъэр фІэхуауэ ящІэнур ящІэртэкъым [Кешоков т. 2: 312]. / Мы попали в немилость Аллаха, опустив голову, стояли люди, не зная, что делать.

Гукъеуэ иІэн – обижаться, обида (букв.: иметь биение сердца):

Ауэ Нартшу зы гукъеуэ илэц: Дотий и офицер кителри къритырти, хуэ-иньцэу къыццлэц [Кешоков т. 4: 366]. / Но у Нартшу есть одна обида: Дотий давал ему свой офицерский китель, но он ему оказался слишком велик.

Гукъанэ щлын – обижаться, затаить обиду (букв.: остаться в сердце):

Пцэдджыжъым Иринэ тлэклу хилгэфа къудейуэ, Албиян кэтэджри къуажэм клуац, и анэмрэ и шыпхумрэ илгэгуужыну. Зэанэзэпхум дыгъуасэ гукъанэ къыхуаццати, Албиян зэрыклуэжар хъарзынэ хуац [Кешоков т. 4: 27]. / Под утро, когда Ирина заснула, Албиян встал и поехал в село, чтобы увидеться с матерью и сестрой. Вчера они обиделись на него, и поездка Албияна оказалась кстати.

Гу как компонент лексем со значением *волнение*: *гузавэ* – тревога, беспокойство, *гуныкъуэгъуэ* – переживание, тревожное состояние и др.:

гур гъун – тревожиться сердцем, беспокоиться о чем-либо (букв.: сердце сохнет):

– *Къэклуэжыниц. Дэнэ клуэн? – жицэ цхъэкцэ Мариам и гур мэгъу, лэчымэр и цхъэусыгъуэу зыгуэрхэм дамыхъэхауэ узилэ, жыхуилэу* [Кешоков т. 5: 393]. / – Вернется. Куда денется? – хотя и говорит Мариам, она тревожится, а вдруг она увлеклась чем-то, а запах краски делает причиной.

Гур узын – тревожиться, болеть сердцем о ком-л., о чем-л. (букв.: сердце болит) [Шугушева 2017: 194–197]:

(Хъэбибэ) – Алыхъ, сэ сымыжеифыну. Си гур мэуэ, Лузизэ сымэ станцым къытезнаци, сыкъагъанэрэ ежъэжмэ, дауэ сыхъуну? [Кешоков т. 4: 133] / (Хабива) – О, Аллах, я не смогу уснуть. Тревожно мне, что оставила Узизу с остальными на станции, а что если они оставят меня и уедут, как мне быть?

Гур дзапэкцэ лыгъын – находиться в тревоге, страхе (букв.: держать сердце зубами):

Мыбыкцэ дарийм хуэлъэрэ я хульэр нэццу мэпсэури, я гур дзапэкцэ лыгъыц, уабгъэдыхъэмэ, зыгуэр къатэбудын я гугъэци, я нэм бжэгъуу укъыццлоуэ [Кешоков т. 5: 495]. / Здесь голодают, живут в страхе, подойдешь к ним, думают, что ограбишь, и сторонятся.

ФЕ со значением «память», «мышление»

Гупсысэн – думать, от *гупсысэ* – мысль, дума; *гупсысаклуэ* – мыслитель, *гупсысанлэ* – место совета; *гупсысэклэ* – образ, способ мышления; *гупсысэншэ* – неразумный и т.д.:

гум иубыдэн – запомнить, мотать на ус, задумать (решить) (букв.: закрыть в сердце):

Уэркъымрэ пицымрэ дунейм тетыху, дунейр зэлуэз хьунукъым, жиЛэу Степан къурЛэным кърихьрт. Инал бжэ къуагъым къуэту къэдаЛуэрт, урыс дадэ жиЛэри и гум ириубыдэу [Кешоков т. 2: 138]. / Пока на свете будут цари и князья, мир не прояснится, так толковал Степан слова из Корана. Инал, стоя у двери, слушал, запоминая, что говорит русский дедушка.

– *Къэзакъри? Къэзакъми нып гуэр яЛэу къыщЛэкЛыниц, – жиЛэри Бэтокъуэ щигъэтыжащ. А тЛум я псалъэр Тембот и гум ириубыдащ* [Кешоков т. 2: 180]. / Казаки? Наверное, и у казаков есть какой-то флаг, – сказав Батокко, замолк. Их слова запомнил Тембот.

гум къыпыльэдэн – мгновенно вспомнить что-либо (букв.: вбежать в сердце):

(Лу) Иджыпсту ди унэ сыкъыщыхутащэрэт, жиЛэрт иныкъуэми, и анэр и гум къыпыльэдауэ. Думэсарэ мыбы кърихьэлЛатэми?! Псоми я гур дахэ ищЛынт, псалъэ защЛэкЛэрэ [Кешоков т. 3: 714]. / (Лю) – Хорошо было бы, если я сейчас очутился бы дома, иногда думал, мгновенно вспомнив мать. Была бы здесь Думасара?! Она всех подбодрила бы только словами.

Гум къинэн – остаться, запечатлеться в памяти, врезаться в память, запомнить что-то (букв.: остаться в сердце):

Лу хьыджэбз цЛыкЛум (Тинэ) гу лъитэри лъэпсылъэм бгъэдыхьащ, зыри къызэрыпэрымыуэнур ищЛэу, а псымклэ и нэклури итхьэщЛащ, гьукЛитЛым заригъэщхьу. Хэт ищЛэрэ, езыри гьукЛэ хьужыкъуэмэ, жиЛэ хуэдэу. Тинэ ар, дауи, и гум къинат [Кешоков т. 2: 317]. / Лю обратил внимание на девочку (Тину) и подошел к деревянному корытцу с водой, зная, что никто ему не воспрепятст-

вует, умылся этой водой, подражая тем двум кузнецам. Кто знает, вдруг сам станет кузнецом. У Тины все это, конечно же, запечатлелось в памяти.

ГукIэ жыIэн – думать про себя, отметить про себя, говорить про себя (букв.: говорить сердцем):

Мыхэр военнэ дьдэц, жиIэрт игукIэ Хьэбибэ, фочи пулемети яIэц [Кешоков т. 4: 8]. / Они военные, отметила про себя Хабиба, у них есть ружья и пулемет.

Абы хуэдэ батареет сымьльагъужар, жиIэрт игукIэ Апчарэ, гуитI къудей, уэнжакъым ецхъу самовар зырыз – зыр нэхъ иньIуэу, адрейр мыхьэ-нэниэ дьдэу бжъамиитI ярыту щильэгъуам [Кешоков т. 4: 33]. / Что за батарея, говорила про себя Апчара увидев всего лишь две повозки, два самовара, похожие на дымоход – один побольше, другой совсем дряхлый и с двумя трубами.

Гум ильын – помнить о ком-, о чем-либо, держать про себя, думать о чем-то (букв.: лежать в сердце):

Мысост ар и гум ильу здэщытым, Бекъан къэпсалъэу зэхихащ [Кешоков т. 4: 9]. / Мисост, думая про себя и обдумывая все это, услышал голос Бекана.

Хьэбибэ къызэрыкIати игу ильыр жимыIауэ и жьэр увьIэнутэкъым [Кешоков т. 4: 20]. / Хабиба разбушевалась и не замолчит, пока не скажет, о чем думает.

Бекъан къыфIигъэкIакъым. Ауэ и гум ильыр Апчарэ псэкIэ ицIэрт [Кешоков т. 4: 65]. / Бекан промолчал. Но Апчара знала, что у него на душе.

Гу лытэн – заметить, увидеть; обратить внимание (букв.: уважать сердцем):

ЕгъэджакIуэм гу къальитэмэ, къыпыгуфIыкIыу тIури щыст [Кешоков т. 4: 18]. / Когда учительница обращала внимание на них, оба сидели улыбаясь.

(Хьэбибэ) – Лъакъуэрыгъажэ шу! Аракъэ и пэри и кIэри! Алыхъ, къэбгъуэтам! Фызышэр къакIуэмэ, къызэрыкIуэнур фитон хьэмэ лъакъуэ-рыгъажэм тесу къэкIуэну? Куэд щIащ сэ абы гу зэрыллыстэрэ [Кешоков т. 4: 20]. / (Хабиба) – Всадник на самокате! Всего лишь! Нашла кого! Если

приедут за невестой, они будут на фитоне или на самокате? Я давно на это обратила внимание.

Гу лъымытэн – не замечать, не увидеть; не обращать внимания (букв.: не уважать сердцем):

Чокэ тIэкIу зигъэщIагъуэ хуэдэу фэ ирилъащ, арицхъэкIэ абы зыщIигъэщIагъуэри гурьIуэгъуэт – адрейхэм гу зыльримыгъэтэну арат [Кешоков т. 4: 18]. / Она (Апчара) предположила, что Чока важничает, но было понятно, почему он важничает – хотел, чтобы другие не заметили.

Гум имыхун – не забыть; не упустить из виду (букв.: не выпасть из сердца):

(Хъэбибэ) Абы и ужь итыху, зэи и пхъур и гум ихуакъым [Кешоков т. 4: 20]. / (Хабиба) Пока она занималась всем этим, не забывала про свою дочь.

Гум икIыжынкъым – не забудется, запомнится; записать в душу (букв.: не выйдет из сердца):

Парадыр Апчарэ и гум икIыжынкъым [Кешоков т. 4: 30]. / Парад Апчара не забудет.

Пелуаныр цIыхубзым дридзейри къыщехуэхыжым лIым и ныбэм хуэзэу и Iэпхъуамбэишхуэр щIигъэувэри зэгуиудауэ арат я гум имыкIыжыр [Кешоков т. 4: 64]. / Силача женщина подбросила, и, когда он падал вниз, она подставила свой большой палец под его живот и рассекла, это запомнилось всем.

Гум иубыдэн – запомнить; мотать на ус, зарубить себе на носу (букв.: закрыть в сердце):

Штабым Апчарэ лIыкIуэу щIалэ цIыкIуитI щигъакIуэм, плъэри и гум ириубыдащ: дыгъэр къэблэм къыщхъэщыувэным иджыри тIэкIу къэнэжат [Кешоков т. 4: 57]. / Когда Апчара отправила двух ребят в штаб, взглянула и запомнила: немножко осталось до того, как солнце встанет над зенитом.

ГукIэ щIэн – знать наизусть, на память (букв.: знать сердцем):

Инал сыткIи еуицI – тхыль къыщтэнукъым, гукIэ еицIэ [Кешоков т. 3: 663]. / О чем ни спросишь Инала – в книгу не смотрит, все знает наизусть.

Гум къридзэн – вспомнить что-либо мгновенно (букв.: кинуть в сердце):

(Казджэрий) *И бынунэр и гум къридзэмэ, нэхъри и цхъэм хузэгуэпыжырти, игъээжыным триубыдэрт* [Кешоков т. 3: 600]. / (Казгирей) Когда он вспоминал о своей семье, еще больше сердился на себя и убеждал себя вернуться.

Гум кьэкIыжын – припомниться, вспомнить, потрянуть стариной (букв.: произрасти из сердца):

МыдэкIэ Жырасльэн и зэманыгъуэр и гум кьэкIыжауэ хъыбар тельыджэу жиIэм удехъэх [Кешоков т. 2: 451]. / Вспомнив свою молодость, Жираслан рассказывает интересные, увлекательные истории.

Игу кьэгъэкIыжын – припомнить, дать кому-либо возможность вспомнить о ком-, чем-либо (букв.: дать произрасти из сердца):

(Думэсарэ) *КъапIы-къэдаIуэ, Астемыр, Хъуашэ и Iэтэу, уэри укъыдэхуауэ IэкIэ утемыIэбэмэ. Мис итIанэ бжесIар уи гум кьэгъэкIыж* [Кешоков т. 3: 561]. / (Думасара) Слушай сюда и запоминай, Астемир, как копна Хуаши, и ты останешься в поле один. Потом припомнишь, о чем я говорила.

Игу кьэмыкIыжын – не вспомнить; упустить из виду (букв.: не произрастать из сердца):

Лу цIегъуэжат жимыIэн зэрыжиIам цхъэкIэ. И ныбжъэгъу Таша и гум кьэмыкIыжу къэнакъым [Кешоков т. 3: 466]. / Лю пожалел о сказанном. Он не смог не вспомнить своего друга Таша.

При описании процессов мышления своих героев А.П. Кешоков использует ФЕ, из буквального значения которых следует, что мыслительные процессы у них проходят через сердце, «остаются», «лежат» в нем, «произрастают» из сердца.

Гум кьэкIын – прийти в голову (букв.: произросло в сердце):

(Степан Ильич) *Абы и гум кьэкIар езым и гум ирихъыжауэ зиуцэхуат* [Кешоков т. 3: 746]. / (Степан Ильич) То, что пришло в голову, аж самому понравилось.

ГукъэкI щIын – подумать; прийти в голову; догадаться (букв.: сделать произрастание в сердце):

Абдежым, хэт ищIэрэ, пацтыхъым адыгэ уэрэд седэIуащэрэт жиIэу гукъыдэж ищIмэ, Уэзырмэси уэрэд жедгъэIэниц жиIэу Хъэчакъ гукъэкI ищIа ицхъэкIэ, дэнэ – зыщыгугъам хуэдэу Iуэхур къыщIэкIакъым [Кешоков т. 5: 175]. / Там, кто знает, если царь проявит желание послушать адыгскую песню, хотя Хачаку пришло в голову дать спеть Уозермесу, где там – дело обернулось не так, как он хотел.

Гум къыхъэн – вздуматься; зародиться в голове, прийти в голову (букв.: зайти в сердце):

ХъэщIэ къэнахэр аргуэру тIысыжащ, куэдри щымысыфу, хэт ицхъэукъуэу, хэт и псалгъэр кIащхъэ хъуауэ щыс ицхъэкIэ, къэтэджу кIуэжын я гум къыхъэртэкъым [Кешоков т. 2: 455]. / Оставшиеся гости опять расселись, хотя и в скором времени кто-то вздремнул, кто-то умолк, никому не приходило в голову уходить.

Инал и фызыр и гум къыхъащ, къыспэплъэу щысу къыщIэкIыниц, ишын сытхэри игъэхъэзырауэ, жиIэри [Кешоков т. 3: 660]. / Инал подумал о жене, наверное, сидит и ждет меня, все приготовив.

ПщIыхъэпIэу игу къэкIакъым – и в голову не пришло; ни сном, ни духом (букв.: и сердцу не приснится):

Инал, и къуэши цIыкIухэм нэхъыжъу яхэтти, унагъуэр и пцэм дэлът, еджэн сыт жыхуэпIэр пщIыхъэпIэу и гум къэкIыртэкъым, къэкIыпэу щытми, хэтыт ар езыгъэдэжэнур? [Кешоков т. 2: 390] / Инал был самым старшим среди братьев, поэтому на нем был весь дом, мысли об учебе ему и в голову не приходили, если бы и приходили, кто ему позволит.

И гуи и щхьи къэкIыркъым – и в голову не приходит; и думать не думает (букв.: не произрастает ни сердце, ни голова):

Лу, дауи, и гуи и щхьи къэкIыртэкъым а властыр къуажэ псоми, псыхъуэу щыIэ псоми зэрынэсар, дыгъэ нурым хуэдэу, цIыхухэм я гур

игъэхуабэу, нэм нэху иригъэлягъуу, гъатхэм хуэдэу, кърэхъэлькъыр игъэгүфIэу хэкум къызэрихъар [Кешоков т. 2: 231]. / Лю, конечно, и думать не думал, что эта власть дошла до всех сел, до всех берегов, как луч солнца нагревает сердца людей, просветляет, как весна осталась на родине, радуя всех.

ИгүкIэ жыIэн – говорить про себя мысленно (букв.: говорить сердцем):

Сэ сым ицхэкIэ зыкъысхуигъэгусэн, сэракъым изыгъэкIыжар, жиIэу арат Верэ Павловнэ игүкIэ жиIэр [Кешоков т. 3: 686]. / Почему она должна на меня обижаться, не я с ней развожусь, так говорила про себя мысленно Вера Павловна.

Гум кърихур – о чем думается, что беспокоит, то, что не по душе (букв.: то, что выгоняется из сердца):

Къазджэрий кыгурыIуац хъэцIэ къэкIуам и гум кърихур, ар Бэтэгъэ ицхъэ нэс кызыхуу Бурун къэзыхуар [Кешоков т. 3: 543]. / Казгирей понял, что не по душе гостю, что его заставил прийти из верхней Батаги в Бурун.

Гум кыишхыдыкIын – невзначай высказать то, о чем думает кто-то; прочесть мысли другого (букв.: ворчать из сердца):

Мэтхъэныр гүкIи псэкIи еувэлIац а тхылъым. Къазджэрий кызэрилъытэмкIэ, шэрихъэтри, кърIэным итри, езы дыдэм и гум илърт – псори зэтэхуэрт, иджы революцэр – Ленин Къазджэрий и гум кыишхыдыкI [Кешоков т. 2: 405]. / Матхан душой и сердцем принял эту книгу. Как считал Казгирей и шариат, и то, что написано в Коране, и то, что у него в мыслях – все совпадало, теперь революция – Ленин высказывает то, о чем думает Казгирей.

Степан Ильич, Астемыр и гум кыишхыдыкI хуэдэу, Астемыр зыхуей зацIэт жиIэр [Кешоков т.2: 165]. / Степан Ильич как будто бы прочитал мысли Астемира, говорил только то, что нравится Астемиру.

Думэсарэ жиIэр Астемыр и гум иримыхъ хуэдэу зицI ицхэкIэ, ар Астемыр и гум кыишхыдыкIырт, игу къеуэ дыдэр жиIэу [Кешоков т. 3: 561]. / Хотя Астемир делает вид, что ему не нравится, о чем говорит Думасара, она как будто бы читает мысли Астемира, говорила именно то, о чем он переживал.

Характеристика духовной сущности человеческой личности

Гу мыгъуэ – мягкосердечный, жалостливый (букв.: страдающее сердце; сердце жалкое):

(Нанусэ) Абы кыыхуэзэ псори я хьэл-щэнкIэ зэхуэмыдэщ: хэт гу пцIанэщ, гу мыгъуэ иIэщи, зи цхьэгъусэр хэкуэда фызабэм гущIэгъу кыыхуеиI, хэти кхьуэгур кIуэцIыльщи, уэ пхуэдэр куэдщ нобэ, жыхуиIэу фызым и тхьэмыцкIагъэр зыуи къридзэркъым [Кешоков т. 3: 598]. / (Нануса) Повстречавшиеся ей разные по нраву: кто-то впечатлителен, жалостлив и жалеет вдову, у которой погиб муж, кто-то бессердечен и, говоря, что таких, как ты, много сейчас, не признает жалкое состояние женщины.

ГумащIэ къэхьун – добросердечный, отзывчивый, расчувствоваться (букв.: мало сердца):

Музыкэми зиIэт зэпытт, уэредадэ жыпIэнти – нэхъеижт. НысащIэр гумащIэ къэхьуат [Кешоков т. 3: 511]. / Музыка становилась все громче, у-редада – еще громче. Невеста расчувствовалась.

Ауэ зи адэ-анэ гумащIэм я бгъуэщI кыицIэхуэжа цIыхубз насыпфIэм и фIэщыцэ хьуртэкъым мо литIым жаIэр [Кешоков т.3: 372]. / Но счастливая женщина, оказавшаяся вновь у своих добросердечных родителей, особо не верила тому, что говорят эти два мужика.

Гу щIыIэ – холодный сердцем, неотзывчивый, равнодушный (букв.: холодное сердце):

ЦIыхур фIыуэ зымылгагъу, абы пцIэ хуэзымыщI, гу щIыIэ – псэ щIыIэу бгъэдэт цIыхум унафи ебгъэщI хьунукъым [Кешоков т. 4: 644]. / Не любящего человека, не уважающего его, равнодушного к нему нельзя допустить к власти.

гущIэгъуншэ – бессердечный, безжалостный (букв.: сердце, не умеющий жалеть):

– *Ей, гущIэгъуншэр куэдщ, Астемыр, гущIэгъуншэр, – жиIэрт Сэиди абы кыдэщI хуэдэу* [Кешоков т. 2: 283]. / Эх, бессердечных много, Астемир, безжалостных, – говорил Саид, заступаясь за него.

Гулъытэ иИэн – внимательный, заботливый, услужливый, т.е. тот, кто замечает сердцем (букв.: сердце замечает):

Гулъытэ зиИэ дэтхэнэ зы щлалэ набдзэгубдзаплъэми заницлэу кыыгурылуэн хуейщ хъэщлэр зыхуэфл-зыхуэныкыуэ псори [Кешоков т. 3: 31]. / Любый внимательный молодой человек сразу поймет, что гостю необходимо.

ГукъэкI иИэ (хэльщ) – догадливый, внимательный (букв.: иметь растущее сердце):

(Илэ) «Дэри» жумыИэ. «Сэри» жыИэ. Ар нэхъ тэмэмщ. Сыту фызыфл абы хуэдэ гукъэкI зиИэр [Кешоков т. 6: 122]. / (Иля) Не говори «мы». Говори «я». Это лучше будет. Какая хорошая женщина, такая внимательная.

Этические концепты с компонентом *сердце*

Как известно, сердце во многих языках эксплицирует функции совести.

Гум идэркыым – совесть не позволяет (букв.: сердце не позволяет):

Зэанэзэхур зэакъылэгъуу зацл ихъэкIэ, тлури щлэгъуэжат, ауэ заумышыжын я гум идэртэкыым [Кешоков т. 5: 432]. / Хотя и делали вид, что мать с дочкой единокровны, обе пожалели, но сознаться в этом совесть им не позволяла.

Гум пыкI – сколько не жалко; что можно; если можно, если совесть позволяет (букв.: то, с чем расстаётся сердце):

Пащтыхыым и гум пыкIар куэд дыдэ хъуртэкыым: топу пщыкIутху, фочу минипл, фоч гыну чей щищ, ахыиэ тIэкIуи щыгъуэжу [Кешоков т. 5: 214]. / Что не жалко было царю, совсем мало: пятнадцать пушек, четыре тысяч ружей, триста пороховых бочек и немножко денег.

Гуми псэми кыыбгъэдэкIыу – от чистого сердца (букв.: от сердца и души отходит):

(Жырасльэн) – Узахуэщ, Хъалидэ. Уэ сытым щыгъуи узахуэщ, – и гуми и псэми кыыбгъэдэкIыу кьопсалъэ ар [Кешоков т. 3: 160]. / (Жираслан) – Ты права, Халида. Ты всегда права, – от чистого сердца говорит он.

Гум хьэрэм имылъу – совесть чиста (букв.: нет подлости на сердце):

Абы псоми гу лъатэрт, ауэ Дотий и *гум хьэрэм* лъэпкъ *илътэкъым* [Кешоков т. 4: 167]. / На это все обращали внимания, но у Дотий совесть чиста.

Именно сердце «одобряет» или «не одобряет» те или иные явления или действия. Именно оно определяет положительное и отрицательное, правильное или неправильное.

Физические проявления состояния человека

Некоторые состояния человека в кабардино-черкесской лингвокультуре выражаются через концепт *сердце*. Описывая сильные эмоции, писатель часто использует такие конструкции:

гур къэжанын – слегка опьянеть (букв.: сердце заостряется):

Гуп зэхэсыр мыгупышхуэми, я гур къэжанауэ гушыИэрт [Кешоков т. 2: 450]. / Сидевшая компания, хотя и небольшая, слегка опьяневшие, шутят.

Гур къызэIыхьэн – стало дурно (букв.: сердце портится):

(Нартшу) КъоплъэкIри КъантIасэ къельагъу, и гур къызэфIонэ. И нэпсхэм къызэпажыхь [Кешоков т. 4: 525]. / (Нартшу) Оглядывается и видит Кантасу, ему становится дурно. Прослезился.

Гур къекIуащ – тошнит, становится дурно (букв.: сердце идет):

Цыхубз зыкъызыххэм яхэс нысацIэм Урарэ зэрыIуплъэу и гур къекIуащ [Кешоков т. 3: 510]. / Когда Урара увидела невесту, сидевшую среди очень нарядных, ей стало дурно.

Гу къыдэжыркъым – нездоровится, не иметь настроения, чувствовать недомогание (букв.: сердце не выбегает):

Езы Хьэмиди игу къыдэжыртэкъым а махуэми, ерагъпсэрагъкIэ къэкIуащ, хьэнцигуацэм ещхьу, и блыпкъитIыр литIым яIыгъыу [Кешоков т. 3: 601]. / Хамиду нездоровилось в этот день, еле-еле пришел, двое мужчин, держа его за плечи, привели как обрядовую куклу.

Гум ежэлIэн – почувствовать острую боль, принять близко к сердцу, огорчиться (букв.: подбежать к сердцу):

Ар лы гуащIэщ, сытри псынищIэу и гум йожалIэ, и жагъуэ хъуар заныщIэу зыщыгъутицэжхэм ящыцкъым [Кешоков т. 3: 228]. / Он суров, все принимает близко к сердцу и не из тех, кто быстро забывает обиды.

Таким образом, анализ фразеологического фрагмента художественных произведений А.П. Кешокова с концептом *гу* позволяет резюмировать, что данная адыгская лингвокультурная константа относится к фундаментальным феноменам экспликации этнической ментальности.

2.4. Концепт УНЭ (дом)

Концепт *дом* в кабардино-черкесской лингвокультуре был объектом исследования в работе Л.Т. Алчагировой «Лингвокультурологическая концептуализация дома в адыгской и английской языковых картинах мира» [Алчагирова 2016]. На материале паремий ему посвящен параграф в работе И.М. Баловой, М.Ч. Кремшокаловой «Философские и нравственные концепты в русских и кабардинских паремиях» [Балова, Кремшокалова 2009]. В работах были исследованы как с точки зрения структуры, так и семантики единицы различных языковых уровней, репрезентирующие концепт *дом*, и сделаны выводы о понимании дома как своего пространства в разных лингвокультурах.

Рассматривая понятие *дома* в ЯКМ писателя, мы пытались выявить как универсальные, так и специфические проявления понимания данного концепта. Репрезентантами концептосферы *унэ* (дом) в текстах А.П. Кешокова являются *унэ* – дом, *лъапсэ* – род, усадьба, *жъэгу* – очаг, *бжэщхъэIу* – порог, *унагъуэбжэ* – дверь, букв. семейная дверь, *унащхъэ* – крыша.

«В кабардино-черкесской лингвокультуре *дом* соотносится прежде всего с семьей» [Балова, Кремшокалова 2009: 120], *унагъуэ* – семья – образовано от слова *унэ* дом.

Унэ – (+ однокор. слова) *унэн*, *унагъуэ*, *унащхъэ*, *унапIэ* (усадьба) и т.д.

Дом – пристанище человека, человек без дома предстает не только бездомным, но и одиноким:

... *Мусэ жыхуиІам теуващ. Утемывэуи хьурэ, унэкьым, ницІантІэкьым е физкьым, бынкьым.* Щысу зигьэлІэн [Кешоков т. 2: 126]. / Муса сделал, что сказал. Как не сделать, ни кола, ни двора, ни семьи (букв.: ни дома, ни двора, ни жены, ни детей). Не умереть же сложа руки.

Войти в семью – значит войти в дом:

унэ ихьэн – войти в дом (букв.: войти в дом):

И адэм гу кьылъитакІэт унэ ихьа и пхьур (Марьям) хьэщІэхэм егьэля-уэ язэрыкІэлъылъым, и льыр здэкІуари здэщыІэри кьызэрыфІэмыІуэхум [Кешоков т. 3: 272]. / Отец заметил, что замужняя его дочь (Марьям) слишком внимательна к гостям, даже не вспоминает, где муж.

Для женщины важно было не только войти в дом, но и создать свой очаг, вокруг которого грелась бы семья:

Унэ ихьэу зи жьэгу пащхьэ зыгьуэтыным зи гугьэр хэзыхьыжа шьпхьу нэхьыжьым мурад ещІ я лъапсэм икІуэсыкІыу нэгьуэщІ кьуажэ дэс я благьэхэм я деж кІуэну, и благьэхэри здигьэІэпыкьуурэ унэ зэрихьэн Іуэху зэрихуэну [Кешоков т. 3: 25]. / Потеряв всякую надежду выйти замуж и создать свой очаг, старшая сестра задумала убежать из дому и отправиться к родственникам в другое село и всячески использовать их, чтобы выйти замуж.

Процесс умыкания невесты (т.е. привода ее в дом) назывался *унэидзы-хьэ* (букв.: отнести и забросить в дом):

ЛафкІэтетыр унэидзыхьэ кІуат, хьыджэбз кьыхьыным и анэр и гьусэу, жаІэрти абы иридыхьэишхьрт [Кешоков т. 2: 88]. / Продавец ларька отправился на умыкание (невесты), над ним смеялись, говоря, что он женится не только на девушке, но и на ее матери.

А.П. Кешоков часто использует конструкцию *ицхьэж и унэ*, употребляется она в значении «по своим домам»:

ицхьэж и унэ – свой дом, домой, по домам (букв.: собственный дом):

Дисэ сымэ я мурадым фІыуэ егупсысат, кьемыхьулІэн Іэмал лъэкь имыІэу кьалъытэрт, хьэблэ псоми Іэуэляуэ щымыІэжу ицхьэж и унэ итІысхьэжат [Кешоков т. 2: 86]. / Диса и все хорошо подумали над своей

целью, они были уверены в том, что нету никаких препятствий для их намерения, улица была тиха и пустынна, все разошлись по своим домам.

Хьыджэбз цыкГухэри кГуэнкьым, ихьэж и унэ кьыгьэтыжыныц, – жеГэри Кьэрэжь, тыркур игьэшыну, и кьамэ Гэпцэм епхьуэ хуэдэу зещГ [Кешоков т. 5: 37]. / Девочки не пойдут, они разойдутся по домам, – говорит Карез и делает вид, что берется за свой кинжал, чтобы напугать турка.

Герои писателя – эмоциональные люди, оказываясь в экстремальной ситуации, они часто выражают свои эмоции проклятиями. Одними из страшных проклятий являются проклятия на семью, дом, род:

емынэр зи унэ ихьэн – черт тебя побери (букв.: чтобы холера забралась в твой дом, поселилась у тебя дома):

Уэ пхуагьэуащэрэт жьэрымэ, емынэр зи унэ ихьэн. Шэрихьэтым ихьэ хуумыгьэурэ жьэрымэ, – жиГэри зы шу гуэр кьыжьэхэлящ дагьэ зыщэм [Кешоков т. 2: 481]. / Тебе бы кто пожарил поминальные лакумы, черт тебя побери. Почему ты не жарить поминальные лакумы для Шарихата, – наехал на торговца маслом один всадник.

– *ЛэжьапицГэу фо кьуат, ло абы и лей узыхуейр? Спасивэ жыГэ, емынэр зи унэ ихьэн* [Кешоков т.4: 291]. / За работу тебе дают мед, что еще надо? Скажи спасибо, черт тебя побери.

Емынэунэ хьун – пусть тебя черт поберет (букв.: чтобы дом стал холерным):

Джыдэр кьасицтэри сыщГэкащ ... Тхьэм ещГэ, пхьэ кьутапицГэ сьыпхыну жиГэу, кьызэупицГыну арагьэнт. Пхьэ кьэсхьауэ емынэунэ хьуныр зыдэщылтам деж щыльт [Кешоков т. 5: 440]. / Я взял топор и вышел из дому... Аллах знает, наверное, хозяйка хотела спросить, возьму ли я плату за колку дров. Дрова хозяйки, да черт их поберет, лежали на том же месте, где я их оставил.

И естественным образом (с отрицанием) используются благопожелания:

ер зи унэм имыхьэн – шут с тобой; пусть пребудет с вами добро (букв.: чтобы в твой дом не зашла беда):

Округым и начальникомрэ абырэ зэцыхьащ. Къулыкъур яхузэрыгъэгъуэ-шыркъым ер зи унэм имыхьэнхэм [Кешоков т. 3: 228]. / Он повздорил с начальником округа. Они не могут поделить власть, да пусть пребудет с ними добро.

Зи унагъуэр бэгъуэн – благожелание, благожелательное обращение (букв.: чья семья расплодится):

– *Дауэ узэрымышхьэхыр, зи унагъуэр бэгъуэн, – кылъащ Долэт, кызыэцІэ-лъауэ, – ККОВ-м сытемытам, си фІэц хъунт жыфІэр. Сэра зымышцІэр фи лэжъэкІэр?* [Кешоков т. 2: 343] / Как не ленишься, да пребудет счастье с тобой, – рассердился Долат, разъярившись, – если бы я не служил в ККОВ, поверил бы я в то, что вы говорите. Это я что ли не знаю, как вы работаете?

Наиболее ярко концепт «дом» представлен в творчестве А.П. Кешокова лексемой «лъапсэ», у него есть и роман, который так и называется – «Лъапсэ». Слово это многозначное, при переводе названия этого романа возникли разногласия, как его назвать в русском переводе. После многих прений остановились на слове «корни» как на наиболее адекватном для текста романа. А.П. Кешоков использует эту лексему и в словосочетаниях *адэжъ лъапсэ, адыгэ лъапсэ*, т.е. он понимает это слово и как обозначение места, где проживали предки, где проживает весь род адыгов:

Я адэжъхэм я лъапсэм хуелэжхэу арат... АрицхьэкІэ къайхъу-лакъым [Кешоков т. 3: 164]. / – Они стремились к землям своих предков... Но не повезло им.

(Дэфэрэдж) *Ар адыгэ лъапсэм егупсысырт, ижъ-ижъыжкІэ жаІэу щыта хъыбархэр и гум къэкІыжауэ.* [Кешоков т. 5: 355] – (Дэфэрэдж) Она думала о земле адыгов, вспомнив древние предания.

Исследованный материал показал, что писатель довольно часто использовал данную лексему и в других произведениях, в том числе в составе ФЕ.

Одними из самых страшных проклятий были те, в которых проклинались весь род; в романах писателя герои в состоянии гнева используют такие конструкции:

лъапсэр гъэгъун – уничтожить род (букв.: высушить род):

*Жираслъэн псэууэ къаубыдмэ, сэбэнышхуэ хъунут, ГумпIафIэ мыхъуу, жраIэр имыдэмэ, куэдрэ елIэлIэнутэкъым. Ауэ ГумпIафIэ яцIыфмэ, абрэ-джым я **лъапсэр бгъэгъу хъунут** [Кешоков т. 2: 360]. / Если смогут поймать Жираслана живым, то он стал бы очень полезным, а если не станет послушным, не прислушается к тому, что ему скажут, не будут с ним долго возиться. Но если смогут его увлечь, то можно было бы уничтожить род абреков.*

*Граф Евдокимов жыхуаIэу адыгэм мыхъыр езыгъэхъым жиIэрт: «Адыгэр емынэ лъэпкъыц, я **лъапсэр гъэгъун хуейц**» [Кешоков т. 5: 156]. / Тот самый Граф Евдокимов, который поносил адыгов, говорил: «Адыги чудовищный народ, надо уничтожить этот род».*

Наряду с таким «стихийным» действием (*высушить*), в проклятиях используется и другая стихия – вода:

лъапсэм псы игъэжыхъыжын – стереть с лица земли; разорить дотла (букв.: его усадьбу водой прополоскать):

*АдэкIэ къыхэщырт письмом, мамырыгъэ зэрацIылIэну зэгурымыIуэу щытмэ, эмиратым и **лъапсэм псы зэрырагъэжыхъыжыну**, ар лъы ягъажэм зэрыхитхэлыхъыжыну. Чуликовым и письмом зыри щыжиIэртэкъым шэшэн къуажэхэм ятеуэу ахэр лъапсэрых зэрицIам теухуауэ... [Кешоков т. 3: 382] / Далее в письме было написано, если они не договорятся к мирному союзу, то сотрут с лица земли эмираты, они сами утопятся в той крови, которую пролили. В письме Чуликова ничего не говорилось о том, что они напали на чеченские села и разоряли их.*

*Нэмыцэм лъэпкъ ягу иримыхъым я **лъапсэм псы ирагъэжыхъыжыну** я мурадц. НтIэ дунейм къытранэну цIыху лъэпкъхэм дэ дыхабжауэ щыпIуэжын? [Кешоков т. 4: 231] / Немцы были намерены уничтожить с лица земли неудобные им нации. Так поклянешься, что мы среди тех народов, которых они решили оставить на земле?*

Герои писателя предостерегают:

Цыхум анитI иIэкъым, къэзыльхур зыщ, и лъапсэ щыбыдэ лъахэри зыщ, зи къуэпсыр куэдым и лъапсэр быдэщ, уи лъапсэр бгъэгъумэ, уи лъэпкъыр кIуэдащ [Кешоков т. 5: 358]. / У человека нет двух матерей, рождает одна, так же имеет и одну родину, где у него твердые корни, у кого много потомков, у того и род сильный, разоришь свою землю, считай, что уничтожил свой род.

Лъапсэрыхыр къыхуэгъэкIуэн – разорить; уничтожить (букв.: при-слать того, кто сносит усадьбу):

(Жыраслъэн) Бийм лъапсэрыхыр къыхуэгъэкIуауэ ди ныбжээгъухэр къегъэлын хуейщ [Кешоков т. 3: 395]. / (Жираслан) Надо уничтожить врагов и освободить наших друзей.

Иджыпсту икъукIэ и чэзу дыдэт нэмэз пцIыну – фельдмаршалым и псалъэхэр Алыхъым деж нэсыни, модрейм а псалъэхэр къабыл ицIыници муслъымэнхэр тригъэкIуэни, эмиратым и цIыналъэхэр зэхэзыутэ джаурхэм лъапсэрыхыр къахуигъэкIуэни... [Кешоков т. 3: 394] / Сейчас самое время для намаза – слова фельдмаршала дойдут до Аллаха, а тот примет эти слова и поможет мусульманам одержать победу, уничтожит неверующих, которые оскверняют земли эмиратов...

Лъапсэр ихын – опустошить, разорить; убить, уничтожить (букв.: сносить усадьбу):

Бомбэр къауэмэ, напIэзыпIэм еукI, аркъэр бомбэм нэхрэ нэхь Iеижщ: мацIэ-мацIэурэ, гу лъумытэурэ, уи гур кыгъэгъэжана уи гугъэгъурэ ди лъапсэр ирех [Кешоков т. 5: 246]. / Бомба взорвется, на месте убивает, водка еще хуже бомбы, мало-помалу, не замечая, думая, что ободряет тебя, опустошает нас.

ДжатэкIэ IэкIуэлъакIуэхэр франиузым ябгъэдыхъэфакъым, я лъапсэр ирихыу хуежъэри: шуудзэр бгъэдэмышъэфу лъэсыр бгъэдыхъэфын, Iэцэ яIыгъыр къехъэлъэкIыу, франиузым я топ Iугъуэм уимыгъэлъагъужми, къэмыувылэу кIуэрт [Кешоков т. 5: 297]. / Ловкачи по владению мечом не могли подойти к французам, они уничтожали их: раз не могут подойти к ним всад-

ники, смогут ли пешие подойти, хотя оружие им было в тяжесть, и ничего не видно было из-за дыма французских пушек, они шли вперед не останавливаясь.

Апхуэдиз топыр куэдрэ елЛэлЛэнт: шапсыгъыу, убыхыу – адыгэ лъэпкъыу тенджызым Иусам я лъапсэр ирахашц [Кешоков т. 5: 340]. / Столько пушек долго ли справятся: шапсугов, убыхов – все адыгские племена, жившие на побережье моря, уничтожили.

Зи лъапсэр хэкIуэдэн – сгинуть, пропасть (букв.: чтобы усадьба погибла):

– *Щэрданхэ я унэр мафIэм ес! – Хэту нIэрэ зи IэцIагъэр? – Хэт? Жыраслъэниц. ХузэфIэкIамэ, жылэри игъэсынт. – Е зи лъапсэр хэкIуэдэн, жи! – Щхэ физэхэт! ФынакIуэ! МафIэм ис нэхърэ нэхъыфIц, цхъэж хуэзэр ирехь! – жиIэри Долэт Щэрданхэ дежкIэ иунэтIац* [Кешоков т. 2: 183]. / Шердановых дом горит! – Интересно, чьих рук дело? – Кто? Жираслан, конечно. Если смог бы, он все село поджег бы. – Чтобы вы сгнули, говорит он! – Почему стоите! Идемте! Лучше, чем сгорит, пусть каждый возьмет, что сможет! – сказал Долет и направился к дому Шердановых.

Одним из репрезентантов концепта **унэ** (дом) в кабардино-черкесском языке является **жъэгу** (очаг). Проявление высшей степени бедности у кабардинцев – отсутствие дома, очага:

унэкъым, жъэгукъым – букв.: ни дома, ни очага:

Цыхубз хъарзынэр дэхуэхащ, унэ иIэкъым, жъэгу иIэкъым, зыгъэхуэбэн иIэкъым [Кешоков т. 5: 62]. / Хорошая женщина стала обездоленной, ни дома, ни очага, некому приголубить.

– *Фи хэкум цхэ умыкIуэжрэ? Нэмыцэр ирахужащ. Унэ, жъэгу уиIэкъэ? Хъэмэ удезертиура?* [Кешоков т. 5: 453] / Почему ты на свою родину не возвращаешься? От немцев освободили. Дом, очаг есть у тебя? Или ты дезертир?

Очаг в адыгском культовом представлении – сакральное место, это символ дома. Очень поэтично передает роль очага героиня писателя:

(Хьэбибэ) – Алыхьым сигъэунэхуну арами сицІэркъым – си кІэтІий си вакъэпсу дунейм сытетц. Насыпыр дэным хуэдэу си ІэмыщІэ кърилъхъатэмэ, зы Іэм исхыу, зы Іэм ислъхъэу схьами **жъэгум нэсхъэсын** мыгъуэт [Кешоков т. 4: 16]. / (Хабиба) Может, Аллах хочет меня испытать – в поте лица живу. Если бы счастье положили бы мне в ладони, как раскаленные угли, донуэсла бы до очага, перекидывая то в одну ладонь, то в другую.

Жъэгу пащхъэ – семейный очаг, домашний очаг (букв.: пространство перед очагом):

Зыгуэрым фыз къышат, жи. И анэм деж къышэри къыжриІац: «Мис, ди анэ, уи нысэр, уи **жъэгу пащхъэр** зэптын хуейр мырац» – жиІэри [Кешоков т. 4: 53]. / Рассказывали, кто-то женился. Он привел ее к своей матери и сказал: «Вот, мама, твоя невестка, вот ей нужно передать наш домашний очаг».

Жъэгу пащхъэ – семейным очагом – «владеет» женщина, хозяйка, он олицетворяет семью:

(Бекъан) Ягъэ кІынкъым, къыздэІэпыкъу, си **жъэгу пащхъэ** пэрысын сиІэу сыгъалІэ... Уэри уригъусэу накІуэ [Кешоков т. 4: 309]. / (Бекан) Умоляю, помоги мне, дай мне умереть, зная, что есть кому сидеть у моего домашнего очага... Приезжай и ты вместе с ним.

Жъэгу пащхъэ – место, где собираются члены семьи за вечерними разговорами:

– ИІэт, Апчарэ, уэри зэцІэгъэстыт мафІэр. Уи **жъэгу пащхъэм** сьдэсу сэри седэлуэниц уи хъыбар гуузым [Кешоков т. 4: 359]. / Давай-ка, Апчара, разожги огонь. Сидя у твоего домашнего очага, я тоже послушаю твою грустную историю.

Жъэгу пащхъэ, по А.П. Кешокову, – место, куда должен стремиться любой человек:

Унэ ихъэу зи **жъэгу пащхъэ** зыгъуэтыным зи гугъэр хэзыхыжа шыпхъу нэхъыжъым мурад ещІ я лъапсэм икІуэсыкІыу нэгъуэщІ къуажэ дэс я благъэхэм я деж кІуэну, и благъэхэри здигъэІэпыкъуурэ унэ зэрихъэн Іуэху зэрихуэну [Кешоков т. 3: 25]. / Потеряв всякую надежду выйти замуж и создать свой се-

мейный очаг, старшая сестра задумала убежать из дому и отправиться к родственникам в другое село и всячески использовать их, чтобы выйти замуж.

Жьэгу пацхьэ – место в доме, о котором с благодарностью вспоминают герои романа:

Астемыр и унэм дэ щытльэгъуар мащIэкъым, абы и цхьэгъубжэм дыкьыдэплъурэ дунейм куэдрэ дытепльащи, а унагъуэм я гугъу тцIыху, я жьэгу пацхьэм дыдэса хуэдэу кьытцохъу [Кешоков т. 2: 479]. / В доме у Астемира мы многое повидали, много раз на мир глядели из его окон, и когда мы вспоминаем его семью, нам всегда кажется, что мы сидели у их домашнего очага.

Жить и иметь свой очаг, в котором горит огонь, – мечта многих героев писателя: *Цыхур зэгурылуэмэ, цхьэж и гуащIэдэкIкIэ псэужыни, и жьэгу пацхьы мафIэ щыщIэнкъым* [Кешоков т. 3: 727]. / Если люди будут ладить друг с другом, каждый сможет жить своим трудом, и всегда будет гореть огонь в его домашнем очаге.

Жьэгу дэсыжын – жить своей семьей (букв.: сидеть в очаге):

Цыхур зэрыдыхъэхари зэрантэкъым, сыту жыпIэмэ нэхъ хьэлэл хьуат, Жыраслъэн кьеклуэлIэжрэ и жьэгу дэсыжмэ, и цхьэ шIыгъыжу, и фыз сымаджэ кIэлъыплъу, зэран мыхъуу псэумэ, нэхъ яфIэкъабыл хьуат [Кешоков т. 3: 571]. / Лишним не будет, что люди засмеялись, потому что они раздобрились, если Жираслан вернется и начнет жить своей семьей, ухаживая за своей больной женой и не вредя никому, это кажется всем лучше.

Атрибутами *дома* в адыгской ЯКМ являются *порог* и *дверь*, которые символизируют границу между «своим» пространством и «чужим». Писатель неоднократно пользуется ФЕ с данной символикой.

БжэщхьэIу ебэкъуэн – переступить порог; перешагнуть порог:

(Исуф) – Мы бжэщхьэIум сыкьебакъуэу унэм сыкьыщыцIыхьа махуэм, Ялыхь, кхьаблэкIэ сыщIегъэхьыж [Кешоков т. 5: 396]. / (Исуф) В тот день, когда я переступлю порог и войду в этот дом, о Аллах, пусть вынесут меня на носилках (на которых несут покойника).

Дверь в кабардино-черкесском языке – *бжэ*; сложное слово, которое используется в ФЕ и паремиях – *унагъуэбжэ* (букв.: семейная дверь). Одно из проклятий, которое используется героями романов писателя в крайне эмоциональном состоянии – *унагъуэбжэр хуэзыщIыжын*.

Унагъуэбжэр хуэщIыжын – найти свою погибель; оказаться последним в своем роду, проклясть кого-то (букв.: закрыть семейную дверь):

– *Зи унагъуэбжэр хуэзыщIыжын, – жиIэщ хьэжыми, мыжурэмкIэ Астемыр и щIагIуэ щIагъым щIэпыджащ* [Кешоков т. 2: 17]. / Проклятый, – сказав, хаджи штыком ткнул под бурку Астемира.

– *Умыудэгу си щхьэр, къызэлух, жысIакъэ! – жиIэрти арат и жэуапыр. Анхуэдэурэ къуажэ ахьшэр Гъуумар зыIэщIилъхьэмэ, хэт зи унагъуэбжэр хуэзыщIыжынуур, мы-Нурхэлийуэ нIэрэ?* [Кешоков т. 2: 160] / Не морочь мне голову, открывай, говорю! – таков был его ответ. Если таким образом Гумар прикарманит сельские деньги, то кто найдет свою погибель, не Нургалий ли?

А.П. Кешоковым образ «закрывания семейной двери» используется не только в смысле краха семьи, но и рода: (*Хьэбибэ*) *Сэ мы лъапсэм и унагъуэбжэр хуэзгъэщIыжынукъым, уи адэм къызэщIигъэнауэ щыта мафIэр згъэуужьыхыжынукъым* [Кешоков т. 4: 658]. / (Хабиба) Я не позволю тебе прервать наш род, не позволю потухнуть огню, который разжег твой отец.

Лексема *унащхэ* – крыша, как известно, «накрывает» дом, символизируя как сам дом, так и его целостность:

унащхэ-унащхэкIэрэ – по домам (букв. по домам – по крышам):

Уи сэлэтхэр унащхэ-унащхэкIэрэ трагуэшат, ахэри арэзы хьуат [Кешоков т. 3: 216]. / Твоих солдат распределили по домам, они сами довольны.

Унащхэр течын – шуметь, галдеть, оглушительно (букв.: сорвать крышу дома):

(*Къазджэрий*) – ... *ЕмыкIу дыкъыумыщI – унащхэр тетчу лышхуитIыр дыдыхьэихащ* [Кешоков т. 3: 230]. / (Казгирей) – ... Не обессудь – мы (двое взрослых мужиков) смеялись оглушительно громко.

– *Уи жьэр зэтеп!э!.. – унацхэр тричу мэк!ий Дышнинскэр. Апхуэдэ емык!у абы иджыри къэс зыми кърикуатэкъым* [Кешоков т. 3: 288]. / Закрой свой рот!.. – орет Дышнинский. Никто еще не осмеливался так опозорить его.

Унажэ к!уэн – влететь в дом с бранью, руганью (букв.: идти бегом в дом):

(*Кургъуокъуэ*) *Сцэници, къыц!эк!ымк!э унэ езгъэц!ыжыници, жи!эу мурад цици!ым, ар зыцэхуну къыкъуэ!ар урыс Степан Ильичт. Апхуэдэ гъунэгъу сыхуейкъым, жи!эу Урарэ унажэ къыц!эжар арат* [Кешоков т. 2: 388]. / (Кургоко) Продам и за вырученные деньги построю новый дом, когда решил так, то покупателем нашелся только русский Степан Ильич. Поэтому Урара влетела к нему в дом с бранью, говоря: не нужен мне такой сосед.

Унэу т!ысыжын – обзавестись семьей (букв.: усесться домом):

– *Щауэм ф!экла ефэ цымы!этэм, абы дыпэлъэциын. Дызыпэмьлъэцинур къэзышэу бынунэу т!ысыжар арац. Зи къулыкъу нэхъ иным и фадэбжъэри нэхъ инци* [Кешоков т. 5: 232]. / Если кроме жениха никто не пьет, мы одолеем. Мы не одолеем только того, кто уже обзавелся семьей. У кого должность большая, у того и рюмка больше.

Феномен *дома* воспринимается как что-то сокровенное, самое родное. Концепт *унэ* (дом) у писателя ассоциируется в большинстве случаев с семейным благополучием и богатством.

Дом противопоставлен внешнему миру. Данный концепт можно трактовать как посредничающую между человеком и миром динамичную ментальную структуру, объединяющую понятийную, ценностную, оценочную и культурно-фоновую информацию, воплощенную в вербальных единицах кабардино-черкесского языка. Концепт *унэ* (дом) в произведениях А.П. Кешокова является сложной ментальной единицей, имеющей когнитивный статус и не существующей вне процесса мышления. Неоднозначность концепта состоит в наличии двусторонней связи между языком и сознанием писателя, так как категории сознания реализуются в языковых категориях и одновременно детерминируются ими.

Выводы

1. В текстах А.П. Кешокова отразился художественный образ времени. Критерием для его измерения в произведениях писателя являются как сам автор, так и персонажи, рассматривающие время в связи с определенными событиями, действиями, переживаниями. Автор включает в свой текст конструкции со значением субъективного времени. Значительную смысловую нагрузку в составе ФЕ несут такие компоненты со значением времени, как *зэман* – время, *чэзу* – пора, которые содержат культурную информацию.

В произведениях писателя используются ФЕ со значением неопределенности времени, приблизительности, промежутка, скорости протекания времени.

Важную роль играют пословицы и поговорки о времени, носящие философский, этический характер: о необратимости, цикличности времени.

2. ФЕ – репрезентанты концепта *псэ* (душа) в романах А.П. Кешокова ассоциируются с жизнью, отсутствие *псэ* – со смертью. Лингвокультурологический анализ данной концептосферы показал, что в произведениях писателя актуализируется такое значение *псэ*, как *человек*, являющееся семантическим развитием понятия *живой, имеющий душу*. Однако *псэ* в текстах писателя – это не только жизнь, но и нечто свойственное только человеку, субстанция, без которой он не существует, нечто нематериальное, данное Богом.

Псэ является иместилищем самых разных чувств – теплых, нежных, а также сильных эмоций. Особенно выразительно это проявляется при употреблении апеллятивов с компонентом *псэ*.

Концепт *псэ* соотносится в творчестве писателя с концептами *гу* (сердце), *нэ* (глаза), которые также являются экспонентами души в кабардино-черкесском языке, средоточием самых тонких чувств, ярко характеризуют героев и их поступки.

ФЕ с компонентом *псэ* в романе обозначают и состояние человека, степень его крайнего напряжения – как физического, так и духовного.

3. Исследуемый языковой материал показал, что *зу* – один из ключевых концептов в творчестве А.П. Кешокова.

В ЯКМ писателя выявлены следующие группы исследуемых ФЕ:

1. Со значением различных чувств, эмоций, состояний.
2. Со значением «память», «мышление».
3. Характеристика духовной составляющей человеческой личности.
4. Этическая характеристика.
5. Физическая характеристика состояния человека.

Конструкции, выражающие различные чувства, эмоции, состояния, четко подразделяются на позитивные (гармония, наслаждение, дружелюбие, доброта, спокойствие, довольство и др.) и негативные значения (беда, боязнь, досада, злость, волнение и др.).

Сердце символизирует не только чувства, оно является также источником силы.

При описании процессов мышления своих героев А.П. Кешоков использует ФЕ, из буквального значения которых следует, что мыслительные процессы у них проходят через сердце, «остаются», «лежат» в нем, «произрастают» из сердца.

ФЕ характеризуют героев писателя с точки зрения духовной составляющей человеческой личности, этической стороны, физического состояния. *Сердце* «одобряет» или «не одобряет» те или иные явления или действия, определяет положительное и отрицательное, правильное или неправильное.

4. Исследование концепта *дома* в ЯКМ писателя позволило выявить универсальные и специфические экспликации данного феномена. Репрезентантами концепта *унэ* (дом) в текстах А.П. Кешокова являются *унэ* – дом, *лъапсэ* – род, усадьба, *жъэгу* – очаг, *бжэщхьэлу* – порог, *унагъуэбжэ* – дверь, букв. семейная дверь, *унащхьэ* – крыша.

Наиболее ярко данный концепт представлен в творчестве А.П. Кешокова лексемой «*лъапсэ*». Так называется и его роман «Лъапсэ». Писатель использует

лексему и в словосочетаниях *адэжъ лъапсэ*, *адыгэ лъапсэ*, номинируя ими и места, где проживали предки, и места, где проживает весь род адыгов.

Одним из репрезентантов концепта *унэ* (дом) в кабардино-черкесском языке является «*жъэгъу*» – очаг.

В произведениях писателя дом соотносится, как и во всей адыгской лингвокультуре, прежде всего с семьей; без дома человек предстает одиноким и обездоленным.

Герои писателя – эмоциональные люди. Оказываясь в экстремальной ситуации, они часто выражают свои эмоции проклятиями. Большинство проклятий имеют свои «антонимы» – благопожелания.

Атрибутами *дома* в адыгской лингвокультуре являются порог и дверь, которые символизируют границу между «своим» пространством и «чужим». Писатель часто пользуется ФЕ с данной символикой.

ГЛАВА 3. ВЗАИМОДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ СЕМАНТИКИ ФЕ И КОНТЕКСТА В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.П. КЕШОКОВА

3.1. Семантика ФЕ и ее репрезентация в контексте художественной прозы А.П. Кешокова

Важной частью исследования фразеологии является проблема контекстуальной реализации семантики и коннотаций ФЕ, выявление системности их функционирования в текстах писателей. Исследования по фразеологии показывают, что интерес к вопросам взаимодействия ФЕ и контекста не ослабевает. Об этом свидетельствуют работы на материале различных языков: Ю.Ю. Авалиани, Н.Н. Амосова, А.В. Кунин, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, Т.В. Ренская, В.Н. Телия и др. Вопросы семантико-стилистических функций ФЕ в произведениях А.П. Кешокова рассматривал Б.М. Карданов [Карданов 1982]. Ученый обращал внимание на такие аспекты, как речевая характеристика персонажей, использование ФЕ в номинативной функции.

ФЕ в контексте художественных произведений получают широкие возможности для реализации потенциальных семантических, дополнительных смысловых оттенков, что и является часто объектом исследования.

Функционирование ФЕ в произведениях А.П. Кешокова в данном исследовании рассматривалось в различных видах фразеологического контекста (внутрифразовый фразеологический контекст, выраженный группой слов или словом в составе простого или сложного предложения; фразовый фразеологический контекст, выраженный простым или сложным предложением; сверхфразовый фразеологический контекст из двух и более предложений).

Связь между ФЕ и контекстом носит многоплановый характер. Образ, заложенный в ФЕ, проходит иногда через все произведение писателя, буквально переплетаясь с контекстом.

Через все содержание романа «Вершины не спят» проходит образ единства двух братьев – лезвий одного кинжала. В самом начале романа А.П. Кешоков подробно объясняет смысл кабардинской пословицы:

ЗэкъуэшитIрэ дзитI зыIут къамэрэ, жыхуаIэр Астемыр, дауи, ищIэрт. ТемботкIэ еджэу зы илалэ цIыкIу илэти, абы къуэши цIыкIу къыхуалъхумэ, и гуанэт, езы Думэсарэ хъыджэбз къыщIэхъуэмэ фIэфI цхъэкIэ, Астемыр зыщIэхъуэпсыр къызэрехъулIар имыщIэу унэм нэсыжыным хуэпIащIэу къакIуэрт [Кешоков т. 2: 10]. / Говорят, два брата, как два лезвия кинжала, конечно, это Астемир знал. У него был маленький сын Тембот, и поэтому ему хотелось брата, хотя Думасара мечтала о дочке. Не зная о том, что сбылась его мечта, Астемир спешил домой.

Данный фрагмент представляет собой авторский текст, писатель говорит с читателем как с хорошо знакомым собеседником, объясняя важность пословицы для всего последующего повествования.

Для объяснения и комментирования смысла пословицы автор использует слова-компоненты пословицы в качестве компонентов «свободных» словосочетаний в составе предложений, что делает образ, заключенный в пословице, более живым, ассоциирующимся с буквальным значением используемых лексем. А.П. Кешоков использует образность пословицы, при этом связь пословицы с контекстом всего произведения подчеркивается также использованием компонентов пословицы и в качестве членов предложения:

ЗэкъуэшитIрэ дзитI зыIут къамэрэ жаIэмэ, Лу тхъэм ещIэ и къуэ-шым хуэдэ щыхъунур [Кешоков т. 2: 45]. / Говорят, два брата, как два лезвия кинжала, бог знает, когда Лю станет похож на старшего брата.

Уи адэм, зы къамэм и дзитI, жиIэу и къуитIым пищIын щымыIэу хуэдэ зищIми, къамэдзэ лъэныкъуэр дэнэ ихъа? [Кешоков т. 3: 493] / Твой отец, говоря о двух лезвиях одного кинжала, словно нет никого лучше его двух сыновей, куда дел одно из лезвий?

Преобразование слова или словосочетания из входящих во фразеологизм способствует более тесному взаимодействию ФЕ и контекста: оригинальное построение контекста способствует особой выразительности ФЕ, подчеркивает его образность, которая при этом «оживает»:

*Ди лъапсэм псы ирагъэжыхъыжыну ди ужь итар ди гъунэгъу лъэпкъышхуэрати, къыттекъуэри ди щынальгэм хъэлэчытцIэр къыхуигъэкIуащ. Армыратэм, ди лъапсэ тхъумэу ди хэку дисыжынут. Фыкъеплъ ди IитIым – лэжъэнкIэ ди Iыхъэ къэдгъанэркъым. Ди хэкум дыкъызыхуам ди махуэр къыхукIуэ [Кешоков т. 5: 343]. / Стереть нас с лица земли пытался наш сосед, могучее государство, победив нас, он разорил наши земли. Если бы не так, защищая наши владения, мы жили бы на своей земле. Смотрите на наши руки – работающие. Пусть окажется на нашем месте тот, кто выгнал нас с наших земель. Проследим различные случаи употребления А.П. Кешоковым ФЕ *пащIэр хуэгъэлыгъуэн* – опалить кому-л. усы. У кабардинцев опалить усы буквально значит «опозорить мужчину до конца его жизни».*

В романе «Вершины не спят»:

*АтIэ нобэ дэ дызыхуейр нэгъуэщI хъэгъуэлIыгъуэщ. Щхъэприхауэ къуацэкIэ Iуэхум къыхэуэм я *пащIэр гъэлыгъуэн* хуейщ. Уэри уоцIэ, *пащIэгъэлыгъуэм* джэгу хэлькъым [Кешоков т. 3: 745]. / И сегодня нам нужна другая свадьба. Тем, кто потерял чувство меры и вмешивается в наши дела, надо опалить усы. И ты знаешь, что в опалении усов нет игры.*

Глагольный фразеологизм в первом предложении трансформируется в именной компонент, сближая фразеологическое значение с буквальным.

В романе «Долина белых ягнят»:

*Гитлер и мурадц Сталин и *пащIэр игъэлыгъуэну*. АрицхъэкIэ Гитлер хуэдэ куэд Сталиным *иригъэсыкIащ*, – Къулым и макъым зригъэIэтырт, – Iэ лъэныкъуэмкIэ Гитлер и пцэр Сталиным щубыдыкIыници, адрей Iэ лъэныкъуэмкIэ сэихуэ гъэпкъакIэ Гитлер и *пащIэ тIэкIу* къытенэжар иупсауэ флъагъунищ. *Цылыгъуам* и мэ къащIимыхъэмэ си Iуэхуц итIанэ Гитлер и IунэфIэгъухэми [Кешоков т. 4: 76]. / Гитлер задумал опалить усы Сталину. Но Сталин много таких, как Гитлер, спалил, – Кулов возвысил голос, – Сталин одной рукой схватит Гитлера за шею, другой рукой каленой саблей остатки усов Гитлера сбреет, увидите. Уверен, что запах паленой шерсти почуют подручные Гитлера.*

Угрожающий смысл ФЕ *нащлэр хуэгъэлыгъуэн* – опалить усы кому-л. ясен и вне контекста. Автор же, вводя эту ФЕ в речь своего героя, «распространяет» образность данного устойчивого выражения на значительный фрагмент произведения. Одновременно писатель дает великолепную речевую характеристику своим героям.

*Ар ди нэм илгагъуху лбы мащлэ кытыцлэкIынкъым. Дащэ дгъэжауи ирехъу, зы Iуащхъэм зы Iуащхъэр кыкIэлъыкIуэу, зы къуажэм зы къуажэ кыкIэлъыкIуэу кыжъэдэттхыжыныц [Кешоков т. 4: 177]. / Пока это наши глаза увидят, немалой кровью изойдем. Но сколько бы ни пролили, гору за горой, село за селом вырвем. В данном фрагменте писатель использует во втором предложении не компонент ФЕ, а лексему, семантически близкую к компоненту (*лбы кытыцлэкIынкъым – дгъэжауи*, не изойти кровью – пролить), что отражается и в структуре контекстуально-неполного предложения.*

А.П. Кешоков тонко воспринимает семантические возможности слов и ФЕ, поэтому незаметно протекают механизмы оживления используемых автором традиционных формул и тем ошутимее прагматический эффект текста автора. Например, *кIэ етын* имеет значения 1) покончить с каким-л. делом, занятием; 2) лишить жизни кого-л., покончить с кем-л.:

ИгъащлэкIэ кытримыгъэзэжын хуэдэу кIэ етын хуейц абы. Арыншамэ, ди унэм жъэ щыдмыгъуэтыжу дыкъэнэнуц [Кешоков т. 3: 246]. / Надо покончить с этим делом, чтобы никогда в жизни больше не повторилось это. Иначе мы останемся в своем доме без права голоса.

Большевикхэм я Iэтащхъэхэм кIэ етын хуейц иджыпсту, йогупсыс Дышнинскэр [Кешоков т. 3: 433]. / Надо покончить с лидерами большевиков сейчас, – думает Дышнинский.

Связь между ФЕ и контекстом прозаических произведений А.П. Кешокова носит многоплановый характер. Контекст, создаваемый писателем, определенным образом воздействует на ФЕ, в контексте раскрываются потенциальные возможности фразеологизмов.

ФЕ *цхьэр унээн* является многозначной, она означает: 1) состояние физического недомогания – головокружение, бессилие от усталости; 2) кто-либо много возомнил о себе, своих возможностях. В контекстах писателя уточняется смысловое значение данной ФЕ, она получает (во втором примере) и новые смысловые оттенки:

Апчарэ и гури кыызэЛыхьауэ и кыэжыын кыокЛуэ, и цхьэри мэуназэ, и тхьэкЛуэмэр мэу [Кешоков т. 4: 663]. / Апчаре стало плохо: и тошнит, и голова кружится, и в ушах звенит.

Куэд дэмыкЛыу езы Дисы лафкЛэм зыцЛигьэхуати, цЛакхьуэмэ ЛэфЛым, браныч, хэлыгыуанэ сытхэм кыатих мэ ЛэфЛыр кыыцЛихьэм, фыз ныбэнэцЛым и цхьэр заныцЛэу игьэунэзац [Кешоков т. 2: 75]. / Вскоре и сама Дыса зашла в лавку, сладкий запах пряников, бубликов и прочего сразу закружил голову голодной женщины.

Абрэджым укыагыгьэубжы цхьэкЛэ, залымыгыэ зепхьэ хьурэ. Я Луэху ефЛэкЛуэцауэ я цхьэр игьэунэзауи цЛы, цхьэ унэзар зэ и плэ иувэжыны хуейкыэ [Кешоков т. 3: 730]. / Хотя и разозлили тебя абреги, это не повод чинить произвол. Если и голова закружилась от благополучия, должна же закружившаяся голова когда-то и встать на место.

Случаи, когда ФЕ, имеющие в словаре одно или два значения, получают в контексте новое смысловое значение, нередки для писателя. ФЕ *цхьэм дэуеин* (букв.: ударить в голову снизу вверх) имеет в словаре следующие значения: 1) опьянеть; 2) сильно огорчиться, принять близко к сердцу [1: 209]. В следующем контексте ФЕ получает иную семантику: *ШейтЛан узыр бэлыхьыц, и цхьэм дэуеинкЛи мэхьу...* [Кешоков т. 2: 21] / Болезнь шайтана мучительна, может и в голову ударить.

КыызэрыхагыэцЛам кыигьэубжыа, зауэллу фЛэкЛуэдахэр зи цхьэм дэуея Гикалэ Дышнинскэм жэуап иритыжын кыудей и цхьэ трилгыакыым. Зы псалгыэ жимыЛэу макЛуэ [Кешоков т. 2: 396]. / Проигранное сражение и потеря многих солдат ударили в голову Гикало, он даже не соизволил дать ответ Дышнинскому. Идет, не говоря ни слова.

Къазджэрий и цхъэм дэуеят зэхихар, жиІэнури ищІэнури имыщІэу [Кешоков т. 3: 682]. / Услышанное настолько ударило в голову Казгирея, что он не знал, что ответить и что делать.

Только в контексте можно определить значение как внутриуровневых, так и разноуровневых омонимов. Так, ФЕ *лъэныкъуэ егъэзын* имеет несколько значений, которые реализуются в контексте: 1) убрать, отстранить кого-то-л.; 2) содержать кого-л. в достатке, как положено; 3) укрыть, утаить кого-то-л.; 4) устранить, победить кого-л.

УкъамыщІэн цхъэкІэ, плъыр цысыр къэгъуэтауэ лъэныкъуэ егъэзын хуейт [Кешоков т. 2: 364]. / Чтобы не обнаружили тебя, дозорного надо было убрать.

Жыраслъэн и кІэн къикІат – и цІыхугъэхэм яхуэзэри псыныщІэу лъэныкъуэ ирагъэзат [Кешоков т. 3: 323]. / Жираслану повезло – он встретил знакомых, и они его укрыли.

Мэл цхъэзэ хэтмэ, къыхэдзи унафэ тецІыхь, сэкъатри лъэныкъуэ егъэз, хъэ къыхыхьауэ захигъэгъуащэрэ – еуи укІ [Кешоков т. 3: 472]. / Если есть среди овец заблудивший вертячкой, убери его и распорядись, скрой недостаток, а если волк спрятался среди них – убей.

Чуликовым союзэгъу хуэхъун, имам Гоцинскэми бжъыпэр фІэубыдын, Гикалэ лъэныкъуэ егъэзын, абы и дзэхэр командующэ нэхъыщхъэм и унафэм щІэгъэувэн, ислъам республикэ къызэгъэпэщын – а псори игукІэ зэрегъэзахуэ эмирым [Кешоков т. 3: 384]. / Стать союзником Чуликову, опередить имама Гацинского, устранить Гикало, его войска подчинить главному командующему, образовать Исламское государство – все это планирует про себя эмир.

При наличии омонимичных ФЕ писатель в основном использует одно из них. Так, ФЕ *гум къэкІын* имеет два значения: 1) соскучиться о ком-, чем-либо; 2) подумал, пришло в голову. В текстах имеются единичные примеры использования ФЕ в первом значении, тогда как второе используется довольно часто:

Буруныпс щынэблэгъам (Елдар) ищэкІэ плъащ, Саримэ сымэ и гум къэкІати [Кешоков т. 3: 684]. / Приблизившись к Буруныпс, (Эльдар) посмотрел наверх, он соскучился по Сариме и другим.

Елдаррэ Темботрэ щызэпсалъэм жаIар Лу и гум къэкIыжат: – УдэкIуеифын? – жиIэрт Елдар. – НанIэзынIэу ари [Кешоков т. 2: 45]. / Лю вспомнил, что сказали Эльдар и Тембот: – Поднимешься? – говорил Эльдар. – Мгновенно даже.

В ряде случаев ФЕ могут омонимически совпадать со свободным сочетанием слов, смысловая двуплановость снимается особой организацией контекста, что способствует созданию каламбура, а это в свою очередь реализует задачу, стоящую перед писателем. Так, ФЕ *и кIэ къурыкъуу* – полная свобода действий, *и кIэр бжыхьым дихуэжын* – случиться несчастьем; невезучий; оказаться в беде являются таковым примером.

Уэ уи кIэ къурыкъуу къожыхьри удэтиц [Кешоков т. 4: 676]. / А у тебя полная свобода действий, бездельничаешь.

Къэбэрдейм тIууэ загуэирэ къамэ къыхакIэ зэхыхьэжмэ, ди кIэр бжыхьым дэтхуэжащ [Кешоков т. 2: 406]. / Если Кабарда разделится на две части и с кинжалом в руках они пойдут друг против друга, то мы окажемся в большой беде.

Рассматривая употребление фразеологических синонимов, Б.М. Карданов отмечал, что «фразеологизмы-синонимы, отличающиеся наибольшей интенсивностью, чаще бывают относительно равноценными, чем слова-синонимы, что в свою очередь связано с наличием большого количества эмоционально-стилистических различий в кругу устойчивых словосочетаний. Эту особенность фразеологизмов лишней раз подтвердил фразеологический материал прозы А.П. Кешокова» [Карданов 1982: 43]. Писатель широко использовал синонимические конструкции (как синонимию слов и ФЕ, синонимию словосочетаний и ФЕ, так и синонимию разных ФЕ). Характерным для писателя является использование глагольных синонимичных ФЕ, выступающих в функции однородных членов предложения; семантика одного фразеологизма усиливается последующим.

– Фызыр гурэ псэкIэ къыхах, – жиIэрт Мэтхъэным, – цIыхубзыр уи гум ирихьрэ, уи псэм къицтэрэ – къаиэ. Урысуи, сонэуи, журтуи щрет, удихьэ-

хамэ – арац [Кешоков т. 3: 462]. / Жену выбирают душой и сердцем, – говорит Матхан, – женщина тебе пришлась по душе, принимаешь сердцем – женись. Пусть она будет русской, сванкой, еврейкой, привлекает – это главное.

Клуэ нэтми нэхъ шынагъуэ хъурт. Зыгуэрым дыкьищIэмэ, ди лъансэр ирахынищ, ди унагъуэбжэр худагъэщIыжынищ, жиIэу Думэсарэ гузавэрт [Кешоков т. 2: 206]. / Со временем становилось еще страшнее. Если кто-то узнает, нас сотрут с лица земли, уничтожат, так про себя думала и волновалась Думасара.

Фразеологические синонимы могут выступать в предложении и с разными функциями:

Унэ ихъэу зи жьэгу пащхъэ зыгъуэтыным зи гугъэр хэзыхыжа шыхъу нэхъыжъым мурад ещI я лъансэм икIуэсыкIыу нэгъуэщI къуажэ дэс я благъэхэм я деж кIуэну, и благъэхэри здигъэIэпыкъуурэ унэ зэрихъэн Iуэху зэрихуэну [Кешоков т. 3: 25]. / Потеряв всякую надежду выйти замуж и создать свой очаг, старшая сестра задумала убежать из дому и отправиться к родственникам в другое село и всячески использовать их, чтобы выйти замуж.

В работах В.М. Мокиенко отмечается, что «вариантность оборотов речи и так называемые индивидуально-авторские преобразования фразеологизмов с лингвистической точки зрения – явления одного порядка. Последние часто представляют собой как бы вторичные варианты» [Мокиенко 1989: 18].

Четко прослеживается взаимосвязь и взаимообусловленность контекста и ФЕ в случаях, когда для реализации семантики фразеологизмы нуждаются в особой организации контекста. В зависимости от структурной замкнутости устойчивые сочетания или не нуждаются в особо организованном контексте, или требуют контекстуальной поддержки других слов с определенной грамматической функцией, либо тяготеют к синтаксической изоляции, выступая, например, в качестве вводной конструкции. Так, в предложениях ФЕ *щхъэфэцыр мэтэдж* – волосы дыбом становятся, *къурмэ-къейр щубыдыкIын* – взять за горло не нуждаются в особой синтаксической организации предложения:

Абы и кий макъым уи щхъэфэцыр игъэтэджырт [Кешоков т. 3: 481]. / От ее крика волосы становились дыбом.

ВитIыр зейм лыжъым и кърмэкъейр щуубыдыкIащ, си витIыр къы-зэтыж, жиIэри [Кешоков т. 2: 258]. / Хозяин двух волов взял за горло старика, говоря, чтоб вернул двух волов.

Ослабление парадигматической активности является одной из причин функционирования ФЕ в функции вводных конструкций. Говоря «*тобэ ирехъу*» показывают, что так может и быть – наверное, вероятно; наверняка.

Шэр хъыджэбз цIыкIум и бгъэгум къытехуэри пхыльэтащ. Тобэ ирехъу, Тинэ къыщыльэту «Жыраслъэн», жиIэу щыкIия дьдэм шэр къытехуауэ къыщIэкIынищ [Кешоков т. 3: 693]. / Пуля попала в грудь девочки и пролетела насквозь. Наверное, когда Тина вскочила и закричала «Жираслан», в этот момент и пуля попала в грудь.

Тобэ ирехъу, уафэми зауэ щекIуэкI хъунищ [Кешоков т. 4: 15]. / Наверняка, и на небе идет война.

Наблюдения над ФЕ в контексте прозаических произведений А.П. Кешокова дают возможность рассматривать значение ФЕ в осуществлении общего контекстуального замысла. Описанные в данной работе приемы варьирования компонентов ФЕ в художественном тексте, особенности выбора и включения в произведение фразеологических единиц позволяют говорить о творческом использовании А.П. Кешоковым средств общенародного языка.

3.2. Индивидуально-авторское преобразование ФЕ в прозе А.П. Кешокова

Вопросы, связанные с индивидуально-авторскими преобразованиями ФЕ в художественной речи, всегда актуальны для исследователей. Еще В.В. Виноградов отмечал наличие системы в выборе и расположении речевых элементов в художественной речи и необходимости ее исследования [Виноградов 1977: 9]. Эти вопросы были в центре внимания исследователей и в годы зарождения фразеологии, и в последующие годы, и на современном этапе.

Среди работ, посвященных данной проблематике, прежде всего, следует отметить исследования В.В. Виноградова, А.М. Мелеровича, Н.М. Шанского, В.М. Мокиенко. Есть и работы, появившиеся сравнительно недавно: А.Р. Абдуллиной, А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского, Н.А. Кахировой, И.Ю. Третьяковой и др. Системность и закономерность появления контекстуальных вариантов ФЕ отмечал В.Т. Бондаренко [Бондаренко 1995: 13–14]. На материале кабардинского языка подобные исследования проводил Б.М. Карданов [Карданов 1982].

Авторское видоизменение ФЕ исследователи называют различными терминами – «трансформация» ФЕ, «авторизация», «модификация», «индивидуально-авторское преобразование», «авторская трансформация». Не вдаваясь в незначительные отличия терминов по содержанию, мы используем в основном термин «индивидуально-авторское преобразование».

Исследователи предлагают различные классификации индивидуально-авторских преобразований ФЕ. Так, А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский предлагают следующую типологию «авторской идиоматики»:

- авторские лексические модификации идиомы;
- авторские грамматические трансформации;
- авторские семантические модификации идиомы;
- авторские фреквенталии;
- авторские деархаизмы;
- собственно авторские идиомы [Баранов, Добровольский 2008: 495].

В нашей работе не рассматриваются авторские фреквенталии (идиомы, встречающиеся в обычном языке, но употребляющиеся в языке рассматриваемого писателя наиболее часто) и авторские деархаизмы (случаи художественного «оживления» вышедшей из употребления идиомы). Замечания по поводу частотности той или иной ФЕ в контекстах А.П. Кешокова делаются лишь по мере необходимости. Все другие приемы индивидуально-авторских преобразований имеют место в творчестве писателя, наша же задача – показать специфические для писателя приемы и прагматический эффект их применения.

В своей работе мы остановились на формально-семантической классификации: рассмотрим ФЕ с точки зрения изменения формы компонента (компонентов), структуры ФЕ, а затем рассмотрим семантику и коннотации измененных конструкций.

1. Формально-грамматические изменения ФЕ

Изменение морфологической формы компонентов ФЕ

При использовании данного приема обычно изменяются привычные синтаксические связи фразеологизма.

Глагольный фразеологизм **псэр IукIын** / испугаться (букв.: отойти душе) выступает в предложении обычно в роли сказуемого:

Думэсарэ и пацхъэм итыр Ботт. Зы шыгу гуэри, уанэ зытель шитIыр гупхэмкIэ къепхауэ, цытт, шитIым языр Астемыр зытесу цытар зэрыарар занцIэу къыщIэжри, и псэр IукIауц [Кешоков т. 2: 201]. / Перед Думасарой стоял Бот. Сзади стояла какая-то повозка с привязанными оседланными конями, признав сразу в одном из них коня Астемира, она испугалась.

Этот же фразеологизм при переходе глагола в деепричастие изменяет и синтаксические связи, приобретая при этом значение обстоятельства образа действия:

Саримэ, и псэр IукIауэ, зыщIухъумэжащ, Тембот и нитIыр къыхуу цхъэгъубжэмкIэ плъэрт. [Кешоков т. 2: 130] – Сарима, испугавшись, спряталась, Тембот с большими испуганными глазами смотрел в сторону окна.

Глагольные ФЕ, как и глаголы, способны к образованию причастных и деепричастных разновидностей, что естественным образом как расширяет стилистические возможности, так и меняет синтаксические функции ФЕ.

Псэ къыхыхъэжын – **псэр къыхыхъэжауэ** – прийти в себя; ожить, воспрянуть духом (букв.: вернуться душе):

Къаз, гуэгуш, бабыщ зырызхэр иукIауэ къагъуэтмэ, ар зыми щымыщу къальытэрт. Уеблэмэ Iэхъуэм дихуа жэмхэм къагъээзэжат, хэщIа цIагъуэ щымыIэу, хъэхэми я псэр къыхыхъэжауэ банэрт [Кешоков т. 2: 212]. / Если и

находят убитого гуся, индюка или утку, то считали, что все обошлось. Даже коровы, которых пастух отогнал на пастбище, почти все вернулись, собаки, воспрянув духом, лаяли.

Бот и кьыцу щытам псэ кьыхыхьэжат, шэдыбжсьыр щепцэрт, сьджсьыр зурт, гьукIитIыр льяцэрт [Кешоков т. 2: 315]. / Бывшая кузница Бота ожила, кузничный мех надувался, наковальня звенела, кузнецы кузнечили.

Псэр хэкIын – псэр хэкIауэ – перепугаться до смерти, испустить дух (букв.: выйти душе):

Лищыр зэрызекьуэу бжэщхьэIум Iутыху, физхэр унэм щIэлъэдащ, Iузизэ хэпцIыкI кьудейуэ бауэрт, иныкьуэми и псэр хэкIри бэуэн щигьэтащ жьыпIэнт, апхуэдэу зэпигьэурт и бэуэнри [Кешоков т. 2: 27]. / Пока мужики стояли у двери и спорили друг с другом, женщины забежали в дом, Узиза еле дышала, иногда даже казалось, что она испустила дух и не дышит.

Сэид и псэр хэкIауэ мыбэуэжсьифу бжыхь джабэм зыкIэридзащ [Кешоков т. 2: 369]. / Саид, перепугавшись до смерти, с одышкой укрылся под забором.

Унэхьугьуэр кьэсын – унэхьугьуэр кьэса – случиться несчастьем, произойти несчастье; пришло время несчастьем (букв.: прийти несчастьем):

Дэфэрэдж и тхьэкIумэм ар кьыщыцырхьэм, и щхьэфэцым зиIэтащ, «ди унэхьугьуэр кьэсащ» жиIэу, и дэлъхуитI зи хьыбар зэхихьу зи щхьэ имьлгьэгуари и гум кьэкIыжащ [Кешоков т. 5: 33]. / Дэфэрэдж, когда уловила это краем уха, у нее волосы встали дыбом, «пришло время несчастьем» подумав, она вспомнила про своих братьев, про которых она слышала, но никогда не видела.

Зэм Кьылышбий и кьуэм деж мажэ, зэм Аралп Залымджэрий кIэцIолъадэ, ирепIащIэ зи унэхьугьуэр кьэса Ботэщ Астемыр, Долэт щIэпIэщIэн лъэкь щыIэкьым [Кешоков т. 2: 135]. / Килишбий то бежит к сыну, то к Аралып Залимгирею подкатывает, пусть спешит Ботеш Астемир, у которого пришло время несчастьем, незачем Долету спешить.

Таким же преобразованиям подверглись и следующие ФЕ:

Лыгьэ зехьэн – лыгьэ зезыхьами – совершить мужественный поступок (букв.: сохранить мужество):

Лыгъэ зезыхъами, къэрабгъэу къыщIэкIами лыгъэр Iыхъэмыгуэщ, жалэр игъащIэм [Кешоков т. 2: 99]. / И для совершившего мужественный поступок, и для оказавшегося трусом мужество нераздельное, так говорят издревле.

ПыIэ зыщхъэрыгъ – пыIэ зезыхъэфыр – мужчина, человек мужского пола (букв.: на котором шапка):

ПыIэ зезыхъэфыр зауэм щыIэщ [Кешоков т. 4: 40]. / Все мужчины на войне.

И нэвагъуэр егъэлыагъужын – и нэвагъуэр иримыгъэлыагъужауэ – показать, где раки зимуют (букв.: показать глазу звезды):

(Инус) Абы тхъэлыанэ ищIат и бийм и нэвагъуэр иримыгъэлыагъужауэ мыувыIэнуи, теныIэжыртэкъым [Кешоков т. 2: 31]. / (Инус) Он поклялся, что не успокоится, пока не покажет своим врагам, где раки зимуют.

Удын ехын – удын ехыкIэ – ударить, нанести удар (букв.: спуститься удару):

(Апчарэ) Iэ ижъымкIэ удын ехыкIэ зэдгъащIэрт... [Кешоков т. 4: 86] / (Апчара) Мы учились, как наносить удар правой рукой...

Насып хэлын – насып зыхэлыр – быть предназначенным судьбой; что суждено судьбой (букв.: счастливо находиться):

(Саримэ) Уи насып зыхэлыр пщIэнукъым [Кешоков т. 2: 7]. / (Сарима) Не знаешь, что суждено тебе судьбой.

В некоторых случаях формально-грамматические изменения ФЕ – результат отражения авторской манеры письма, но в большинстве случаев это реализация грамматической парадигмы ФЕ.

Добавление аффиксов к одному из компонентов ФЕ

Гум къэкIыжын – вспомнить (букв.: сердце вспомнит):

Елдаррэ Темботрэ щызэпсалгъэм жалар Лу и гум къэкIыжат: – *Удэклуеифын?* – *жиIэрт Елдар* [Кешоков т. 2: 45]. / Лю вспомнил, что сказали Эльдар и Тембот: – Сможешь подняться? – спрашивал Эльдар.

Данный фразеологизм в контексте писателя получает различные аффиксы, в результате чего изменяются смысловые оттенки:

гум къэкIыжагъэнти – наверное, что-то вспомнил; где **а** – показатель прошедшего времени, суффикс **-гъэ-** (**гъэ+н**) [Урусов 2000: 117] выражает предположение о существовании действия; в кабардино-черкесском языке предположительное наклонение объединяется с индикативом общностью утвердительного суффикса **-т** [Каб.-черк.яз. т. 1: 220] + соединительный суффикс **и**.

Астемыр аргуэру жиIащ и унэцIэр. Писырым, зыгуэр и гум къэкIыжагъэнти, зиущэхужащ [Кешоков т. 2: 60]. / Астемир повторил свою фамилию. Писарь, наверное, что-то вспомнил, поэтому притих.

Гум къэкIыжыххэртэкъым – не вспоминал, забыли про что-то напроць, где двойной **-хх-** выполняет усилительную функцию + аффикс динамичности **-р-** [Урусов 2000: 115] + суффикс прошедшего времени **-тэ-** [ГКЯ 1970: 44) + суффикс отрицания **-къым**. [Урусов 2005: 60]:

Астемыр и гугъакъым абыкIэ къеуницIыну, хъэжымрэ абырэ зэрызэзауэрэ мащIэ щIат, уеблэмэ ар къыщыхъуа къуажэм ящыгъуницэжати, зыми и гум къэкIыжыххэртэкъым, арихъэкIэ, абы хуэдэр зыщымыгъуницэ щыIэу къыщIэкIынти, тетыр къызыщIэуницIэм и жэуаныр етын хуейт [Кешоков т. 2: 65]. / Астемир не думал, что его об этом спросят, прошло много времени с тех пор, когда они подрались с хаджой, даже жители села, где это произошло, уже давно забыли об этом, никто и не вспоминал, но, наверное, были и те, которые такое не забывают, нужно было ответить на вопрос хозяина.

Новые смысловые оттенки вносят добавленные аффиксы и в следующих примерах:

гум щIыхъэщауэ – очень сильно огорчиться; слишком огорчена чем-то (букв.: вошла слишком глубоко в сердце), где суффикс **-щэ** показывает преувеличенное выполнение работы + аффикс деепричастия **-уэ**:

И анэм зы псалгэ къыхудэшеижыркъым. Хъэбибэ зыкъызэкъуихрэ къеуэмэ, Апчарэ зыхищIэнтэкъым, арихъэкIэ модрейр, и гум щIыхъэщауэ, зыкъримыгъащIэу магъ [Кешоков т. 4: 21]. / Мать не может ни слова вымолвить. Если Хабиба неожиданно ее ударит, Апчара не почувствовала бы, но та слишком огорчена, незаметно плачет.

Гу льямытэххэу – вообще не замечая (букв.: сердце вообще не замечало), где двойной **-хх-** выполняет усилительную функцию + аффикс деепричастия **-у**:

Гъуэгум уздытетым зэ зыр зыщЫнІэкІэ жэрэ удз кѳихъу, зэ адрейм нэгъуэщІ удз кѳифыщІурэ, мычэму цІыкІухэр зыгуэрым цІэупщІэрт, удз хуцхъуэ фІэкІа кѳэмыкІыж я гугъэу, мащІэ-мащІэурэ гу льямытэххэу Шы-нэхужьыкъуэ дэт Апчарэ и фермэм нэблэгъащ [Кешоков т. 4: 55]. / В дороге то одни бегут куда-то и несут какие-то растения, то другие рвут другие растения, и о чем-то все время спрашивали, думая, что растут только лекарственные растения, понемножку, вообще не замечая, они приблизились к ферме Апчары, которая находится в Долине белых ягнят.

Гур нэхъ тІысыжауэ – со спокойной душой (букв.: сердце более севшее), где частица **нэхъ** показывает сравнительное действие (употребляется при сопоставлении близких, похожих действий) [Урусов 2014: 217], суффикс **-ж-** показывает возвратность действия, **а-** показатель прошедшего времени + аффикс деепричастия **-уэ**:

Хъэбибэ бжэІупэм Іуту плъэри, зэдэльхузэшыхъур хъарзынэу зэпсалъэу щилъагъум, и гур нэхъ тІысыжауэ и Іуэху и ужь ихъэжащ [Кешоков т. 4: 29]. / Хабиба, стоя у дверей, увидела, что брат с сестрой спокойно разговаривают, и со спокойной душой вернулась к своим делам.

Унагъуэбжэр хуэщІын – найти свою погибель; ему крышка; его песенка спета (букв.: закрыть семейную дверь):

Фэ фызыхуэмейм цІэ кѳыхувогъуэт: молэщ, хъэжыщ, кулакищ е под-кулакищ, жыфІэурэ. ЦІэ кѳызыхуэвгъуэтым и унагъуэбжэр хувощІ. АмІэ Къазджэрий и унагъуэбжэри хуевгъэщІыж, уи адэр абы и адэм иукІыу фи унагъуэбжэр зэрыхувигъэщІыжауэ щытам хуэдэ къабзэу. Щхъэ пицыгъупца уэ уиль пицІэжын зэрыхуейр? [Кешоков т. 3: 657] / Не угодным вам вы находите причину: мула, хаджа, кулак или подкулак. А к кому не сможете придраться, того со свету сживаете. Тогда и Казгирея накажите, точно так же, как его отец принес в ваш дом горе, убив вашего отца. Почему вы забыли про кровную месть?

С помощью различных аффиксов во втором и третьем употреблении ФЕ *унагъуэбжэр хуэщӀын* конструкции получают дополнительные смысловые значения:

унагъуэбжэри хуевгъэщӀыж – наказать; заставить страдать (букв.: заставьте его тоже закрыть свою семейную дверь), **-гъэ-** каузативный префикс, но в этой функции он выступает при наличии побуждаемого лица **-в-** (*фэ – вы*) [ГКЧЛЯ 1970: 156], суффикс **-ж-** показывает возвратность действия;

унагъуэбжэр зэрыхувигъэщӀыжауэ – заставил вас страдать; принес в дом горе (букв.: заставил вас закрыть семейную дверь когда-то) где **-зэры-** префикс взаимности [Урусов 2014: 179], **-гъэ-** каузативный префикс, суффикс **-ж-** показывает возвратность действия, **а-** показатель прошедшего времени + аффикс деепричастия **-уэ**.

Проведенный анализ показал, что и при неизменном составе ФЕ испытывают влияние контекста. При различных же трансформациях ФЕ связь со смысловым содержанием контекста становится еще теснее: контекст может требовать изменения семантики ФЕ, ее структуры. Писатель демонстрирует системные случаи целенаправленного изменения ФЕ, продиктованные экспрессивно-стилистическими задачами контекста.

2. Изменение компонентного состава ФЕ

Изменение компонентного состава ФЕ может привести к изменению ее структуры, или она может оставаться неизменной в случае замены компонента. Проведенный анализ показал, что А.П. Кешоков производил замены компонента всех структурно-семантических типов ФЕ, но чаще всего таким преобразованиям подвергались фразеологические единства и поговорки.

Замена одного из компонентов ФЕ может быть связана с явлением синонимии, т.е. замещенный компонент – синоним (языковой или контекстуальный). В таком случае вопрос о получившейся в результате замены конструкции оказывается частью непростого вопроса о структурно-вариантных синонимах и фразеологических вариантах.

Проводя свою классификацию приемов индивидуально-авторского варьирования ФЕ писателем, мы основываемся в основном на формальных признаках, а уже затем учитываем и семантические. Конструкции, которые мы определяем, вслед за Б.М. Кардановым, как фразеологические варианты, рассматриваются нами как возникшие и в результате формально-грамматического изменения компонента, и в результате замены компонента.

Б.М. Карданов отмечал: «...При образовании фразеологических вариантов в определенной модели имеет место лишь изменение словоформ, входящих в состав фразеологизма. При этом особо существенных различий – ни в плане семантическом, ни в плане эмоционально-экспрессивном – между вариантами не имеется. Следовательно, фразеологическая модель сохраняет свою специфику – внутреннюю организацию» [Карданов 1982: 53–54]. В качестве примеров он выделяет конструкции:

1. Вариация лексических дублетов без изменения словоформ:

КъыщцІэвмыгъэхъэ псэ зыныт, – жиІэри Гуащээнэ бжэм деж хъыджэбз игъэуващ [Кешоков т. 2: 299]. / Ни одной живой души не впускайте сюда, – сказала Гуашана и поставила девушку у двери.

Елдар кІуэуэ ахъшэ къыщцхъа жэщым къыщццІэдзауэ нобэ къэс псэ зыІут щІыхъатэкъым [Кешоков т. 2: 203]. / С той ночи как Эльдар принес деньги, туда ни одна живая душа не входила.

АтІэ шэс дыздохъэ дэ щыр. Къафццтэ фи Іэр, тхъэ зэхудоІуэ захуагъэ гъуэгу дыздытетыну [Кешоков т. 2: 158]. / Так вот, мы втроем друг за друга ручаемся. Дайте руки, клянемся, что мы будем идти по справедливой дороге (встречается вариант *шэсынІэ*).

2. Вариация лексем с изменением структуры слова:

(Колхоз Іэтащхъэ) -Узаочник? Учебник цхъэ пІыгъ? – (ПытІу) Ещанэ курсым сыхэси, – *жеІэри модрейм пІыжъыр еунс* [Кешоков т. 4: 45]. / (Председатель колхоза) – Ты заочник? Почему ты держишь учебник? – (Пыту) – Я же на третьем курсе, – беспардонно лжет он.

ФЕ *нэ зылут* означает *живой* (букв.: у кого душа имеется в наличии). Замена глагольного компонента не несет ни стилистической, ни семантической нагрузки. Мы относим данный прием к изменению компонентного состава ФЕ писателем, при котором не происходит ни усложнения семантики, ни стилистической окраски.

Во втором примере ФЕ *нилы унсын* означает *врать*. Существительное *нилы* / *ложь* имеет в конструкции – *нилыжбыр еунс*, экспрессивный аффикс *-жь*, который влияет на коннотации конструкции. Мы относим данный прием к формально-грамматическим изменениям компонента ФЕ. При этом, разумеется, считаем обе приведенные конструкции фразеологическими вариантами.

Проведенный анализ показал, что писатель широко использует прием замены компонента и в одних случаях эта замена не влияет на семантику ФЕ и стилистические особенности (как в приведенном выше примерах), так и влияет.

3. Замена компонента ФЕ, как отмечалось, часто связана с явлением синонимии.

Щхэр кыфIэхуауэ – кыфIэлэлауэ – поникнуть головой; прийти в отчаяние (букв.: голова отвалилась):

Щыхухъухэр нэщхъей защIэт, я щхэр кыфIэхуауэ, я щIыбагъыр зэхуэгъэзауэ гум ист изу [Кешоков т. 3: 608]. / Люди все грустные были, поникнув головой, сидя спиной к друг другу, сидели в переполненной телеге.

Щалэгъуалэр зэрыгъэдыхъэшхыу псоми я щIыбагъым кыдэтт. Сэид сымэ я щхэр кыфIэлэлынауэ щытт [Кешоков т. 3: 575]. / Молодежь веселилась у всех за спиной. Саид и остальные совсем поникли головой.

КыфIэхуауэ – деепричастие от глагола *кыфIэхун* / *отвалиться* со значением *отвалившись*, где *а-* показатель прошедшего времени + аффикс деепричастия *-уэ*;

кыфIэлэлынауэ – деепричастие от глагола *кыфIэлэлын* / *повиснуть* со значением *совсем повисла*, где *а-* показатель прошедшего времени + аффикс деепричастия *-уэ* (а *-нэ-* суффикс возможности действия [ГКЧЛЯ 1970: 151]).

Замена компонента изменяет семантику и интенсивность высказывания, делая его более образным.

Утыкум кьихьащ / кьильэдащ / кьипщхьащ – вышел / проник (влез) с предложением (букв.: вынес /выбежал/ вполз в центр площади, круга):

– *Et, Сэид, et. Сэбэп хьунуми ницIэркьыми, – жиIэу Бэлацэ утыкум кьихьащ* [Кешоков т. 2: 98]. / Дай, Саид, дай. Может, пригодится в хорошем деле, – вышел Баляца с предложением.

Долэт яхуэмубыду утыкум кьильэдащ аргуэру: – Сэ сфIэзахуэц кьулыкьуцIэ колхоз тиIыну [Кешоков т. 3: 569]. / Долет опять выскочил с предложением, никого не слушая: – Я считаю правильным делать колхоз должностным.

Долэт пхуэубыдынутаэкьым. Абы зыгуэр зэрицIэр IуницIу утыкум кьафIуницхьащ: – Щхьэ фIыцIэ хуамыцIрэ жызыIэм феуницIыт: еджа-кIуэм советскэм и бейгуэлкIэ ицIеджэр сьт, жыфIи. Е дауэ, бейгуэл дьдэми бейгуэл зэрыхьунур лагьым ядзу, бомбэ яцIу [Кешоков т. 3: 646]. / Долета не удержать было. Показывая, что он что-то знает, влез с предложением: – Спросите тех, кто спрашивает, почему не благодарят: скажите, почему учащегося зовут слугой советского. И если даже и слуга, как они могут быть слугами, когда бросают динамиты и делают бомбы.

Кьихьащ – глагол со значением *вышел*, где *а-* показатель прошедшего времени + копула-суффикс статичности *-щ* [ГКЧЛЯ 1970: 120];

кьильэдащ – глагол со значением *выбежал*;

кьипщхьащ – глагол со значением *впозти*.

Данные глаголы со значением движения *кьихьащ / кьильэдащ / кьипщхьащ* во фразеологических конструкциях *утыкум кьихьащ / вышел* перед кем-то, *утыкум кьильэдащ / пробежал* перед кем-то, *утыкум кьипщхьащ / влез* перед кем-то, различаются по семантике и интенсивности действия и изменяют экспрессивности окраску.

Таким же преобразованиям подверглись и следующие ФЕ:

уигурэ уи щхьэрэ зэтелъу / зэтету – быть уверенным в себе; быть хладнокровным (букв.: сердце и голова лежат/стоят друг на друге):

Елдар игурэ и щхьэрэ зэтелъу щилъагъум, Степан Ильич нэжэгужэ къэхъуауэ къэтэджащ [Кешоков т. 2: 158]. / Видя, что Эльдар уверен в себе, Степан Ильич приободренно встал.

Уигурэ уи щхьэрэ зэтету Гуэхур букъуэдийми, блэжъыр тэмэму зэ-рыблэжъыр хьэкъыу уи фIэщ мыхъуамэ, зэIыбгъэхъэнкIэ мэхъу [Кешоков т. 3: 496]. / Хотя и приступишь к делу с хладнокровием, если не будешь четко вникать, что это правое дело, то можно и запутать все.

В данных ФЕ **зэтелъу**/лежа друг на друге и **зэтету**/стоя друг на друге замена компонента не влияет на семантику и коннотации ФЕ что используется писателем в стилистических целях.

Джэдгын зи жагъуэм и Iупэм / пащIэ щIыIу къытокIэ – (посл.) чего опасаться, то и сбывается (букв.: у того, кто не любит чебрец, над губами/усами растет):

Хэт хуэзэми идэрт Астемыр, ауэ къуажэ старшынэм хуэзэну фIэфIтэкъым. Джэдгын зи жагъуэм и Iупэм къытокIэ, жыхуаIэр арати, шокъу жиIэу старшынэм хуэзащ, арицхьэкIэ сэлам ирихыу, къызэтемыувыIэу зыблригъэхыну арат и мурадыр [Кешоков т. 2: 15]. / Астемир согласился бы встретиться с кем угодно, лишь бы не с сельским старшиной. Как говорится, чего опасаться, то и сбывается, встретился со старшиной, но он решил просто поздороваться и пройти не останавливаясь.

Джэдгын зи жагъуэ и пащIэ щIыIу къытокIэ жыхууIэу хъуащ Iуэхур; Жыраслээн зыщышына дьдэм хуэкIуащ псалъэмакъыр: – Кавказым и тетыр хэтиц жыпIат? [Кешоков т. 3: 127] / Дело получилось точно так, как говорится: чего опасаться, то и сбывается; разговор пришел к тому, чего больше всего боялся Жираслан: – Кто, сказал, правитель Кавказа?

Алыхьыр зыщыгъупщэм и гъуэгу дахэ / тэмэм хъунукъым – (посл.) Кто забывает Аллаха, у того дорога плохой (по жизни) становится

*Мусэ и псалъэр зэрызэпигъэууэ, Ашэ къэпсэлъащ: – Алыхьыр зыщыгъу-
ницэм и гъуэгъу дахэ хъунукъым, – жиІэри* [Кешоков т. 2: 279]. / Когда Муса
прервал свой разговор, Аша сказал: – Кто забывает Аллаха, у того дорога не
станет красивой.

– *Алыхьыр нищыгъуницэм, уи гъуэгъур тэмэм хъунукъым, – жиІэри Ашэ
къэпсэлъащ, Астемыр и псалъэм къытищэ хуэдэу* [Кешоков т.2: 284]. / Забудешь
Аллаха, твоя дорога плохой станет, – сказал Аша, дополняя слова Астемира.

Ажэ / вы цІыкІу бжъакъуэшхуэ – неказистый молодой человек с пре-
тензиями не по возрасту (букв.: маленький козел/бык с большими рогами):

*Ажэ цІыкІу бжъакъуэшхуэм узрихулІа Іуэхум арэзы техъуэн хуейуэ
аращ* [Кешоков т. 3: 292]. / Нужно соглашаться с делом, к которому насильно
подогнал этот неказистый молодой человек.

Вы цІыкІу бжъакъуэшхуэу къафІэщІа тырку пащтыхьыр и нэщхьыр
зэщІэукІауэ зы псалъи жимыІэу гупсысэрт [Кешоков т. 5: 203]. / Показавший-
ся неказистым турецкий султан сидел, нахмурившись, не говоря ни слова.

Замена может изменять оттенки семантики (усиливать интенсивность
действия) – если глагол, характеризует речь персонажа и т.д.

Хъэм и губжь кхъуэм щехъэ /хухъ – (погов.) злобу вымещать на дру-
гом (букв.: собака свою злобу вымещает на кабане):

*Бургомистрыр къэгубжьырт, ар и гум къэкІми, и диным икІырт, хъэм
и губжь кхъуэм щехъэ, жыхуалэм хуэдэу и гур зытригъэпщэхэныр ищІэртэ-
къым, Хъэбибэ фІэкІа* [Кешоков т. 4: 340]. / Бургомистр гневался, когда он
вспоминал об этом, выходил из себя, как говорится, свою злость собака выме-
щает на кабане, он не знал, на кого свою злобу выместить, кроме как Хабибы.

*Щеихыдэн лъэкъи щылакъым, сьт ицхъэкІэ жыпІэмэ, ар си зэрону
зэрыщытыр тэмэму ещІэ, ауэ хъэм и губжь кхъуэм хухъэ жыхуалэр арати,
сэ къысфІэнэн къызимыкуу, лажъэ зимыІэр къыпэщІэхуати, щыхъащ* [Кешо-
ков т. 5: 99]. / Не было причин его ругать, потому что он знал, что это моя
вина, но, как говорится, свою злость собака относит кабану, он не решился со
мною ссориться, вот и пристал к попавшему, невинному.

Хамэхээр кьихьэри / кьыдыхьэри унэхээр ирихуаш – (послов.) говорят о наглеце, который покушается на чужое (букв.: чужая собака зашла/вошла и дворовую собаку прогнала):

Иджыри жызоІэри: хамэхээр кьихьэри унэхээр ирихуаш. Ауэ Деникыныр куэдрэ щыбэнэну кьыщІэкІынкьым ди тцІантІэм [Кешоков т. 3: 196]. / Еще раз повторяю: чужая собака зашла и дворовую прогнала. Но Деникин долго не будет властвовать у нас.

– **Хамэхэ кьыдыхьэри унэхээр ирихуаш**, – *дыхьэшхырт Екьуб, Жырасльэн хьумакулуэхэр зэрыткІищэм зэрыритхьэусыхэм едаІуээрэ* [Кешоков т. 3: 296]. / Чужая собака вошла и дворовую прогнала, – смеялся Якуб, выслушивая хныканье Жираслана о том, как жестоки охранники.

Замена компонента ФЕ, связанная с явлением синонимии, синоним может быть и разноструктурным:

цІыху кьуэбэбжьабэ (букв.: человек ветвистый) и **ишхар и дзажэ дэмыхьэу** (букв.: съеденное через ребро не входящее) означающие – колкий, язвительный, неуживчивый, делающий пакости человек:

Инус хьэжыр **цІыху кьуэбэбжьабэ** гуэрт, хьэжыщІ кІуэуэ хьэж ищІа щхьэкІэ, и хьэлыр зыхинакьым, игьащІэм зыгуэрым фІэмынэм **ишхар и дзажэ дэмыхьэу** арати, зэрыщытауэ кьэнэжат [Кешоков т. 2: 15]. / Хаджа Инус был неуживчивым человеком, хотя и был в хадже и сделал хадж, он не поменял свои привычки, если он не спорил с кем-то, не пакостил кому-то, то не удовлетворялся, таким и остался.

Напэниэ (букв.: без лица) и **напэм кьэнжал темьлэмэ** (букв.: лицо покрыто жестью) означающие – бессовесный, бесстыжий:

– *Узахуэц, Жырасльэн. Ауэ а напэниэм ІэщІэль сэихуэр езыми кьрихыркьым. Кьызыхынуми... Ди эмирми кьритыркьым, – кьыхопсэльыхь зигьэфэрыщІу Дышнинскэр* [Кешоков т. 3: 289]. / Ты прав, Жираслан. Но этот бессовестный не достает свою саблю. А кто достанет... И нашему эмиру не дает, – вторгается в разговор, проявляя показную любезность, Дышнинский.

– *Ей, фи напэм кьэнжал темьлэмэ, лы Іуцым жиІэм девгьэдаІуэ. Лы Іыхьэ щхьэкІэ физэрымыш хьэм хуэдэу* [Кешоков т. 5: 197]. / Ей, бес-

стыжие (букв.: если у вас вместо совести не стальной лист), дайте выслушать мудрого человека. Не надо из-за куска мяса грызться, как собаки.

Гур зэрыгьум дыгьур ироклуэ – (погов.) случается то, чего опасешься (букв.: по чему сердце сохнет, вор проходит);

зытегузэвыхьам ІэкІэ теІэбащ – самому убедиться воочию в том, чего боялся (букв.: того, чего боялся, рукой коснуться):

Арицхэклэ уи гур зэрыгьум дыгьур ироклуэ жыхуаІэрати, кьалэ мухьутарыр зытегузэвыхьам ІэкІэ теІэбащ, ямыцІэххэу зэрызехьэшхуэ кьэхьури [Кешоков т. 5: 377]. / Но, как говорится, случается то, чего опасешься, городской мухтар сам убедился в том, чего боялся, из-за случившейся непредвиденной неразберихи.

4. Добавление компонента в ФЕ.

Изменение компонентного состава ФЕ приводит к изменению ее структуры.

В случае сокращения компонентного состава или введения в состав ФЕ дополнительного компонента или компонентов:

а) компонент сложного слова:

нэм Іугьуэр кьыщІихын – хмуриться, сердиться (букв.: из глаз дым идти):

(Къылышбий) *И нитІым Іугьуэр кьыщІихыу Аралымрэ Астемыррэ кьызэтиплыхьащ* [Кешоков т.2: 61]. / (Кылишбий) Рассерженно, пристально рассмотрел Аральпа и Астемира.

Путем добавления числительного **тІу** (два) к ФЕ усиливается интенсивность действия, эффект сердитости – **нитІым** (из двух глаз).

б) Путем добавления существительного:

псэр хэхын – лишить жизни, наказать (букв.: душу вынуть):

(Апчарэ) – Зэхэфха абы жиІар? Уи псэр ІэбжьанэкІэ хэсхыни. Ара узыхуейр, пьаницэжь. Сыту уи жьэм кьеклуэу жьыІа! [Кешоков т. 4: 13] / (Апчара) – Слышали, что он сказал? Лишу тебя жизни ногтями. Ты этого хочешь, пьяница. Как ты мог такое произнести!

В пословицу **лІэнми лЫгьэ хэлыщ** /в смерти есть мужество (букв.: и умереть мужество находится) добавлена ФЕ **и чэзум** /вовремя, и она приоб-

рела новое значение со сложными компонентами – *и чэзум улЭнми лЫгъэ хэльщ* /вовремя умереть есть мужество:

– *И чэзум улЭнми лЫгъэ хэльщ*, – *Серго мэдыхъэшх*. – *Эмиратым и выгур уфэрэкIри эмирыр щIупIытIащ* [Кешоков т.3: 430]. / Вовремя умереть – это тоже мужество, – Серго смеется. – Обоз Эмирата перевернулся и задавил эмира.

в) Путем добавления прилагательного:

щхьэр къекъутэхын – наказать (букв.: сшибить голову):

(Гъуумар) – *АтIэ уумей щхьэ къапщтэрэ? Къракъутэхыниц уи щхьэ гъуапльэр*. *Старшынэр гъунэгъуу щыт уи гугъэ?* [Кешоков т. 2: 9] / (Гумар) – Так зачем брать чужое? Накажут твою медную голову. Думаешь, старшина всегда будет рядом?

Путем добавления прилагательного *гъуапльэр* / медная ФЕ приобрела и качественное значение, при этом усилилась экспрессивная окраска.

Псэр зышхын – дорогой, милый (букв.: который съест мою душу):

– *А тIу, а си псэ тIэкIур зышхын*, *тхьэ къыджепIэн – си щIалэ цIыкIу мыгъуэм ухуэмызауэ нIэрэ? Нобэ мыгъуэми ныжэбэ мыгъуэми сынопльэри, хьыбари бжъэбари иIэкъым*, – *жиIэрт фызыжъ гуэрым* [Кешоков т. 2: 235]. / Ай, милый моей маленькой душе, скажешь нам – не встречался ли тебе мой мальчик? И днем и ночью жду его, но нет никаких вестей, – спрашивала одна старушка.

ФЕ *си псэр зышхын* /который съест мою душу, путем добавления качественного прилагательного *тIэкIу* /небольшой со значением усиления нежности, приобрела форму – дорогой моей маленькой душе.

Напэр техын – опозориться (букв.: снять лицо):

Джэгуалъэ ящIащ, *и напэ хужьыр трахащ* *Iуащхьэмахуэ, удэкIыну Iэмал иIэкъым жыхуаIэу щытам* [Кешоков т. 4: 228]. / Местом игрища сделали, опозорили Эльбрус, ведь говорили, что туда невозможно подняться.

г) Путем добавления частицы:

гын пшха – объестся белены, обезуметь (букв.: съест яд)

– *ПщIэр сьт? Гын мыгъуэр пшха?* [Кешоков т.3: 75] / Ты что делаешь? Совсем обезумел?

ФЕ *гын пиша?* /ты яда съел? путем добавления усилительной частицы со значением сожаления, недовольства *мыгьуэ*, приобрел форму – ты съел смертоносный яд?

д) Путем добавления обстоятельственного компонента:

напэр техыжын – опозориться (букв.: лицо снять самим).

ФЕ *напэр тетхыжын* /опозориться, осрамиться путем добавления компонентов *ди* /наш и *ІэкІэ* /руками, получил новое значение – **напэр ди ІэкІэ тетхыжащ** /опозорились собственными руками:

– *Ди напэр ди ІэкІэ тетхыжащ. Ар дауэ? Дыщызэхуэзэну цхьэлыр гурылуэгьуэу цхьэ жывымыларэ? Жылэм цхьэл мащІэ дэт?* [Кешоков т. 2: 14] / Мы опозорили себя собственными руками. Как это так? Почему не объяснили конкретно, у какой мельницы мы встречаемся? Мало ли в селе мельниц?

А.П. Кешоков использует прием сокращения компонентов (эллиптирование), причем в его текстах встречаются различные типы эллипсисов: так называемые несамостоятельные эллипсисы, которые не воспроизводятся в преобразованном виде, и самостоятельные эллипсисы, воспроизводящиеся в преобразованном виде и понятные для читателя.

Прием эллиптирования основывается на том, что читатель способен соотнести редуцированную часть с нормативной формой. Использование несамостоятельного эллипсиса обычно происходит с одновременным использованием ФЕ в нормативной форме, и чаще всего – в диалоге писателя.

Лэнум зыгьэлІэн гын ешх – (погов.) кому суждено умереть, тот принимает яд, от которого умрет.

Автор использовал данную поговорку без существительного *гын* /яд, оно выпало:

Жыраслээн зрельэфыхьри щысщ. – Лэм зыгьэлІэн ешх, жи [Кешоков т. 3: 141]. / Жираслан сидит и не торопится. – Кому суждено умереть, тот принимает то, от чего умрет, говорят.

Использует писатель данный прием и в авторской речи:

ирауд бэнэнкІэ зигьэнщІыркьым – (погов.) говорят про неутомонных (букв.: кого валят, тот борьбой не насыщается):

Адыгэми, ирауд бэнэнкIэ зигъэнищIыркъым жыхуаIэу, псоми запешэ, хэкур лъабжъэкIэ изыхым яхуимыгъэгъун и гугъэ щхъэкIэ, дэтхэнэм упэлъэщын? [Кешоков т. 5: 136] / Адыги, как говорится, кого больше побарывают, тот чаще лезет бороться, со всеми связываются, хотя и думают, что смогут противостоять набегам на свои земли, которого осилишь?

Ирауд зигъэнищIыркъым, жыхуаIэр арати, уэсым хакухъыр къыщылъэ-тыжырти ар къытезыдзам зридзырт. Модрей къомри зэрыгъэдыхъэихырт. Хэт ираудар ауан ищIырт, хэти текIуам щытхъурт [Кешоков т. 2: 94]. / Как говорят, кого больше побарывают, тот чаще лезет, тот, кого в снегу валят, вскакивал и лез драться с обидчиком. Все смеялись над этим. Кто-то смеялся над побежденным, кто-то хвалил победившего.

В данной ФЕ выпал компонент *бэнэнкIэ* /борьбой. Прием эллиптирования писатель использует и в конструкциях с паремиями, в которых опущенные компоненты легко восстанавливаются (самостоятельные эллипсисы).

Гугъэмрэ жеймрэ адэ щIэиныфIщ – (посл.) надежда да сон, доброе наследие предков (отцов).

(Жырсалъэн) – Гугъэр адэ щIэиныфIщ, жи... [Кешоков т. 3: 164] / (Жираслан) – Надежда – доброе наследие отцов, говорят.

Здесь выпало существительное *жеймрэ* (и сон).

При эллиптировании особая роль отводится опущенной части, которая обычно связана с коммуникативной установкой персонажа.

Эллипсис ФЕ в авторской речи также выполняет определенные функции. Прежде всего, он дает возможность не повторять один и тот же оборот неоднократно, поэтому часто используется в пределах одного предложения ФЕ и второй раз – компонент фразеологизма, сохраняющий значение полной единицы:

гур гъурт – тревожиться, беспокоиться (букв.: сердце сохнуло):

Къулым и гур зыгуэркIэ гъурт, щIэгъур къыхуэмышIэ. [Кешоков т. 4: 72]. / Кул тревожился из-за чего-то, и не мог понять, о чем тревожится.

Сабэр уафэм дрепхъей – рвет и мечет (букв.: пыль в небо подбрасывает):

Апчарэ и гугъат дадэр гуфIэнуи – дэнэт, Бекъан и губжъыр иджыри теклакъыми, сабэр уафэм дрепхъей. Дауи дримыпхъеинрэт – Бекъан

шыцІэр зэІихыху, шибл ядыгъуат [Кешоков т. 4: 241]. / Апчара думала, что дедушка обрадуется – где там, Бекан еще не успокоился, рвет и мечет. Как не метать – пока Бекан занимался жеребенком, семерых коней украли.

НэгъуэщІым мащэ къыхуэзытІыр мащэм ихуэжынщ – (посл.) кто другому яму роет, сам в яму попадет:

Ауэ нэгъуэщІым мащэ къыхуэзытІыр мащэм ихуэжынщ. Уэ цІыхум къахуботІыр мащэ, Инал. Хуэсакъ, уихуэжынщ [Кешоков т. 4: 658]. / Кто другому яму роет, сам в яму попадет. Ты роешь яму людям, Инал. Будь осторожен, сам попадешь.

Контекст часто актуализирует эллиптированную часть, ее возможные субъективно-модальные, экспрессивно-эмоциональные значения.

3.3. Комбинированные приемы авторского изменения ФЕ

Одним из широко используемых А.П. Кешоковым приемов является сочетание различных видов трансформаций; анализ показал, что при этом достигается особая выразительность.

МафІэм и гъунэгъу лыр мажъэ – (погов.) мясо, близко лежащее к огню, жарится:

МафІэм и гъунэгъу лыр мажъэ, жи. Хэт ищІэрэ... – Жъэ къудейкъым. ИкІи нэхъ псынциІэу елынциІ. – Мор зыми илынциІыркъым. – ИджыпстукІэ имылынциІми, илынциІынущ. Уигу сыкъэгъэкІыж [Кешоков т. 3: 276]. / Как говорится, мясо, близко лежащее к огню, жарится. Кто знает... – Не просто жарится. И быстрее обугливается. – А его ничто не берет. – Пусть сейчас и не обгорает, но потом точно обгорит. Тогда вспомни меня.

В приведенном контексте писатель использует образы пословицы; в последующий за паремией контекст вводится слово из паремии (*жъэ* / жарится), затем слово-синоним с более интенсивным значением (*елынциІ* / обугливается, обгорает).

Уезыхъэжъэну жъым зыдегъэкІу – (погов.) подстройся под сильных (букв.: подстройся под ветер, который тебя унесет):

– *Кавказым исхэр зы бэракъым щІэту зэдэзэуауэ щытамэ... АрицхьэкІэ хэт къуришым йохъэж, хэт губгъуэм йольэдэж, хэти тенджызым хопкІэжри... ЗызыдедгъэкІуну жьыр къыздыкъуэунумрэ а жьым дрихъэжъэмэ, дызэпхъуэунумрэ тицІэркъыми...* [Кешоков т. 3: 111] / Если бы жители Кавказа воевали под одним знаменем... Но кто-то уходит в горы, кто-то убегает в степь, кто-то уплывает в море... Если бы мы знали, откуда подует ветер, под который мы должны подстроиться, и за что хвататься, если этот ветер нас подхватит.

В результате оживляется образная основа, направленная на буквальное восприятие действий, а также участников ситуации, запечатлённых в пословице. Буквализация образа приводит к актуализации как фразеологического, так и буквального значения.

Такого же эффекта автор достигает и в следующих примерах:

уи хъэ бажэ кьиубыда? – чего хохочешь? что за переполох? (букв.: твоя собака лису поймала, что ли?):

И нэ щІы имыльагъужу, тхылъымпІэ гуэрхэр шЫгъыу Хъалидэ кьижсыхъу щыслъагъум: «Мыр лю, Хъалидэ, уи хъэ бажэ кьиубыда? Щхъэ къэбжсыхърэ?» – жыслэу сыщепуцІым: «Си хъэракъым къэзыубыдар – сэрац», – жи [Кешоков т. 3: 127]. / Увидев Халиду, которая бежит с бумажками, ничего не видя: «Что с тобой, что за переполох (твоя собака лису что ли поймала)? Почему бегаешь?» – спросил ее: «Не моя собака поймала – я», – ответила она.

В данном случае наблюдается замена компонента (существительное *бажэ* (лиса) заменено на местоимение – *сэрац* (я)) и ряд формально-грамматических изменений:

к существительному *хъэр* – добавлен суффикс отрицания *-къым*, таким образом приобретая форму *хъэракъым* (не собака) и указывая на *сэрац* (я), а в глаголе *къэзыубыдар* (который поймал) присутствует аффикс 1 лица *-з-* и суффикс причастия *-р*.

Лажъэм лыжь ишхынщи, мылажьэм лажъэ игъуэтынщ – (посл.) будет работать – достаток, а не будет – нужда (букв.: тот, кто работает, суженое лежалое мясо будет кушать, а тот, кто не работает, беду найдет):

Степан Ильич и псалъэр иригъэкӀуэкӀырт: – АмӀэ, Советскэм сьт КъэбӀрдейм фэ къывитыр? Щыри псыри фи зэхуэдэщ. Лажьэм лыжь ишхыници, мылажьэм лажьэ игъуэтыниц [Кешоков т. 2: 180]. / Степан Ильич продолжал дальше: – Так что дает Советская (власть) Кабарде? Для вас земля и вода равны. Кто будет работать – тому достаток, а не будет – нужда.

(Сэлэтыр) – Лажьы шхэж, умылажьэмэ – лажьэ бгъуэтыниц, пщыи, уэркъыи, заводчики, помещики ухуейкъым, жыхуэпӀэм нэхъ псалъэ узынищ щыӀэ [Кешоков т. 2: 116]. / (Солдат) – Работай и будет что кушать, не будешь работать – беду найдешь, цари, уорки, заводчики, помещики не нужны, говоришь, разве есть более здоровое слово.

(Хъэжумар) Абы щыгъуэ лажьэр тхъэмыцкӀэт, бейр – бейт. Иджы советскэ властым къигъэкӀэрахъуэри псори ихъуэжсащ, лажьэр бей мэхъу, мылажьэм лажьэ егъуэт [Кешоков т. 6: 90]. / (Хажумар) Тогда работающий был бедным, богатый – богатым. Теперь советская власть все перевернула, кто работает, тот становится богатым, а кто не работает, беду находит.

В первом случае автор приводит пословицу в нормативном виде, во втором и третьем случаях производит ряд действий:

1) эллиптирован компонент *лыжь* в первой части конструкции (*Лажьэм лыжь ишхыници*);

2) изменены грамматические формы модальности и лица глагольных компонентов в первой части пословицы (*Лажьы шхэж*); а в форме *лажьэр бей мэхъу* произведена замена компонента: *лыжь ишхыници* (сушеное лежащее мясо будет кушать), на *бей мэхъу* (становится богатым);

3) внесены формально-грамматические изменения в компонент *умылажьэмэ* (указание на 2 лицо, изменена модальность) и в глагольный компонент (*бгъуэтыниц*);

4) в результате преобразований компоненты пословицы воспринимаются как свободные словосочетания и слова, сохраняя при этом пословичное значение и приобретая рекомендательный характер.

Уи ажэ си бжыхь къомых – не впутывай меня в свои дела (букв.: если бы к нашему плетню не привязали шариатскую козу):

– *Ар хьунут, – жиІэрт Хьэбыжи, – шэрихьэт бжэныр ди бжыхьым кърамыпхатэм. Цыхур гуитІицхьитІ мэхьу, зэувэлІэнур ямыцІэу* [Кешоков т. 2: 476]. / Это можно было бы, – говорит Хабиж, – если бы они не впутали нас в свои дела. Люди колеблются, сомневаются, не зная, к какому решению прийти.

В данном контексте *шэрихьэт бжэныр ди бжыхьым кърамыпхатэм* (если бы они не впутали нас в свои дела), образованный от пословицы *уи ажэ си бжыхь къомых* (не впутывай меня в свои дела) (букв.: ты своего козла к моему плетню не привязывай), произошли такие действия:

1) произведена замена компонента ФЕ, связанная с явлением синонимии с использованием родового признака в кабардино-черкесском языке, где *ажэ* (козел), а *бжэн* (коза);

2) имеет место добавление компонента ФЕ *шэрихьэт* (шариат) и приобрел форму *шэрихьэт бжэныр* (шариатская коза (священная коза));

3) в слове *бжэныр* присутствует падежной аффикс именительного падежа в определенной форме *-р*, а *си* (мой (притяжательное местоимение первого лица единственного числа)) преобразовано в *ди* (наш (притяжательное местоимение первого лица множественного числа));

4) глагол *къомых* (не привязывай (повелительное наклонение, второе лицо единственного числа)) преобразован в глагол *кърамыпхатэм* (если б не привязали (желательное наклонение, третье лицо множественного числа)).

Бгъэжьыр уи пашэм, къуршым урешэ, къуанщІэр уи пашэм, шы лІам ухуешэ – (посл.) все зависит от предводителя (букв.: если орел является твоим предводителем, то он отведет тебя в горы, а если ворон твой предводитель, то он к мертвому коню приведет тебя):

– *Бгъэжьыр уи пашэм, къуршым урешэ, къуанщІэр уи пашэм, Іейм ухуешэ. Ар псалгъэжьу диІэщ, инэрал. Бгъэжьым хуэдэу ди бынхэм уацхьэщытыну дытцогугъ, – жиІэри лыжььыр инэралым дежкІэ екІуэкІри и Іэр иубыдац*

[Кешоков т. 2: 71]. / Если орел является твоим предводителем, то он отведет тебя в горы, а если ворон твой предводитель, то он к плохому приведет. У нас есть такая пословица, генерал. Мы надеемся, что ты как орел будешь над нашими детьми, – сказав это, старец подошел к генералу и пожал руку.

– *Старшынэм жиІэр нэжкээ? Астемыр деж укІуэ хьунукьым. КьуаницІэр зи пашэр шы лам хуешэ* [Кешоков т. 2: 144]. / Не правда ли, что говорит старшина? Нельзя идти к Астемиру. Те, у кого предводитель ворон, к мертвому коню придут.

«*Бгээр уи пашэмэ, кьуришым я нэхь лъагэм уицхэпрокІыф, кьуаницІэр уи пашэрэ – шы лар тІысынІэ пхуэхьунуц*», – *жиІэу. Бгээ хьуауэ хэт абы жьыхуиІэр? Якьубиц* [Кешоков т. 4: 223]. / «Если орел будет твоим предводителем, то сможешь перейти и самую высокую скалу, а если ворон – местом сидки станет мертвый конь», – пишет так. И о ком там говорится, что стал орлом? О Якубе, конечно.

В первом случае автор приводит пословицу полностью, в нормативном виде. Во втором случае эллиптирована первая часть пословицы, а также произведена замена компонента ФЕ *Іей* (плохой) на *шы лам* (мертвый конь), тем самым автор усилил негативность семантики, уточняя, к какой именно беде. А в третьем случае автор использует и буквальное значение компонентов паремии, используя языковую игру.

Такие же комбинированные приемы изменения ФЕ автор использует и в следующих примерах:

узыхьыну псым зыдеггээзых – не сопротивляйся той видимой силе, которой ты не победишь (букв.: прогибайся вместе с рекой, которая тебя унесет):

– *Пасэрейм жиІац узыхьыну псым зыдеггээзых жиІэри... Псы кьиуам дыцІиггэмбрыуэм-дыкьыдэуеижурэ дыздихьыр дымыцІэу дехь. Зыдедгээзыхрэ – зыкьомрэ дихьыниц, тхьэм ецІэ, ныджэм дытридзэнкІи мэхьу* [Кешоков т. 5: 166]. / В предании говорится: не сопротивляйся течению, которое тебя унесет... Нахлынувшая река, не зная куда, нас несет, уносит нас, то по-

гружая нас в воду, то выбрасывая из-под воды. Подстроимся – долго нас будет нести, Аллах знает, может, и на берег выбросит.

Уи нэ кьелэм и псэм елэ – око за око, зуб за зуб (букв.: хватающего тебя за глаза, хватай за душу):

Уи нэ кьелэм и псэм елэ жыхуаІэрауэ пацтыхьыр ди нэм кьелэу араци, и псэр хэчын хуейиц [Кешоков т. 5: 173]. / Как говорится, око за око, зуб за зуб, правитель хватает наши глаза, поэтому надо его душу вырвать.

Уи нэ кьелэм и псэ елэ, жи псалъэжьым. И нэм кьелэхэм я псэфыльэм зыцІидзауэ хрырекІуади нэхьыфІиц [Кешоков т. 4: 665]. / Око за око, зуб за зуб, говорит пословица. Пусть лучше погибнет, взяв за глотку тех, кто хватал его за глаза.

Бгьэр куэдрэ уэмэ, и дамэр мэкьутэ – (посл.) если орел часто бьет, у него крылья ломаются:

– *Бгьэр куэдрэ уэмэ, и дамэр мэкьутэ, жи. Жыраслъэн и дамэр цыкьутэн махуэр кьэсаиц* [Кешоков т. 3: 565]. / Как говорится, если орел часто бьет, у него крылья ломаются. Пришел тот день, когда у Жираслана крылья сломаются.

ПцІым льякьуэ цІэткьым – у лжи ноги короткие (букв.: ложь не имеет ног):

ТхьэмыцІаггэ ухэхуа – ар партым цумыбзыцІ, уи насыпнишагьэр цІэпхьумэну упымыль, пцІым льякьуэ цІэткьым, абы насып Іуацхьэм уди-хьыфынукьым, зыдебгьэхьыну и ужь уцІихьэни цыІэкьым. Зэ пцІы бупсыниц – льякьуэ лэныкьуэкІэ шэдым ухэувауэ арац, иужькІэ абы кьыхэкІыж уиІэжкьым – уи цхьэм нэс ухильэфэн мыхьумэ... [Кешоков т. 4: 642] / Попал в беду – не утаивай это от партии, не надо свое горе прикрывать, у лжи ноги короткие, она тебя не осчастливит, и не надо даже пытаться найти счастье во лжи. Один раз солжешь – считай, что одной ногой угодил в лужу, потом не сможешь оттуда выбраться – увязнешь до головы...

Использование комбинированных приемов преобразования ФЕ – одна из излюбленных форм работы А.П. Кешокова с контекстом, при которой проявляется умение писателя чувствовать языковые трансформации, «играть» с контекстом.

Выводы

Наблюдения над ФЕ в прозаических произведениях А.П. Кешокова дают возможность рассматривать значение ФЕ в осуществлении общего контекстуального замысла.

Связь между ФЕ и контекстом в произведениях А.П. Кешокова носит многоплановый характер. Контекст, создаваемый писателем, определенным образом воздействует на ФЕ, в контексте репрезентируются потенциальные возможности фразеологизмов. Писатель свободно использует такие явления в сфере фразеологии, как полисемия, синонимия, антонимия.

Для писателя свойственно при наличии омонимичных ФЕ использовать в основном одну из них. При использовании в одном контексте ФЕ и омонимичных свободных сочетаний слов смысловая двуплановость снимается особой организацией контекста, что способствует созданию языковой игры, реализующей задачу, стоящую перед писателем.

А.П. Кешоков использовал синонимические конструкции (как синонимии слов и ФЕ, синонимию словосочетаний и ФЕ, так и синонимию разных ФЕ). Характерным для писателя является использование глагольных синонимичных ФЕ, выступающих в функции однородных членов предложения; при этом семантика одного фразеологизма усиливается последующим.

В зависимости от структурной замкнутости устойчивые сочетания:

- а) не нуждаются в особо организованном контексте;
- б) требуют контекстуальной поддержки других слов с определенной грамматической функцией;
- в) тяготеют к синтаксической изоляции.

Исследование показало тесную взаимосвязь и взаимообусловленность контекста и ФЕ в случаях, когда для реализации семантики фразеологизмы нуждаются в особой организации контекста. Образы, заложенные в ФЕ, проходят иногда через все произведение писателя, буквально переплетаясь с контекстом.

А.П. Кешоков тонко воспринимает семантические возможности слов и ФЕ, поэтому органично протекают механизмы оживления используемых автором традиционных формул, и тем ощутимее прагматический эффект текста автора.

Как показал анализ, при неизменном составе ФЕ испытывают влияние контекста, при различных же трансформациях ФЕ связь со смысловым содержанием контекста становится еще теснее: контекст может требовать изменения семантики ФЕ, ее структуры. Писатель демонстрирует системные случаи целенаправленного изменения ФЕ, продиктованные экспрессивно-стилистическими задачами контекста.

Компоненты ФЕ в прозе А.П. Кешокова подвергаются различным преобразованиям, так или иначе связанным с авторским замыслом, и обусловлены стремлением писателя к переоценке характеризуемых ФЕ ситуаций, лиц, явлений. Анализ выявил наиболее характерные для писателя приемы преобразования ФЕ: изменение формы компонента (компонентов) и изменение компонентного состава ФЕ.

Формально-грамматические изменения ФЕ связаны с изменением морфологической формы компонентов ФЕ, что в некоторых случаях является результатом отражения авторской манеры письма. В большинстве же случаев это реализация грамматической парадигмы ФЕ с добавлением аффиксов к одному из компонентов ФЕ.

Последний прием особенно характерен для писателя. В результате его применения не только изменяется семантика языковой ФЕ, привносятся дополнительные элементы значения, но и изменяется оценочность ФЕ, проявляется интенсификация экспрессивно-оценочного плана, связанная с усилением степени проявления эмоций, гиперболизацией чувств, состояний, действий, характеризуемых посредством ФЕ.

Изменение компонентного состава ФЕ связано в текстах писателя прежде всего:

1) с заменой компонента (причем чаще всего таким преобразованиям подвергались фразеологические единства и поговорки), при этом возможно изменение семантики, коннотаций ФЕ;

2) с изменением компонентного состава ФЕ – эллиптированием или добавлением компонента, что приводит к изменению структуры, семантики, коннотаций ФЕ;

3) с комбинированным использованием различных приемов преобразования ФЕ.

При замене компонента ФЕ автор вводит вместо привычных, семантически обесцвеченных компонентов новые слова, актуализирующиеся именно в заданном контексте. При этом возможны как расширение семантики, так и конкретизация ФЕ, усиление интенсивности понятия, изменение экспрессивно-эмоциональных оттенков и пр.

При изменении структуры ФЕ могут изменяться семантика и коннотации ФЕ. При эллипсисе фразеологизм сохраняет образное значение; при использовании данного приема писатель заостряет внимание на эллиптированной части, увеличивая динамичность, интенсивность конструкции.

Расширение компонентного состава ФЕ в прозе А.П. Кешокова происходит в основном за счет включения в состав ФЕ прилагательных, наречий, существительных, которые усиливают связь контекста и ФЕ, семантически обогащают ФЕ.

При использовании комбинированных методов происходит «вплавление» ФЕ в контекст, в котором обыгрываются свойства фразеологизма, в результате чего писатель получает необходимый прагматический эффект.

Во всех случаях автор добивается определенного эффекта: ставит ФЕ в нужной ему грамматической форме, наиболее подходящей для контекста; оживляет образность ФЕ, сближая фразеологическое значение и буквальное, изменяет семантику.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уникальность роли фразеологической концептуализации в отражении этнического языкового сознания подтверждается и на материале художественных произведений А.П. Кешокова, в которых, как нам представляется, адекватно репрезентирована самоидентичность адыгов в соответствующий культурно-исторический период.

Фразеологический метакод адыгской ЯКМ, эксплицированный в исследуемом дискурсе, неизбежно моделируется в контексте масштабности авторской личности А.П. Кешокова. Его художественное творчество в определенной степени опровергает известный тезис о том, что литературный язык нивелирует тот или иной этнический язык с точки зрения его внутренней формы, его генезиса.

Органичное сочетание статичности и динамичности культуросозидающего языкового процесса в произведениях писателя позволило выстроить особое фразеологическое пространство, в котором фразеологизмы кабардино-черкесского языка с этнокультурными компонентами *исэ* (душа), *зу* (сердце), *унэ* (дом), *зэман* (время) приобрели в художественном тексте индивидуальную авторскую интерпретацию. Исследованные в диссертационной работе ФЕ с указанными компонентами в семантической структуре представляют собой специфический способ формирования адыгской фразеологической картины мира.

Исследование ФЕ художественных произведений писателя для нас неотделимо от реконструкции фрагментов его картины мира, что позволило описать структуру и семантику ключевых концептов творчества А.П. Кешокова, выйти на понятийный уровень его аксиологии, продемонстрировать функционирование ФЕ для реализации прагматических установок.

Авторское мировидение отображает систему ценностей, приоритеты в выборе тех или иных признаков исследованных фразеологических концеп-

тов. Лингвокультурологический анализ ФЕ с концептами *псэ* (душа), *зу* (сердце), *унэ* (дом), *зэман* (время) позволил сделать следующие выводы об особенностях индивидуально-авторской картины мира.

Критерием для измерения времени в произведениях писателя являются как сам автор, так и персонажи, рассматривающие его в связи с определенными событиями, действиями, переживаниями. Автор включает в свой текст конструкции со значением субъективного времени. Значительную смысловую нагрузку в составе ФЕ несут такие компоненты со значением времени, как *зэман* – время, *чэзу* – пора, содержащие культурную информацию.

Концепт *псэ* (душа) в романах А.П. Кешокова ассоциируется с жизнью, отсутствие *псэ* – со смертью. В произведениях писателя актуализируется такое значение *псэ*, как человек, являющееся семантическим развитием понятия живой, имеющий душу. Однако *псэ* (душа) в текстах писателя – это не только жизнь, но и нечто свойственное только человеку, субстанция, без которой он не существует, нечто нематериальное, данное свыше.

Псэ является и вместилищем самых разнообразных чувств и эмоций, соотносится с концептами *зу* (сердце), *нэ* – «глаза», которые также являются экспонентами души в кабардино-черкесском языке, средоточием самых тонких чувств.

Результаты диссертационного исследования показали, что *зу* (сердце) – один из ключевых концептов в творчестве А.П. Кешокова. Нами выделены следующие группы ФЕ данной концептосферы:

- со значением различных чувств, эмоций, состояний;
- со значением «память», «мышление», характеризующие духовную составляющую человеческой личности;
- со значением этической, физической характеристики.

ФЕ со значением различных чувств, эмоций, состояний отличаются репрезентацией амбивалентных смыслов:

а) выражающие позитивные значения: гармония, наслаждение, дружелюбие, доброта, спокойствие, довольство и др.;

б) выражающие негативные значения: беда, боязнь, досада, злость, волнение и др.

Описывая процесс мышления своих героев, А.П. Кешоков использует ФЕ, из буквального значения которых следует, что мыслительные процессы у них проходят через сердце, «остаются», «лежат» в нем, «произрастают» из сердца.

ФЕ характеризуют героев с точки зрения духовной составляющей человеческой личности, этической стороны, физического состояния. *Сердце* «одобряет» или «не одобряет» те или иные явления или действия, определяет положительное и отрицательное, правильное или неправильное.

Исследование концепта *дома* в ЯКМ писателя позволило выявить универсальные и специфические проявления понимания данного феномена. Репрезентантами концепта *унэ* (дом) в текстах А.П. Кешокова являются *унэ* – дом, *лъансэ* – род, усадьба, *жьэгу* – очаг, *бжьэщхьэлу* – порог, *унагъуэбжэ* – дверь (букв.: семейная дверь), *унащхьэ* – крыша.

Наиболее ярко концепт *дом* представлен в творчестве А.П. Кешокова лексемой *лъансэ*. Писатель использует эту лексему и в словосочетаниях *адэжь лъансэ*, *адыгэ лъансэ*, номинируя ими и места, где проживали предки, и места, где проживает весь род адыгов.

Одним из репрезентантов концепта *унэ* (дом) в кабардино-черкесском языке является *жьэгу* – очаг.

Атрибутами дома в адыгской лингвокультуре являются *порог* и *дверь*, которые символизируют границу между «своим» пространством и «чужим». Писатель неоднократно пользуется ФЕ с данной символикой.

Связь между ФЕ и контекстом в произведениях А.П. Кешокова носит многоплановый характер. Контекст, создаваемый писателем, определенным образом воздействует на ФЕ, в контексте репрезентируются потенциальные

возможности фразеологизмов. Писатель использует такие явления в сфере фразеологии, как полисемия, синонимия, антонимия.

Для идиостиля писателя характерно при наличии омонимичных ФЕ использование одной из них. При функционировании в одном контексте ФЕ и омонимичного свободного сочетания слов смысловая двуплановость снимается особой организацией контекста, что способствует созданию языковой игры, реализующей прагматический замысел писателя.

В произведениях А.П. Кешокова используются синонимические конструкции (как синонимия слов и ФЕ, синонимия словосочетаний и ФЕ, так и синонимия разных ФЕ). Характерным для писателя является использование глагольных синонимичных ФЕ, выступающих в функции однородных членов предложения.

Компоненты ФЕ в прозе А.П. Кешокова подвергаются различным преобразованиям, так или иначе связанным с авторским замыслом, и обусловлены стремлением писателя к переоценке характеризуемых ФЕ ситуаций, лиц, явлений. Наиболее характерные для писателя приемы преобразования ФЕ – изменение формы компонента и изменение компонентного состава ФЕ.

Формально-грамматические изменения ФЕ связаны с изменением морфологической формы компонентов ФЕ, что в некоторых случаях является результатом отражения авторской манеры письма. В большинстве случаев это реализация грамматической парадигмы ФЕ с добавлением аффиксов к одному из компонентов ФЕ.

Последний прием особенно характерен для писателя. В результате его применения не только изменяется семантика языковой ФЕ, привносятся дополнительные элементы значения, но и изменяется оценочность ФЕ, проявляется интенсификация экспрессивно-оценочного плана, связанная с усилением степени проявления эмоций, гиперболизацией чувств, состояний, действий, характеризуемых посредством ФЕ.

При различных трансформациях ФЕ связь со смысловым содержанием контекста становится еще теснее: контекст может требовать изменения семантики ФЕ, ее структуры. Писатель демонстрирует системные случаи целенаправленного изменения ФЕ, продиктованные экспрессивно-стилистическими задачами контекста.

Изменение компонентного состава ФЕ связано в текстах писателя с заменой компонента, с изменением компонентного состава ФЕ, с комбинированным использованием различных приемов преобразования ФЕ.

При замене компонента ФЕ – чаще всего во фразеологических единствах и паремиях – автор вводит вместо привычных, семантически обесцвеченных компонентов новые слова, актуализирующиеся именно в заданном контексте. При этом возможны как расширение семантики, так и конкретизация ФЕ, усиление интенсивности понятия, изменение экспрессивно-эмоциональных оттенков и пр.

При изменении структуры ФЕ – эллиптировании или добавлении компонента – происходит изменение структуры, семантики, коннотаций ФЕ.

При эллипсисе фразеологизм сохраняет образное значение; при использовании данного приема писатель заостряет внимание на эллиптированной части, увеличивая динамичность, интенсивность конструкции.

Расширение компонентного состава ФЕ в прозе А.П. Кешокова происходит в основном за счет включения в состав ФЕ прилагательных, наречий, существительных, которые усиливают связь контекста и ФЕ, семантически обогащают ФЕ.

При использовании комбинированных методов происходит «вплавление» ФЕ в контекст, в котором обыгрываются свойства фразеологизма, в результате чего писатель получает необходимый прагматический эффект.

Во всех случаях автор добивается определенного эффекта: ставит ФЕ в нужной ему грамматической форме, наиболее подходящей для контекста; оживляет образность ФЕ, сближая фразеологическое значение и буквальное, изменяет семантику.

Таким образом, ФЕ кабардино-черкесского языка, содержащие этнокультурные компоненты *гу* (сердце), *псэ* (душа), *зэман* (время), *унэ* (дом), являются специфическим средством формирования адыгской фразеологической картины мира. Данные фразеологизмы маркируют своей семантикой специфику адыгской лингвокультурной традиции, транслируя ее ментальные доминанты. При репрезентации в произведениях А.П. Кешокова исследованные этнокультурные фразеологизмы приобретают индивидуально-авторскую специфику в контексте его идиостиля и художественного мировоззрения. Фразеологическая репрезентация базовых констант кабардино-черкесского языка в художественных произведениях А.П. Кешокова позволяет резюмировать, что они относятся к наиболее продуктивным лингвокультурным кодам, участвующим в формировании адыгского фразеологического метакода, и представляют собой этнокультурный феномен.

В дальнейшем представляется перспективным исследование ФЕ кабардино-черкесского языка как этнокультурного феномена в различных дискурсах адыгской ЯКМ, и в частности изучение символа как способа кодирования этнокультурной информации во фразеологическом пространстве.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авалиани Ю.Ю. К теории семантического поля во фразеологии. Тематико-семантические группы фразеологических единиц // Вопросы фразеологии. Вып. 14. – 1979. – С. 4–15.
2. Адыгэ псалъэжъхэр. Кабардинские пословицы. – Нальчик, 1994. – 325 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Введение в когнитивную фразеологию. – LAP: Lambert Academic Publishing, 2011. – 160 с.
4. Алефиренко Н.Ф. Протовербиальное порождение культурных концептов и их фразеологическая репрезентация // Филологические науки. – 2002. – № 5. – С. 72–82.
5. Алефиренко Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. – М.: Элмис, 2008. – 272 с.
6. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивистика в аспекте лингвистического постмодернизма. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – 152 с.
7. Алчагирова Л.Т. Лингвокультурологическая концептуализация дома в адыгской и английской языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2016. – 179 с.
8. Апекова Ж.Ш. Лингвокультурная специфика концептов «правда» и «ложь» в русской и кабардинской паремиологических картинах мира: дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2009. – 187 с.
9. Апресян Ю.Д. Проблема синонима // Вопросы языкознания. – 1957. – № 6. – С. 84–88.
10. Арсентьева Е.Г. Сопоставительный анализ фразеологических единиц. – Казань, 1989. – 124 с.
11. Арутюнов С.А. Народные механизмы языковой традиции // Язык. Культура. Этнос. – М., 1993. – С. 5–12.
12. Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка: язык и время. – М., 1997. – С. 51–61.

13. Арутюнова Н.Д. Логико-коммуникативная функция и значение слова // Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1988. – С. 1–94.
14. Архангельский В.Л. Устойчивые фразеологизмы в современном русском языке. Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1964. – 314 с.
15. Аскольдов С.А. Концепт и слово. Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. – М.: Академия, 1997. – С. 267–279.
16. Астахова Э.И. Внутренняя форма идиом и её функции // Фразеология в машинном фонде русского языка. – М.: Наука, 1990. – С. 146–152.
17. Аюпова Р.А. Проблемы лексикографического описания фразеологических единиц (на материале английского, русского и татарского языков): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Казань, 2009. – 39 с.
18. Бабкин А.М. Русская фразеология, ее развитие и источники. – Л.: Наука, 1970. – 324 с.
19. Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 40–44.
20. Баженов Г.А. Вопросы фразеологии в сопоставительном аспекте (на материале китайского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 19 с.
21. Балли Ш. Французская стилистика. – М., 1961. – 394 с.
22. Балова И.М. К истории становления и развития кабардинской фразеологии // Актуальные проблемы гуманитарного знания в XXI веке: состояние и перспективы развития. К 90-летию академика Г.Г. Гамзатова. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН; Алеф, 2016. – С. 491–496.
23. Балова И.М. Очерки по синтаксису пословиц и поговорок кабардинского языка. – Нальчик, 1999. – 196 с.
24. Балова И.М., Кремшокалова М.Ч. Философские и нравственные концепты в русских и кабардинских поговорках. – Нальчик, 2009. – 145 с.

25. Балова И.М. Компаративные поговорки сочиненного типа в кабардинском языке // Языкознание в Дагестане. Лингвистический ежегодник. – Махачкала, 1998. – № 2. – С. 62–65.
26. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
27. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Принципы семантического описания фразеологии // Вопросы языкознания. – 2009. – № 6. – С. 21–34.
28. Башиева С.К. К вопросу об объеме фразеологического значения // Вопросы лексики, грамматики и семантики карачаево-балкарского языка. – Нальчик, 2002. – С. 134–145.
29. Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. – Нальчик, 1983. – 232 с.
30. Берестнев Г.И. Семантика русского языка в когнитивном аспекте: учебное пособие. – Калининград: Изд-во КГУ, 2002. – 157 с.
31. Берлизон С.Б. Специфика семантики фразеологических единиц и роль структурных компонентов в ее определении // Семантическая структура слова и фразеологизма. – Рязань, 1980. – С. 14–31.
32. Беспалова О.Е. Концептосфера поэзии Н.С. Гумилева в ее лексическом представлении: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2002. – 220 с.
33. Бижева З.Х. Культура и языковая картина мира. – Нальчик: Каб.-Балк. ун.-т, 2003. – 34 с.
34. Бижева З.Х. Лингвокультурологический аспект исследования адыгской языковой картины мира // Проблемы общего и частного языкознания: лексико-грамматический и лингвокультурологический аспекты. – Нальчик: Каб.-Балк. ун.-т, 2017. – С. 7–21.
35. Бижева З.Х. Основные концепции адыгского лингвокультурного пространства. – Нальчик: Каб.-Балк. ун.-т, 2005. – 109 с.
36. Бижева З.Х. Символы и квазисимволы в адыгских фразеологизмах (на материале кабардино-черкесского языка) // Вестник АГУ. Вып. 1 (152). – 2015. – С. 32–35.

37. Бижева З.Х. Фразеология: культурологические аспекты // Кабардино-черкесский язык. В 2-х т. – Нальчик: Эль-фа, 2006. – С. 216–221.
38. Бижева З.Х. Языковая картина мира и этнический менталитет // ВШ Известия. – М, 2002. – № 4 (22). – С. 115–120.
39. Бижева З.Х. Языковая репрезентация «стиля мышления» в адыгской лингвокультуре: постановка проблемы исследования // Актуальные проблемы гуманитарного знания в XXI веке: состояние и перспективы развития к 90-летию академика Г.Г. Гамзатова. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН; Алеф, 2016. – С. 497–500.
40. Бижева З.Х., Шугушева Д.Х. Этнокультурная специфика фразеологических символов и квазисимволов (на материале кабардино-черкесского языка) // Язык: история и современность. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2017. – С. 5–12.
41. Бижева З.Х. Адыгская языковая картина мира. – Нальчик, 2000. – 128 с.
42. Бижева З.Х. Культурные концепты в кабардинском языке. – Нальчик, 1997. – 140 с.
43. Бижева З.Х. Язык и культура. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2000. – 47 с.
44. Бижоев Б.С. Грамматические и лексико-фразеологические проблемы кабардино-черкесского языка: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 2006. – 96 с.
45. Битокова С.Х. Национально-культурная специфика эмоциональных концептов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. – Майкоп: АГУ, 2009. – С. 98–104.
46. Битокова С.Х. Парадигмальность метафоры как когнитивного механизма (на материале кабардинского, русского и английского языков): дис. ... докт. филол. наук. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2009. – 372 с.
47. Бичурина Г.И. Фразеологическая полисемия в русском и татарском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1998. – 20 с.
48. Бобрышева Л.К. Фразеологизмы как национально-культурная экзистенциальная картина мира (на материале русского и адыгейского языков): автореферат дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2009. – 22 с.

49. Болдырев Н.Н. Концепты и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 25–36.
50. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста: учебное пособие. – М.: Наука, 2009. – 520 с.
51. Болотнова Н.С., Бабенко И.И., Васильева А.А. и др. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль // Вестник ТГПУ. Серия: гуманитарные науки (филология). – Томск: ТГПУ, 2001. – Вып. 1 (38). – С. 94–96.
52. Бондаренко В.Т. Варьирование устойчивых фраз в русской фразеологии: учебное пособие. – Тула, 1995. – 151 с.
53. Бондаренко В.Т. Устойчивая фраза и контекст // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме // Четвертые Жуковские чтения: материалы Международного симпозиума. – В. Новгород, 2009. – С. 13–16.
54. Борова А.Р. Авторское восприятие категории времени в северокавказской прозе второй половины XX в. (на примере романа А.П. Кешокова «Вершины не спят») // Южно-Российский вестник геологии, географии и глобальной энергии. – 2006. – № 10 (23). – С. 159–162.
55. Брагина Н.Г. Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 131–139.
56. Буянова Л.Ю. Фразеология как культурный код познания и духовное наследие предков // Вестник РУДН. Серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2017. – Т. 15, № 3. – С. 285–298.
57. Буянова Л.Ю., Коваленко Е.Г. Русский фразеологизм как ментально-когнитивное средство языковой концептуализации сферы моральных качеств личности. – М.: Флинта; Наука, 2012. – 184 с.
58. Васильев Л.М. Общие проблемы лингвистики. Внешние связи языка. – Уфа: Изд-во Башкир. унив., 1998. – 146 с.
59. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М., 1999. – 780 с.

60. Вендина Т.В. Введение в языкознание: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 2002. – 288 с.
61. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.
62. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
63. Вопросы кавказской филологии и истории. – Нальчик, 1982. – 164 с.
64. Вопросы описательных грамматик языков Северного Кавказа и Дагестана. – Нальчик, 1963. – 171 с.
65. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концептуальное становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
66. Воркачев С.Г. О русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. – Краснодар, 2002. – 142 с.
67. Ворокова Н.У Национальная культура в идиоматике. – Нальчик: Полиграф-сервис и Т, 2003. – 140 с.
68. Габуния З.М., Кремшокалова М.Ч. Устно-речевой дискурс как основа формирования художественного текста (на примере благопожеланий кабардино-черкесского языка) // Вестник Дагестанского научного центра РАН. – 2013. – № 48. – С. 88–91.
69. Гаврин С.Г. Фразеология современного русского языка (в аспекте теории отражения): учебное пособие. – Пермь, 1974. – 269 с.
70. Гвоздарев Ю.А. Основы русского фразообразования. – Ростов-на-Дону: Логос, 2010. – 246 с.
71. Геляева А.И., Кремшокалова М.Ч. Лингвистическая культурология как сфера межвузовской кооперации // Высшее образование в России. – 2013. – № 6. – С. 81–85.
72. Геляева А.И. Человек в языковой картине мира. – Нальчик: Каб-Балк. ун-т, 2002. – 177 с.

73. Геляева А.И., Улаков М.З. Современные принципы и методы лингвистических исследований и дальнейшее развитие национальных языков. – Нальчик: КБНЦ РАН, 2003. – 30 с.
74. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
75. Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. – М.–Харьков: ИЯ РАН – Каравелла, 2001. – 318 с.
76. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. – М.: Наука, 1970. – 216 с.
77. Гудков Д.Б. Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. – М.: МГУ, 2000. – 120 с.
78. Гукетлова Ф.Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале французского, кабардино-черкесского и русского языков): дис. ... докт. филол. наук. – Нальчик: КБГУ, 2009. – 431 с.
79. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс. 1985. – 450 с.
80. Гяургиев Х.З., Дзасежев Х.Э. Кабардинский язык. Ч. II. – Нальчик, 1995. – 204 с.
81. Дзасежева Л.Х. Лексико-семантическое поле «женщина» в разных культурных сообществах (на материале английского, русского и кабардино-черкесского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2006. – 177 с.
82. Дзуганова Л.М. Языковая концептуализация души (на материале английского, русского и кабардино-черкесского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2008. – 228 с.
83. Добровольский Д.О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы фразеологии. – 1997. – № 6. – С. 25–28.
84. Добрыднева Е.А. Современная русская фразеология: категориальные признаки и коммуникативные свойства: учебное пособие. – Волгоград: Перемена, 1998. – 88 с.
85. Добрыднева Е.А. Коммуникативно-прагматическая парадигма русской фразеологии. – Волгоград, 2000. – 224 с.

86. Езаова М.Ю. Языковые культурные коды в лексико-семантическом поле кабардино-черкесского языка. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Ч. 3. – 2017. – № 11 (77). – С. 98–101.
87. Емузов А.Г. Лексико-семантический и грамматический анализ фразеологии кабардино-черкесского языка. – Нальчик, 1986. – 222 с.
88. Емузов А.Г. Лексико-семантический и грамматический анализ фразеологии кабардино-черкесского языка. – Нальчик, 1986. – 224с.
89. Жуков В.П. Русская фразеология. – М., 1986. – 309 с.
90. Жуков В.П., Жуков А.В. Русская фразеология: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 2006. – 310 с.
91. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. – М., 1978. – 160 с.
92. Залевская А. А. «Образ мира» vs «языковая картина мира» // Картина мира и способы ее репрезентации: научные доклады конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование». – Воронеж: ВГУ, 2003. – С. 41–47.
93. Залевская А.А. Национально-культурная специфика картины мира и различные подходы к ее исследованию // Языковое сознание и образ мира. М.: Сарма, 2000. – С. 39–54.
94. Зиновьева Е.И. Лингвокультурология. Теория и практика. – СПб.: МИРС, 2009. – 291 с.
95. Золотых Л.Г. Когнитивно-дискурсивные основы фразеологической семантики. – Астрахань: АУ, 2007. – 265 с.
96. Иваноков Н.Р., Бижоев Б.Ч. Адыгские (черкесские) этимологические этюды // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Ч. 2. – 2017. – № 3. – С. 100–103.
97. Иваноков Н.Р. Избранные труды. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2015. – 360 с.
98. Кабардино-черкесский язык. В 2-х т. Т. II. – Нальчик, 2006. – 520 с.
99. Камбачоков А.М. Проблемы простого предложения в кабардино-черкесском языке. – Нальчик, 1987. – 235 с.

100. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: сборник научных трудов. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 3–16.

101. Карасик В.И. Прагматические функции фразеологизмов // Коммуникативно-прагматические аспекты фразеологии: тезисы докладов Международной конференции. – Волгоград, 1999. – С. 5–7.

102. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002. – 477 с.

103. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сборник научных трудов / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75–80.

104. Караулов Ю.Н. Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. – М.: Институт языкознания РАН, 2000. – С. 191–206.

105. Карданов Б. М. Фразеология кабардинского языка. – Нальчик: Эльбрус, 1973. – 101 с.

106. Карданов Б.М. Семантико-стилистические функции устойчивых выражений в прозе А. Кешокова. – Нальчик, 1982. – 96 с.

107. Касевич В.Б. О когнитивной лингвистике // Общее языкознание и теория грамматики. – СПб.: Наука, 1998. – С. 14–21.

108. Кахирова Н.А. Контекстуальная реализация фразеологических значений в авторской художественной речи (на материале прозы К. Абукова): дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2016. – 210 с.

109. Кимов Р.С. Когнитивные и эпистемические аспекты представления мира в языке (на материале кабардинского, русского и английского языков): дис. ... докт. филол. наук. – Нальчик: КБГУ, 2010. – 472 с.

110. Ковшова М.Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (когнитивные аспекты): дис. ... канд. филол. наук. – М., 1996. – 244 с.

111. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. – М.: Либроком, 2012. – 456 с.

112. Ковшова М.Л. Понятие красоты в русской фразеологии и фольклоре: внешние качества и внутренние свойства человека // Логический анализ языка. Языки эстетики: концептуальные поля прекрасного и безобразного: сборник статей / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2004. – С. 613–620.

113. Колшанский Г.М. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 108 с.

114. Кольцова Ю.Н. О структуре концепта как категории культурологии // Язык и культура. Лингвистика, поэтика, сравнительная культурология, теория перевода / под ред. Н.К. Гарбовского. – М.: МГУ, 2001. – 152 с.

115. Копжасарова У.И., Бейсенбаева Б.А., Кикимова А.Т. Фразеологический фонд языка как средство выражения ментальности народа // Вестник РУДН. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2013. – № 1. – С. 90-97.

116. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. Проблемы, методы, опыты. – Воронеж, 1978. – 141 с.

117. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

118. Коротун О.В. Образ-концепт «внешний человек» в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2002. – 193 с.

119. Кремшокалова М.Ч. Дейктические средства в устных речевых жанрах кабардино-черкесского языка // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Серия Филология. – 2013. – Т. 1, № 1. – С. 192–199.

120. Кремшокалова М.Ч. Концепт «дом» в русской и кабардинской языковой картине мира (на материале пословиц и поговорок) // Теоретические и методические проблемы национально-русского двуязычия: материалы Международной научно-практической конференции. – Махачкала, 2009. – С. 239–241.

121. Кремшокалова М.Ч. Когнитивно-дискурсивная парадигма благопожеланий и проклятий как малых жанров устной речи (на материале кабардино-черкесского языка): дис. ... докт. филол. наук. – Нальчик: КБГУ, 2015. – 312 с.

122. Кубрякова Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2001. – С. 4–10.

123. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 141–172.

124. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. – М.: Знак, 2012. – 208 с.

125. Кумыкова М.М. Фразеологические единицы кабардинского языка со значением количества и времени: дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2006. – 147 с.

126. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – Дубна: Феникс, 2005. – 488 с.

127. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание // Очерки по фразеологии (О систематизации и методах исследования фразеологических материалов). – М., 1977. – С. 125–149.

128. Лукашкова О.Ю. Концепт «дружба» в русском языке // Культура общения и ее формирование. Вып. 8. – Воронеж, 2001. – С. 84–85.

129. Любимова Н.А. «Картина мира»: содержание, терминологический статус и общая иерархия ее составляющих // Мир русского слова. – 2011. – № 4. – С. 13–20.

130. Магомедов М.А. Язык и стиль произведений Гамзата Цадасы // Актуальные проблемы гуманитарного знания в XXI веке: состояние и перспективы развития. К 90-летию академика Г.Г. Гамзатова. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН; Алеф, 2016. – С. 229–234.

131. Масаева И.А. Специфика репрезентации этнического миропонимания во фразеологии (на материале кабардино-черкесского, русского, английского, языков): дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2013. – 156 с.

132. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие. – М.: Академия, 2001. – 82 с.

133. Маслова С.В., Усова А.В. Бинарные оппозиции в современном массовом сознании // Вестник науки Сибири. – 2017. – № 4 (14). – С. 152–155.
134. Мафездев С.Х. Статус женщины в системе адыгэ хабзэ // Эльбрус. – Нальчик, 1999. – № 2. – С. 197–224.
135. Мельчук И.А. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность» // Вопросы языкознания. – 1960. – № 4. – С. 73–80.
136. Мечковская И.Б. Социальная лингвистика. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 207 с.
137. Мижаева М.О. Фразеологические единицы с анималистическим компонентом в кабардино-черкесском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Черкесск, 2003. – 163 с.
138. Миллер Г.Ф. Сочинения по истории России. Избранное. – М., 2000. – 448 с.
139. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. – 2-е изд. – М., 1989. – 287 с.
140. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. – Л., 1977. – 259 с.
141. Николенко Л.В. Лексикология и фразеология современного русского языка. – М.: Академия, 2005. – 144 с.
142. Николина Н.А. Филологический анализ текста: учебное пособие. – М.: Академия, 2003. – 256 с.
143. Овчинникова С.В. Лексико-семантическое поле внешности в соотношении с концептосферой внутреннего мира человека: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2001. – 201 с.
144. Павлова Н.А. Системные семантические свойства и отношения фразеологизмов: учебное пособие. – Омск, 1991. – 71 с.
145. Песина С.А. Полисемия в когнитивном аспекте: монография. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. – 350 с.
146. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ, 2010. – 314 с.
147. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – 189 с.

148. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
149. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. – М.: Наука, 1988.
150. Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) / Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 25–33.
151. Потебня А.А. Слово и миф. – М., 1989 – 624 с.
152. Правикова Л.В. Когнитивная и когитативная лингвистика // Вестник ПГУ. – Пятигорск, 1999. – № 2. – С. 37–44.
153. Привалова И.В. Построение типологии национально-маркированных языковых единиц // Вопросы психолингвистики. – 2003. – № 1. – С. 95–101.
154. Проблемы общего и частного языкознания: лексико-грамматический и лингвокультурологический аспекты: монография / под ред. З.Х. Бижевой. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2017. – 163 с.
155. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. – 2-е изд., стереотип. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 328 с.
156. Ренская Т.В. Эллипсис фразеологических единиц в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Тула, 1983. – 223 с.
157. Ройзензон Л.И. Русская фразеология. – Самарканд, 1977. – 46 с.
158. Сапиева С.К. Языковая картина мира как экспликация национальной ментальности адыгского этноса // Неофилология. – 2017. – Т. 3, № 3 (11). – С. 28–37.
159. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXVI. – Тифлис, 1899.
160. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс. 2002. – 656 с.
161. Сергеева Е.В. К вопросу о классификации концептов в художественном тексте // Вестник ТГПУ. Вып. 5. – 2006. – С. 98–105.
162. Серебренников Б.А. Общее языкознание. – М.: Наука, 1970. – 404 с.

163. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление. – М.: Наука, 1988. – 244 с.
164. Серебряков А.А., Серебрякова С.В. Когнитивно-прагматическая обусловленность степени фразеологичности устойчивых сочетаний // Когнитивные парадигмы языкового сознания в современной лингвистике: материалы II-й Международной научной конференции. – Майкоп 2017. – С. 256–261.
165. Сизова К.Л. Типология портрета героя (на материале художественной прозы И.С. Тургенева): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1995. – 25 с.
166. Тагиев М.Т. Глагольная фразеология современного русского языка. – Баку: Маариф, 1966. – 251 с.
167. Таов Х.Т. Проблемы кабардино-черкесской диалектологии. – Нальчик, 1977. – 131с.
168. Тарасова И.А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте: дис. ... докт. филол. наук. – Саратов, 2004. – 484 с.
169. Тарланов З.К. Язык. Этнос. Время. – Петрозаводск, 1993. – 222 с.
170. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 13–24.
171. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. – 288 с.
172. Телия В.Н. Фразеология в контексте культуры. – М., 1999. – С. 8–10.
173. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие. – М.: Слово, 2000. – 624 с.
174. Третьякова И.Ю. Оказиональная фразеология (структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты): дис. ... докт. филол. наук. – Ярославль, 2011. – 379 с.
175. Тугуз Г.Т. о некоторых соматических фразеологических единицах в адыгском нартском эпосе // Вестник АГУ. Серия Филология и искусствоведение. Вып. 4. – Майкоп, 2016. – № 1832. – С. 130–135.

176. Тугуз Г.Т. Отражение фразеологических единиц в произведениях Т.М. Керашева. КІэрашэ Тембот итхыгъэхэм фразеологизмэхэм чЫпІэу щаубытырэр // Вестник науки АРИГИ. – Майкоп, 2017. – № 13. – С. 30–32.

177. Тугуз Г.Т. Фразеологизм как средство обогащения синонимического ряда // Актуальные проблемы общей и адыгской филологии: материалы VI-й Международной научной конференции. – Майкоп, 2008. – 294 с.

178. Тугуз Г.Т. Фразеологизмы в нартском эпосе // Актуальные проблемы гуманитарного знания в XXI веке: состояние и перспективы развития: материалы Международной научной конференции. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН; АЛЕФ, 2016. – С. 427–429.

179. Тхагапсоев Х.Г. Социальное пространство-время: проблема трансформации // Вопросы философии. – 2015. – № 10. – С. 203–210.

180. Тхорик В.И. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: учебное пособие. – М.: ГИС, 2005. – 206 с.

181. Тыгъужь Г.Т. Адыгабзэм хэт гущыІэхэмрэ фразеологизмэхэмрэ язэфыщытыкІ. О соотношении слов и фразеологизмов в адыгейском языке // Вестник АГУ. Серия Филология и искусствоведение. Вып. 2. – Майкоп, 2017. – С. 126–130.

182. Уорф Б.Л. Наука и языкознание // Новое в лингвистике. Вып. 1. – М., 1960 – С. 169–183.

183. Урусов Х.Ш. История кабардинского языка (на каб.-черкес. яз.). – Нальчик, 2000. – 360 с.

184. Урусов Х.Ш. Кабардинская грамматика (на каб.-черкес. яз.). – Нальчик, 2014. – 232 с.

185. Урусов Х.Ш., Захохов Л.Г. Правила орфографии и пунктуации кабардино-черкесского языка (на каб.-черкес. яз.). – 2-е изд. – Нальчик, 2005.

186. Уфимцева А.А. Языковая номинация: Виды наименований. – М.: Наука, 1977. – 358 с.

187. Уфимцева А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 108–140.

188. Федосов А.И. Функционально-стилистическая дифференциация русской фразеологии. – Ростов-на-Дону, 1977. – 211 с.

189. Флейшер Е.А. Взаимосвязь прецедентных феноменов // Русская словесность и вопросы нравственного воспитания студентов: материалы докладов и сообщений XVII Международной научно-методической конференции. – СПб.: ФГБОУВПО «СПГУТД», 2012. – С. 23–25.

190. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. Т. I–II. – М., 1956–1957. – 924 с.

191. Хамизова З. М. Фразеологические единицы с компонентами «сердце», «голова», «душа» в кабардино-черкесском и английском языках (сопоставительный анализ): дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 147 с.

192. Хараева Л.Х. Когнитивное моделирование этимологических гнезд в разносистемных языках (на материале французского и кабардино-черкесского языков). – Нальчик, 2007. – 238 с.

193. Цримова З. Р. Концепт «сердце» в языковой картине мира: дисс. ... канд. филол. наук. – Нальчик: КБГУ, 2003. – 145 с.

194. Черданцева Т.З. Метафора и символ во фразеологических единицах // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 78–92.

195. Черкесова З.В. Семантическое пространство концепта «женщина» в различных лингвокультурах (на материале кабардино-черкесского, русского, французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2016. – 22 с.

196. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1970. – 199 с.

197. Чжоу Хань Жуй. Фразеологизм как этнокультурный феномен: лингвостановедческий аспект (на материале китайского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп, 2014. – 20 с.

198. Чич Б.А. Субстанциальность и метафоричность концепта сердце – *гу* в языковой картине мира (на материале русского и адыгейского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Майкоп: АГУ, 2010. – 190 с.
199. Шагиров А.К. Фонетика и морфология кабардинского языка. – Нальчик: Эль-фа, 2004. – 222 с.
200. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. – М., 1969. – 192 с.
201. Шарданова М.А., Дзасежева Л.Х., Цримова З.Р., Дзуганова Л.М. Адыгское лингвокультурное пространство / под ред. З.Х. Бижевой. – Нальчик: Эльбрус, 2010. – 168 с.
202. Шмелев А.Д. Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллективная монография. – М., 2005. – 542 с.
203. Шугушева Д.Х. Взаимодетерминированность семантики ФЕ и контекста в прозе А.П. Кешокова // Язык: история и современность. – Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2017. – № 3. – С. 122–129.
204. Шугушева Д.Х. Изменение компонентного состава ФЕ в индивидуально-авторских преобразованиях в прозе А.П. Кешокова // VII-я Международная научно-практическая конференция «Научные итоги 2017 года: достижения, проекты, гипотезы». – Новосибирск: ЦРНС, 2017. – С. 80–85.
205. Шугушева Д.Х. Роль контекста в реализации семантики ФЕ в прозе А.П. Кешокова // Успехи современной науки. – Белгород, 2016. – Т. 3, № 8. – С. 17–20.
206. Шугушева Д.Х. Роль концепта «*гу*» (сердце) в реализации семантики ФЕ в прозе А.П. Кешокова // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства. Проблемы и перспективы: материалы международной научно-практической конференции. / под ред. Р.Р. Замалетдинова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. – С. 380–382.
207. Шугушева Д.Х. Фразеологическая репрезентация концепта «время» в произведениях А.П. Кешокова // Международный научный журнал «Modern Science». – 2017. – № 4. – С. 24–27.

208. Шугушева Д.Х. Фразеологическая репрезентация концепта «Гу» (сердце) в произведениях А.П. Кешокова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – Ч. 3, №11 (77). – С. 194–197.

209. Шугушева Д.Х. Фразеологическая репрезентация концепта «нсэ» (душа) в произведениях А.П. Кешокова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – Ч. 1, № 6 (72). – С. 167–170.

210. Шугушева Д.Х. Фразеологическая репрезентация концепта «унэ» (дом) в произведениях А.П. Кешокова // Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты: сборник научных статей. – Пермь, 2017. – С. 116–118.

211. Эмирова А.М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте. – Ташкент: Фан, 1988. – 89 с.

212. Эмирова А.М. Фразеология перестройки: тематика и семантика // РЯШ. – 1990. – № 3. – С. 77–81.

Словари

213. Бербеков Б.Ч., Бижоев Б.Б., Утижев Б.К. Школьный фразеологический словарь кабардино-черкесского языка. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 36 с.

214. Демьянков В.З., Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Когнитивная лингвистика // Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1996. – С. 53–55.

215. Емузов А.Г. Англо-кабардинско-русский фразеологический словарь. – Нальчик, 1976. – 349 с.

216. Кабардинско-русский словарь / гл. ред. Б.М. Карданов. – М.: Издательство словарей, 1957. – 577 с.

217. Карданов Б.М. Кабардино-русский фразеологический словарь. – Нальчик: Эльбрус, 1963. – 344 с.

218. Карданов Б.М. Кабардино-русский фразеологический словарь. – Нальчик, 1968. – 342 с.

219. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: МГУ, 1997. – 245 с.

220. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – 685 с.

221. Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. – М.: Русские словари, 2005. – 864 с.

222. Ожегов С.И. Орфографический словарь русского языка. – М., 1957. – 1264 с.

223. Словарь кабардино-черкесского языка. – М.: Дигора, 1999. – 860 с.

224. Словарь языка Алима Кешокова / под ред. Б.Ч. Бижоева. – Нальчик: КБИГИ, 2016. – 1148 с.

Шагиров А.К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. – М., 1987. – 290 с.

Литературные источники

226. Кешоков А.П. КЫщокьуэ А. Тхыгъэхэр томыхым щызэхуэхьэсауэ // Собрание сочинений. В 6 т. – Нальчик: Эльбрус, 2005. – Т. 2. – 488 с.

227. Кешоков А.П. КЫщокьуэ А. Тхыгъэхэр томыхым щызэхуэхьэсауэ // Собрание сочинений. В 6 т. – Нальчик: Эльбрус, 2005. – Т. 3. – 752 с.

228. Кешоков А.П. КЫщокьуэ А. Тхыгъэхэр томыхым щызэхуэхьэсауэ // Собрание сочинений. В 6 т. – Нальчик: Эльбрус, 2006. – Т. 4. – 688 с.

229. Кешоков А.П. КЫщокьуэ А. Тхыгъэхэр томыхым щызэхуэхьэсауэ // Собрание сочинений. В 6 т. – Нальчик: Эльбрус, 2006. – Т. 5. – 552 с.

230. Кешоков А.П. КЫщокьуэ А. Тхыгъэхэр томыхым щызэхуэхьэсауэ // Собрание сочинений. В 6 т. – Нальчик: Эльбрус, 2007. – Т. 6. – 544 с.